

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета — **М. А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, член-корреспондент Российской Академии Образования

Е. В. Астахова, доктор исторических наук, профессор, ректор Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия» (Харьков, Украина)

Д. Байчунь, доктор философии, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Пекин, Китай)

Т. М. Кальво Мартинес, доктор философии, профессор, директор Парижского международного института философии (Мадрид, Испания)

В. Макбрайд, доктор философии, профессор, Президент Международной федерации философских обществ (США)

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Баку, Азербайджан)

А. Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана.

С. Н. Сильвестров, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета

В. С. Степин, доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик-секретарь секции философии, политологии, социологии, психологии и права РАН.

М. А. Федотова, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета

А. В. Шестопал, доктор философских наук, заведующий кафедрой «Философия» Московского государственного института международных отношений (Университета).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — **С. Н. Сильвестров**, доктор экономических наук, профессор, проректор Финансового университета.

Заместитель главного редактора — **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета;
А. В. Брега, доктор политических наук, профессор кафедры «Общая политология» Финансового университета;

М. В. Вальяно, кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета;

Е. В. Ганина, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета;

Е. В. Зорина, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета;

Е. В. Лаптева, доктор исторических наук, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета;

В. А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор кафедры «Теоретическая социология» Финансового университета;

А. Н. Лебедев, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета;

И. Л. Масленникова, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Русский язык» Финансового университета;

Т. М. Махаматов, доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финансового университета;

Т. Н. Николаева, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-1» Финансового университета;

Е. А. Орлова, доктор психологических наук, профессор кафедры «Прикладная психология» Финансового университета;

О. Н. Петрова, кандидат технических наук, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета;

Я. А. Пляйс, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общая политология» Финансового университета;

Г. Г. Силласте, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Теоретическая социология» Финансового университета;

И. Н. Шапкин, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета.

Учредитель: Финансовый университет

Заведующий редакцией научных журналов **В. А. Шадрин**
 Выпускающий редактор **Д. З. Музашвили**, к. ф. н.
 Верстка **С. М. Ветров**
 Корректор **О. Ф. Федосова**
 Перевод **Г. Г. Пушкина**

Подписано в печать 27.12.2013.
 Формат 60 x 84 1/8.
 Объем 14 п. л. Тираж – 157 экз.
 Заказ № 5

Адрес редакции:
 125993, Москва, ГСП-3,
 Ленинградский пр-т, 51, к. 105
 Телефон: 8(499)943-94-82;
 e-mail: gum-nauki@yandex.ru

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ №ФС77-47101 от 24 октября 2011 г.

Мнение редакции и членов редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Рукописи представляются в редакцию в электронном виде (по электронной почте или на диске). При этом необходимо указать: ФИО, место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, адрес, контактные телефоны, e-mail. Название статьи, сведения об авторе, краткая аннотация (600–800 зн.) и ключевые слова (5–10 сл.) должны быть представлены на русском и, желательнее, на английском языках. Список литературы должен содержать библиографические данные обо всех публикациях, упоминаемых в статье, и не содержать указаний на работы, на которые в тексте нет ссылок. Список использованной литературы (без повторов) оформляется в конце текста под названием «Литература». В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием порядкового номера источника и номера страницы через запятую. Объем статьи – до 1 п. л. Редакция оставляет за собой стилистическое редактирование, а при необходимости и сокращение материала, публикуемого в журнале.

ФИЛОСОФИЯ

Т. В. Кузнецова
Эстетика в XX веке: основные тенденции 4

А. С. Иванова
Методологическая программа обоснования социогуманитарного знания А. Шюца 12

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Н. А. Хренов
Русская культура начала XXI века в ситуации модернизационных процессов 21

ПОЛИТОЛОГИЯ

Е. О. Савченко
Малый и средний бизнес Великобритании: политика правительства и специфика деятельности 30

СОЦИОЛОГИЯ

Г. Г. Силласте
Национальная идентичность и космополитизм в большом городе 36

Ю. В. Латов, Д. Ю. Алтуфьев
Социально-экономические детерминанты ксенофобии и националистического экстремизма / терроризма 42

ИСТОРИЯ

С. Э. Цветков
Великий печальник за Отечество. Патриарх Гермоген 49

Н. О. Воскресенская
Золото как элемент хозяйственной истории человечества: прошлое, настоящее и будущее 57

ПСИХОЛОГИЯ

Е. В. Камнева, Н. В. Анненкова
Психологические аспекты феномена коррупции 67

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Л. А. Баландина, Е. В. Ганина
Языковая личность: особенности устной речи российской интеллигенции 72

А. Ю. Широких
Стратегии англоязычного парламентского дискурса 76

Р. И. Полякова
Изменение лексического значения слов в молодежной среде 82

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Г. Г. Пушкина
Проблема мотивации при изучении иностранного языка 85

ПУБЛИКАЦИИ ЗАРУБЕЖНЫХ АВТОРОВ

Н. А. Ильина-Соловьева
Террористический дискурс в русской литературе начала XX века 88

РЕЦЕНЗИИ

В. А. Иноземцев
Философия в профессиональной деятельности / отв. ред. проф. А. Н. Чумаков: учебное пособие.— Москва: Проспект, 2013.— 416 с. 101

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Е. В. Ганина, Е. А. Федорова
Технологии обучения языкам и диагностика речевого развития 103

А. Д. Иоселиани, В. П. Ратников
Инновационная работа по философии 105

Т. М. Махаматов, Н. М. Кишлакова
Философия свободы 109

М. А. Белогаш
Образовательный эффект VIII Всероссийского фестиваля науки 113

Д. З. Музашвили, С. Т. Махаматова
Глобализация: новые условия развития цивилизации 114

Е. А. Ялозина
Гендерная политика городов: история и современность 118

PHILOSOPHY*T. V. Kuznetsova***Main Trends in the XXth Century Aesthetics** 4*A. S. Ivanova***Methodological Program of the Grounds
for the A. Schutz Socio-Humanitarian Knowledge** . . . 12**CULTURAL SCIENCE***N. A. Khrenov***The Russian Culture of the Beginning of the XXI
Century in a Situation of Modernization Processes** . . 21**POLITICAL SCIENCE***E. O. Savchenko***Small and Medium Business in UK:
Government Policy and Specific Activities** 30**SOCIOLOGY***G. G. Sillaste***National Identity and Cosmopolitanism
in a Big City** 36*Yu. V. Latov***Socio-Economic Determinants of Xenophobia and
Nationalist Extremism / Terrorism** 42**HISTORY***S. E. Tsvetkov***Great Intercessor for the Motherland. Patriarch
Germogen** 49*N. O. Voskresenskaya***Gold as an Element of the Economic History
of Mankind: Past, Present and Future** 57**PSYCHOLOGY***E. V. Kamneva, N. V. Annenkova***Psychological Aspects of the Phenomenon
of Corruption** 67**LINGUODIDACTICS***L. A. Balandina, E. V. Ganina***Linguistic Personality: Features of Speech of the
Russian Intelligentsia** 72*A. Yu. Shirokikh***The Strategies of the English Language
Parliamentary Discourse** 76*R. I. Polyakova***Changes in the Lexical Meaning
of Words in Young People's Usage** 82**EDUCATION PROBLEMS***G. G. Pushkina***The Problem of Motivation in Learning
a Foreign Language** 85**PUBLICATIONS OF FOREIGN AUTHORS***N. A. Ilyina-Solovyova***Terrorist Discourse in Russian Literature
of the Early Twentieth Century** 88**REVIEWS***V. A. Inozemtsev***Philosophy in the Professional Activities /
min. ed. Prof. A. N. Chumakov: a Tutorial. –
Moscow: Prospect, 2013. – 416.** 101**SCIENTIFIC LIFE***E. V. Ganina, E. A. Fedorova***Technology of Language Teaching and Diagnosis
of Speech Development** 103*A. D. Ioseliani, V. P. Ratnikov***Innovative Work in Philosophy** 105*T. M. Mahamatov, N. M. Kishlakova***Philosophy of Freedom** 109*M. A. Belogash***Educational Effect VIII All-Russian Festival
of Science** 113*D. Z. Muzashvili, S. T. Mahamatova***Globalization: New Conditions
for the Development of Civilization** 114*E. A. Yalozina***Gender Policy of the Cities: History and Present** . . 118

УДК 7.01(045)

Эстетика в XX веке: основные тенденции

Навстречу XIX Международному эстетическому конгрессу

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА, доктор философских наук, профессор кафедры «Эстетика» философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

E-mail: estet@philos.msu.ru

Аннотация. В статье рассматривается многообразие форм эстетической деятельности в современных социокультурных условиях включая концепт Т. Адорно и московскую школу М. Ф. Овсянникова. Освещаются основные тенденции развития современной эстетики. Рассматриваются основные особенности некоторых влиятельных течений эстетической мысли XX в. — экзистенциализма, сайентистской эстетики, феноменологической эстетики, Франкфуртской школы.

Ключевые слова: эстетика; вкус; гармония; красиво/некрасиво; пластика; сайентистская эстетика; феноменология; философское знание; Франкфуртская школа; ценность; антиценность; экзистенциализм; эстетика.

Main Trends in the XXth Century Aesthetics

Forward to the Nineteenth International Aesthetic Congress

TATYANA V. KUZNETSOVA, Ph. D. (Philos.), Professor, Depart of Chair of an Esthetics Faculty of Philosophical Moscow State University of M. V. Lomonosov

E-mail: estet@philos.msu.ru

Abstract. The article discusses the structure of the core problem of aesthetics, including Adorno's concept. Highlights the main trends in contemporize aesthetics. The main features of several in fluencies currents of aesthetics thought the 20 th century – existentialism, phenomenological aesthetics and the Frankfurt school.

Keywords: aesthetics; existentialism; phenomenology; Frankfurt school; philosophical knowledge; values; anti-values; beautiful; ugly; taste; harmony; plastic.

В начале 60-х годов прошлого столетия Т. Адорно констатировал симптомы кризиса традиционной эстетики как философской науки. «Понятие философской эстетики производит впечатление чего-то устаревшего, так же как и понятие системы или морали» [1]. Ее место по его наблюдениям стали занимать своего рода теории художественного ремесла, в конечном счете сводящиеся к узко позитивистскому взгляду на вещи.

Однако тогда, в 60-е, 70-е и даже в 80-е годы эти заметки Адорно казались совсем неочевидными. Мы хорошо помним международные эстетические конгрессы того времени, помним имена их ведущих участников, которые в те времена звучали достаточно громко, во всяком случае в академическом сообществе. М. Дюфрен, П. Рикер,

Ч. Дики — все они в разное время обогатили эстетическую мысль оригинальными идеями и серьезными исследованиями. Казалось бы, о кризисе не могло быть и речи. Тем не менее предчувствие Адорно было во многом справедливым, и сегодня мы вряд ли сможем найти в каталогах зарубежных изданий какую-то новую фундаментальную работу, намечающую новые пути в эстетике. Да и у нас после периода бурного развития эстетики, начавшегося в середине 50-х годов и давшего ряд плодотворно работающих школ, в том числе и московскую школу М. Ф. Овсянникова, наступил очевидный спад. Кто-то, в сущности говоря, подводит итоги сделанному, а кое-кто из заметных фигур эстетического движения 60-х-80-х годов давно уже ушел в другие области знания — историю

философии, социологию и, конечно, политологию. А новые имена на эстетическом небосклоне почти не появляются...

Означает ли это, что те темы, над которыми традиционно работает эстетика, исчерпаны и закрыты? Рискнем предположить, что наступивший спад — временное явление, отражающее сужение горизонта духовных интересов общества.

Одним из характерных симптомов сложившейся на сегодня ситуации является вытеснение собственно эстетики в широком смысле этого слова более узкими и очень специализированными направлениями анализа, такими, как семиотика или социология культуры, которые к тому же сосредоточили свое внимание не на всей сфере эстетических явлений, а практически исключительно на одном искусстве. Сегодня работа, посвященная такой традиционной теме, как эстетические категории, может быть воспринята как своего рода анахронизм. Поскольку разработка традиционной эстетической проблематики как бы застыла на точке 20–30-летней давности, не происходит и развития системы эстетического знания, его адаптации к современному полю культуры.

Не в этом ли истоки того снижения креативного потенциала эстетики, которые были предсказаны еще несколько десятилетий назад и которые мы сегодня отчетливо ощущаем?

Однако вряд ли можно рассчитывать на то, что позитивная тенденция сложится как-то сама собой. Для этого требуются целенаправленные усилия и, конечно, рефлексия, осмысливающая весь опыт развития эстетической мысли, в особенности в последние десятилетия.

Прежде чем коснуться современных проблем эстетики, хотелось бы сказать несколько слов об эстетике вообще.

Эстетика — это особый раздел философского знания. Само слово «эстетика» по-гречески значит «чувственный», «относящийся к чувствовосприятию». Предметом эстетики, если сформулировать это с современной точки зрения, является особое эстетическое отношение человека к окружающему миру. Есть другие виды: 1) утилитарно-практическое, 2) теоретическое (с точки зрения познания). А в чем же специфика эстетического отношения? Оно характеризуется двумя моментами. Во-первых, предметом отношения является чувственно воспринимаемая форма того или иного явления как особая выраженная форма. Во-вторых, это отношение носит, так сказать, неутилитарный

характер. Форма выступает как объект незаинтересованного любования. Маркс писал об эстетических отношениях: когда человек удрученный заботами, нуждающийся человек нечувствителен даже по отношению к самому прекрасному зрелищу, торговец минералами видит не красоту и не своеобразную природу минерала, а только меркантильную стоимость. Вещь, воспринимаемая эстетически, фактически «просто нравится» (или не нравится) и все — соображения пользы и любые другие в расчет не принимаются. Поэтому эстетически значимая форма самоценна, она воспринимается как ценность (антиценность), а само эстетическое отношение является ценностным и предполагает оценку: нравится / не нравится, красиво / некрасиво и т. п. Эта ценность не доказывается, она является объектом индивидуального предпочтения субъекта, делом его вкуса.

Хотя эстетическая ценность в этом смысле суверенна и как будто бы парит над миром, она все не оторвана от грешной действительности, от практических интересов человека, эти элементы связаны с практической ценностью вещей, содержатся в эстетически привлекательных формах как бы в снятом виде. Например, нам нравятся обтекаемые формы автомобиля. Почему? Символ скорости. Таким образом, условием возникновения эстетического отношения является возникновение устойчивых ассоциаций с такими вещами, как благо, целесообразность, престиж, богатство (с этим связаны эстетические свойства золота и серебра; для сравнения — у некоего негритянского племени еще в XIX в. считалось красивым железо) Утилитарное, таким образом, присутствует и как бы просвечивает в эстетическом в качестве его второго, скрытого плана.

Эстетическое отношение может иметь разный оттенок, разную эмоциональную окрашенность. Поэтому оно характеризуется с помощью различных определяющих понятий. Эти понятия обычно именуется эстетическими категориями. Все эти категории обычно парные (+ и –). Наиболее важные — это прекрасное/безобразное; трагическое/комическое; возвышенное/низменное. Но есть еще уточняющие, производные, промежуточные категории, например, изящное.

Объектом эстетического отношения могут быть явления самые разные. Это отдельные предметы естественного происхождения и сама природа в целом, предметы рукотворные, в частности (и прежде всего) произведения искусства,

окружающая человека природная среда, наконец, сам человек и различные формы его деятельности. Мы можем говорить, например, об эстетике спорта, об эстетической привлекательности бытовых форм (этикет). Математики говорят о красивых решениях, шахматисты — об изящных ходах и композициях и т. п.

Эстетическая форма не имеет познавательного статуса, через эстетическую ценность мы не получаем собственно знания. Но она способствует познанию, активизирует его, служит нашей ориентации в окружающем мире. Характерный пример приводит авиаконструктор Антонов: интуитивно наиболее красивая форма обычно оказывается и наиболее целесообразной, как это потом показывает расчет. В эстетическом отношении важная для нашего познания информация как бы «свернута», и оно позволяет охватить как бы сразу, единым взглядом множество параметров в их взаимной увязке. Соответственно этому содержание современной эстетики довольно многообразно. Оно включает в себя такие группы проблем, разработка которых дает целые теоретические разделы: как сущность художественного творчества, природа эстетического вкуса и механизмы формирования эстетического отношения, законы эстетического освоения мира человеком, структура и закономерности функционирования эстетической культуры (а под эстетической культурой мы понимаем всю ту часть культуры, которая представляет собой сферу эстетической ценности) и ряд др.

В ходе развития культуры и эстетической способности как ее неотъемлемого элемента обогащалась также и система эстетических категорий. Каждая из категорий при этом внутренне дифференцировалась, закрепляя таким путем усложнившиеся эстетические представления. Так появляется представление о различных видах прекрасного (изящное, грациозное и т. п.) или комического (юмор, сатира, ирония и т. д.). Появляются и новые категории, отражающие развитие социального и художественного опыта, такие, как мелодраматическое, гротескное, романтическое. Эти новые категории, однако, более специальные и уже по сфере охвата, чем основные эстетические категории. Как правило, они не могут быть отнесены ко всей действительности в целом и характеризуют специфические особенности поведения и переживаний человека.

Эстетическое отношение реализуется практически во всех сферах жизни. Вместе с тем

в процессе развития человечество выработало специальные формы деятельности, задачей которых является целенаправленное культивирование и развитие нашей эстетической способности. Сохранением этих форм деятельности является эстетическое оформление человеческого поведения, окружающей предметной среды, производство особого вида продукции — эстетических ценностей.

Способность относиться к явлениям эстетически детерминирована культурно-исторически, а также социально. Еще Чернышевский отметил, что идеал светской красавицы отличается от народного идеала красоты. Или: в эпоху классицизма эстетичной считалась «украшенная», подчеркнута сформированная человеком природа (что объясняется вообще идеалом уравновешенности и упорядоченности (в противовес хаотическому и многоцветному миру средневековья), а в эпоху романтизма — «естественность» той же самой природы [2].

Из того что эстетическая способность обусловлена социальными и культурными факторами, следует, что круг проблем эстетики, способ постановки и анализа этих проблем исторически менялись [3]. Менялось и место эстетики в системе знания. Например, античные мыслители активно ставили эстетические проблемы, но эстетика как наука у них не выделялась в самостоятельную область. Дело в том, что у них то, что сейчас называем эстетикой, — это учение о мировой гармонии и пластически оформленном бытии, трактуемое прекрасное прежде всего как телесную соразмерность. Поэтому эстетика у них по существу совпадает с философией природы или если употребить специальный термин — натурфилософией [4, с. 628–644.].

В средние века эстетическое утрачивает телесный характер и приобретает характер спиритуальный, духовный. Красота трактуется как символическое отображение божественного совершенства. В такой системе мировоззрения эстетика тоже выделиться не могла, она сливалась с философией религии. Отделяется она от других отраслей знания тогда, когда в полной мере была осознана суверенность человека как субъекта познания и действия, нет «вписанного» в мир, но и противостоящего ему, когда в полной мере можно стало говорить о самоопределении человека в сфере оценки и вкуса. Это произошло в философской мысли Нового времени — XVII и особенно XVIII в. Тогда же, в середине XVIII в. возникает

и сам термин «эстетика», который предложил немецкий философ-просветитель А. Баумгартен [5]. В этот период эстетика развивалась преимущественно как философия искусства.

Современная эстетика тоже сохраняет характер философской дисциплины, но она уже не носит исключительно философского характера, а опирается на данные конкретных наук, которые в XVIII и даже XIX в. не существовали либо были еще в зародыше. Это психология творчества и восприятия, социология, семиотика и ряд др. [6]

До последнего времени весьма влиятельным направлением в эстетике, наряду с марксизмом был экзистенциализм [7]. Типичным примером экзистенциальной эстетики является эстетика одного из его теоретиков — Сартра, который был также крупным писателем. Экзистенциальная эстетика отражает характерные черты экзистенциальной философии в целом. Эта философия обращена к человеку, к его эмоциональному самочувствию. Человек — это существо, «заброшенное» в мир и ощущающее в нем тоску и отчаяние. Фундаментом для экзистенциализма является различие подлинного и неподлинного бытия. Человек как личность раскрывается таким образом в подлинном, но в повседневной реальности он ведет неподлинное, стереотипное, обезличенное существование. Подлинное существование достается в те редкие минуты жизни, когда человек осуществляет свой подлинно свободный выбор. Это его звездные минуты, это минуты трагические, так как такой выбор осуществляется обычно перед лицом смерти, в совершенно особых — «пограничных» ситуациях. Свобода, осуществляемая в таком выборе, это высшая ценность, но вместе с тем бремя — человек «обречен» на свободу. Примером такой экзистенциальной ситуации можно считать ситуацию комбата Сотникова в «Восхождении» Л. Шепитько.

Вот как Сартр рассматривает в свете этой концепции творчество Бодлера, как он интерпретирует его темы и мотивы. Творчество, рассуждает Сартр, это чистая свобода, которая теряет себя в сознании человека, а по сути в «ничто», так как сознание есть всегда продолжение бытия за его пределами и в этом смысле его отрицание, небытие [8]. Бодлер стремится к этой свободе и в то же время испытывает страх перед ней, как и перед одиночеством и небытием. Стремление избежать тревоги, которую вызывала у него перспектива полной свободы, порождало в нем стремление

ограничивать свободу как чистую субъективность рамками объективного, стремиться к компромиссу с объективным. Отсюда двойственность сознания поэта, постоянно преследующее его чувство виновности, которое видно в его стихах.

Основной и конечной целью искусства по Сартру является присвоение совокупной целостности бытия человеком. Делает это искусство, показывая мир не таким, каким он является на самом деле, а таким, каким он был бы, если бы имел достаточную степень свободы для человека и, следовательно, не был бы отчужден от людей, а соответствовал бы их стремлениям. Показателем того, что эта цель достигнута, является возникновение эстетического наслаждения при восприятии произведения искусства.

Раскрытие мира осуществляется в художественном творчестве и восприятии не иначе как только в действии, ибо только в действии человек может почувствовать себя как бы стоящим над ситуацией реального мира, т. е. способным изменить его. Творческая активность, стимулируемая восприятием произведения, затем переносится на реальный мир и проявляется в стремлении к справедливости и свободе. Следовательно, искусству свойственно внушать чувство моральной ответственности за несправедливость, совершающуюся на Земле, учить нести эту ответственность. В ранний период своей деятельности Сартр утверждал идею этической нейтральности искусства, зрелый Сартр, прошедший через опыт войны с фашизмом и сопротивления, делает заключение о связи эстетического и этического аспектов и даже выдвигает последний на первый план: «в основе эстетического императива, — пишет он, — лежит императив моральный» [8]. Создать хорошее произведение без этически оправданной идеи невозможно. В этом эстетика Сартра перекликается с Толстым и Достоевским.

Исходя из такого понимания функций искусства, Сартр утверждает, что основным условием свободы является демократия, когда угрожают демократии, угрожают и искусству. И не всегда демократию можно защитить пером; приходит день, когда перо откладывается и писатель берется за оружие [8].

Сартр и другие представители леворадикальной эстетики, различных ее направлений, не являются апологетами капитализма, но и выступают с решительной его критикой. Об этом, наверное, надо задуматься некоторым нашим современным

общественным деятелям, которые именуют себя левыми радикалами (это, кстати, не случайно, потому что вообще-то они правые). Инвектива Сартра против капитализма включает в себя констатацию того факта, что буржуазия стремится включить искусство в обычные рыночные отношения, рассматривая его не как бескорыстное и незаинтересованное творчество, а как оплачиваемую услугу.

В какой ситуации только истинные художники остаются верными миссии искусства. Каждое их произведение является предпосылкой не только отображения мира, но и его изменения. В какой то мере из этой мысли Сартра вышла леворадикальная эстетика 60–80-х гг., тесно связанная с бунтующим студенческим движением. Стараясь изменять мир, она попыталась снять ту «прозрачную стену», которая отделяет искусство от мира, преодолеть грань между искусством и жизнью, создавая своего рода хеппенинги, в которых грань между искусством и политическим действием стиралась. Но все же этот опыт показал, что в качестве непосредственного катализатора искусства недостаточно эффективно. Гораздо важнее его функция отражения, убеждения. Отражая разочарование в этом опыте, Сартр признал, что искусство само по себе не может изменить современное общество. «Я долго принимал перо за шпагу, написал он в 60-е годы, — теперь я убедился в нашем бессилии» [8].

Это изменение точки зрения на искусство вызвало существующий сдвиг в эстетике Сартра. Теперь в качестве практики он рассматривает уже не философское или художественное творчество, т. е. не деятельность сознания, как это было у него раньше, а труд, производство. В этом плане на последней стадии своей идейной эволюции он существенно сблизился с марксизмом. В процессе любой деятельности, по Сартру, нет ничего предопределенного. Реализуя эту деятельность человек, художник не основывается на какой-либо заранее заданной установке, а вовлекается в жизнь, не зная к чему приведет избранный им путь. Например, когда художник пишет картину, он не знает в точности, какой она будет. В этом смысле художественное творчество является как бы обобщенной моделью человеческой деятельности вообще [8].

При этом Сартр различает две основные модели творчества: «искепистскую» и «вовлеченную» [8]. Первая из них характеризуется бегством

в прошлое, в мир иллюзий, стремлением к вечной неподвижности и спокойствию материального бытия. Этой модели он противопоставляет «вовлеченное» (или «ангажированное») искусство. Сартр выступает против снобистской точки зрения, будто это ослабляет эстетическое значение искусства. Художник вовлечен в общественную жизнь, «завербован» ею, и это не только не плохо, но и естественно. Он должен содействовать изменению наличных социальных ситуаций с целью содействия человеческой свободе. Но при этом художник не должен служить какой-либо конкретной партии. Таким образом, несмотря на некоторое созвучие, концепция «ангажированного» искусства противоположна известной концепции партийности.

Следующее весьма влиятельное направление — это сайентистская эстетика. В ней много различных течений и концепций, а объединяет их одно — стремление к применению для описания и анализа искусства общенаучных понятий, особенно разработанных в естествознании и точных науках. К числу последних причисляются лингвистика, логика, семиотика, теория информации, которые весьма активно проникают в исследование искусства и в значительной степени определяют лицо сайентистской эстетики.

Одним из самых характерных примеров сайентистского подхода является эстетика Н. Гудмена. Гудмен рассматривает искусство как форму познания и выявляет ее специфику через сопоставление искусства с научным познанием. Даже критерии эстетического совершенства он связывает не с прекрасным или приятным, а с познавательной эффективностью искусства как особой символической системы. Изъян этой эстетики, как и большинство других сайентистских концепций в том, что субъект творчества и восприятие берется изолировано. Это своеобразная эстетическая робинзонада. Тем не менее применение к искусству понятий, разрабатываемые в логике и математике, дает порой неожиданный эффект и высвечивает некоторые неожиданные моменты искусства.

Характеризуя познавательную специфику искусства, Гудман учитывает интеллектуализацию современного искусства. Поэтому он отказывается от традиционной схемы, согласно которой наука обретает мир в понятиях, а искусство в образах. По его мнению, отличие искусства от науки состоит не в этом, а в доминировании символов с различными специфическими характеристиками [7].

Специфику эстетически знаковых систем он связывает с некоторыми признаками (или как он их называет, — «симптомами») эстетического [7].

- Отношение между знаком и обозначаемым по типу экземплификации (пример: у Эйзенштейна в «Октябре» кадры, на которых сняты часы, подаются идею исторического времени. Проблема в том, что экземплификация многозначна.

- Компактность. Это термин, который взят из области математики и характеризует внутреннее строение некоторого множества. Множество компактно, если между любыми двумя его элементами всегда существует третий элемент. Используя понятие компактности, Гудмен стремится формально-математическим языком указать на то обстоятельство, что при эстетическом восприятии учитываются малейшие нюансы начертания, характер штриха и т. п.

- «Синтаксическая насыщенность». Это понятие введено с тем, чтобы различать наглядные элементы научного и художественного языка. Сравним, к примеру, моментальную кардиограмму с рисунком Хокусая, изображившего гору Фудзи. Контур может быть одним и тем же. В чем же разница? Для восприятия произведения искусства важны: цвет линии, толщина штриха и т. п. Это значит, что значимыми являются больше компонентов изображения, чем на кардиограмме, оно синтаксически более насыщено.

Другой пример сайенистской эстетики — теоретико-информационная эстетика А. Моля. Моль берет некоторое художественное произведение и расчленяет на простейшие элементы: отдельные звуки, изображение по принципу телевизионного раstra, каждый из элементов может рассматриваться как единица в двоичной системе информации — бит [7]. Затем подсчитывается общее количество информации в произведении, а на этой основе формулируются качественные оценки произведения «содержательность» и т. п. Произведение рассматривается как информационная структура со сложной архитектурой уровней. Так произведение несет как общую информацию, так и эстетическую. Эстетическая информация связана с возможностью вариации одного и того же знака или сообщения (так, оценивая красоту женщины, мы берем ведь не общую особенность строения женского тела, а именно уникальность данного тела).

Следующий тип эстетической теории, которую мы кратко охарактеризуем, это феноменологическая

эстетика. Рассмотрим ее на примере концепции Г. Зедльмайра. Формирование научных интересов Зедльмайра связано с Венской школой искусствознания, характерной чертой которой было разочарование в позитивизме и психологизме и попытка анализировать имманентные свойства искусства. История искусства, по Зедльмайру, — история духа, разворачивающегося в смене художественных систем и стилей. Основное внимание сосредоточено на анализе произведения искусства как автономной специфической структуры текста.

Феноменологический анализ произведения — это метод структурного смыслового анализа отдельного произведения, затем искусства в целом и, наконец, всей духовной атмосферы эпохи. Художественное произведение как эстетический объект существует для Зедльмайра в акте восприятия. При этом произведение рассматривается не как вещь, а как некий «идеальный объект», данный в этой материальной вещи; существует этот идеальный объект в сознании. Таким образом эстетическое восприятие порождает произведение как эстетический объект, при этом порождение одновременно является интерпретацией. В отличие от научного сознания, расчленяющего бытие и направленного на факт, деталь, частность, искусство направлено на целостность бытия. Поэтому истины искусства выше научных. Более того, только художник способен уловить «лицо», живую качественность мира. Онтологической предпосылкой произведения является некоторая объективная реальность, однако само произведение не существует в реальности, оно дано лишь нашим воображением, изолировано от мира и имеет собственное время существования.

Основные принципы структурного анализа изобразительного искусства и архитектуры сформулированы Зедльмайром в его работе «Образное видение» [7]. Центральным здесь является понятие структуры как расчлененной целостности, элементы которой определенным образом связаны друг с другом. Законы бытия художественного произведения равнозначны законам его структуры.

В этой связи Зедльмайр по-новому трактует процесс интерпретации художественного произведения. Интерпретация в искусстве не есть просто «истолкование», отыскание некоего «значения», скрытого за художественной формой. Интерпретация есть воссоздание, новое рождение произведения в душе зрителя. В интерпретации

картинка или скульптура как вещь не меняется, но заключенный в них «идеальный объект» всегда новый.

Интерпретация произведения является творческим процессом и захватывает человека целиком — его ум, душу и тело. Этот процесс имеет три ступени: первая — непосредственное и непредвзятое впечатление, еще неразвитое и нечеткое; вторая — поиск «правильной» интерпретации, соотнесение элементов художественного целого, привлечение знаний о мире и искусстве, работы воображения и интеллекта. Это рациональная стадия.

Третья — на второй стадии первоначальная целостность распадается, поэтому остановка на ней равнозначна разрушению художественного произведения. Поэтому на существующей третьей стадии эта целостность вновь воссоздается, но теперь она обогащена интерпретацией.

Проблема интерпретации приобретает у Зедльмайра особое значение в связи с оценкой модернистского искусства. Это искусство впервые дало произведения, принципиально неинтерпретируемые. Перед таким «произведением» интерпретатор немеет или же он просто осуществляет симуляцию интерпретации. А так как интерпретация равнозначна созданию произведения как идеального объекта, то модернизм уже выводит нас за рамки искусства.

Однако у Зедльмайра данная проблема трактуется специфическим образом, потому что под понятие модернизма и декадентского искусства он подводит и реализм. Вообще же он предлагает следующую периодизацию европейского искусства:

- Предроманское и Романское (550–1150),
- Готика (1140–1470),
- Ренессанс и барокко (1470–1760),
- Модернизм (1760 — по настоящее время).

Это связано с религиозными основами его эстетики. Вершиной этой точки зрения является готика как образец подлинной целостности и красоты, образ «божества», абсолюта. Далее уже упадок, регресс, связанный с кризисом христианства. Закономерным следствием кризиса стало обособление искусства и религии. Этот процесс положил начало переходу к антигуманности и эксцентричности модернизма и вообще в конце концов — к антиискусству. Модернизм знаменует собой замену гомоцентрического, антропоморфного мировосприятия космоцентрическим и технотронным. Нельзя

определять современное искусство как упадок или взлет — оно противоречиво.

Наконец последнее направление, которое оказало влияние на развитие эстетики в XX в., — это Франкфуртская школа. Франкфуртская школа — идейное течение, возникшее в начале 30-х годов на базе Франкфуртского института социальных исследований. В своих поисках она связана с марксизмом, но марксизмом «критическим», адаптированным в рамках буржуазной философии и мелкобуржуазного леворадикального политического сознания.

В центре философии Франкфуртской школы — критика рационального разума и даже всей диалектики просвещения, лежащей в основе европейской духовной культуры Нового времени. Рациональное мышление изначально обладает неким дефектом — оно репрессивно, оно связано с господством и волей к власти, потому что смысл его в овладении отдельным от субъекта и противопоставленным ему объектом, в том числе природой (включая и природу самого человека). Это значит, что оно всегда подавляет. Рациональность проникает в человеческое общество, превращает общество в коллектив обличенных анонимов. Каждый человек лишь кажется личностью — на самом же деле он псевдоиндивидуальность. Надо вместо рационального буржуазного человека произвести действительного человека. Для этого надо сбросить с нашего сознания и вообще с нашего «Я» оковы тех форм мышления, оставаясь в которых мы обречены воспроизводить буржуазное общество. Сделать это должно искусство. Подлинное искусство выражает истину человеческого существования в гармоничном единстве с природой, когда человек со своим сознанием не противопоставляет себя ей, а уподобляется ей и ее творческим силам. Такая гармония человека и природы осуществляется на самых ранних ступенях истории. И истинное искусство должно возродить дух того времени, оно становится как бы «поиском утраченного времени». И с данных позиций поиска — воспоминания мы должны рассматривать всю современную цивилизацию. Но истина, возвещаемая таким образом, должна казаться человеку, воспитанному в буржуазной культуре, абсурдом. Поэтому адекватная своим задачам форма современного искусства есть искусство абсурда. Такое искусство неизбежно обрекается на одиночество, на конфликт с массовой публикой. Романтическая позиция непризнанного, непонятого, гонимого художника

является единственно возможной для того, кто работает в русле такого искусства. Поэтому его неизбежная социальная форма — элитарность.

А это значит, что истинное искусство вступает в противоречие с понятием произведения как такового. Его произведения уже не должны быть произведениями в точном смысле слова, а должны быть средством его отрицания, деструкции. Настоящее произведение всегда «на грани», оно как бы балансирует между существованием и несовершенствованием. Искусство должно смоделировать, так сказать, материальную архитектонику качества. Образец такого искусства рассматривает атональная музыка Шенберга, а также эксперименты беспредметничества в живописи.

Опираясь на культуру предыдущих веков, хочется верить, что эстетика будет развиваться и влиять на другие науки в конвенциональном плане, а также переосмысливать и анализировать как классическую, так и модернистскую и постмодернистскую картину мира и человека.

Эстетика как философская наука, эстетическая мысль, эстетическое и художественное воспитание

отражают в сферах человеческой жизнедеятельности воплощение красоты и гармонии, способствуя как единению всех наций и народов, так и образованию молодежи в современном мире.

Литература

1. Адорно Т. Эстетическая теория — М.: Республика, 2001. — 527 с.
2. Крутоус В. П. Эстетика и время. Книга взаимоотношений. — СПб.: Алтейя, 2012. — 672 с.
3. Бычков В. В. Эстетика: Учеб. — М., 2002. — 556 с.
4. Аристотель. Политика. Соч. в 4 т. — М., 1983. — С. 628–644.
5. Овсянников М. Ф. История эстетической мысли. — М.: Высшая школа, 1984. — 336 с.
6. Выготский Л. С. Психология искусства. — М., 1986. — 574 с.
7. Долгов К. М. От Кьеркегора до Камю: очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. — М.: Искусство, 1990. — 399 с.
8. Долгов К. М. Эстетика Ж. — П. Сартра // Знание — Эстетика — 1990. — № 3–64с.

УДК 1:316(045)

Методологическая программа обоснования социогуманитарного знания А. Шюца

ИВАНОВА АННА СЕРГЕЕВНА, кандидат философских наук, доцент кафедры философии факультета социально-гуманитарных наук МГТУ им. Н. Э. Баумана
E-mail: anna-msu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вклада А. Шюца в методологию социального познания. Показано, что, наследуя принципы феноменологической философии Э. Гуссерля, Шюц критически переосмысляет целый ряд категорий «понимающей» социологии М. Вебера. Теория социального действия, проблемы языка, коммуникации и ряд других получают в свете «феноменологии естественной установки» А. Шюца новое прочтение. В рамках статьи продемонстрировано также влияние идей А. Шюца на ряд направлений современной социальной теории – этнометодологию, социальный конструктивизм. Оспорено понимание теории А. Шюца в качестве «социологического субъективизма».

Ключевые слова: методология социального познания; социальный конструктивизм; феноменология естественной установки; этнометодология.

Methodological Program of the Grounds for the A. Schutz Socio-Humanitarian Knowledge

ANNA S. IVANOVA, Ph. D. (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy Faculty of Social Sciences and Humanities Bauman MSTU
E-mail: anna-msu@yandex.ru

Abstract. The article discusses the contribution of A. Schutz in the methodology of social cognition. It is shown that inheriting the principles of phenomenological philosophy of Husserl, Schutz critically reconsiders a number of categories of «comprehending» sociology of Max Weber. The theory of social action, the problems of the language, communications and many others obtain a new reading in light of the «phenomenology of the natural attitude» by A. Schutz. The article also demonstrates the influence of the ideas of Schutz on a number of areas of modern social theory – ethnomethodology, social constructivism. Understanding of the theory of A. Schutz as a «sociological subjectivity» is contested.

Keywords: ethnomethodology; methodology of social cognition; phenomenology of the natural attitude; social constructivism.

Проект Альфреда Шюца методологического свойства: признавая несомненные заслуги Макса Вебера в деле формирования «понимающей» социологии, Шюц настаивает на необходимости углубленной феноменологической рефлексии в отношении ее базовых концептуализаций.

Что есть «смысл»? Смыслом чего он является — смыслом деятельности как процесса или совершенного действия? Как соотносятся подразумеваемый самим социальным агентом смысл и смысл,

приписываемый его действию наблюдателем? Как вообще возможно постижение Другого? Без ответов на эти вопросы, по мысли Шюца, невозможно дальнейшее развитие социальной науки. «Подвести под понимающую социологию отсутствующий у нее до сих пор философский фундамент» [4, с. 733], — так сам Шюц формулирует замысел своей теории.

Предпринимаемый на страницах «Смыслового строения социального мира» глубокий и по

скрупулезности подчас сравнимый с анализом самого Гуссерля разбор посвящен одной из ключевых проблем веберовской социологии — проблеме субъективного смысла действия.

Шюц рассуждает как феноменолог: понятие «смысл» — значит понятие механизмы его формирования, рассмотрению «протофеноменов социального бытия» посему предпосылается анализ смыслопорождающей деятельности сознания. Опираясь на тексты А. Бергсона и, в первую очередь, Э. Гуссерля, Шюц подробно анализирует темпоральность сознания — «временная» перспектива сыграет ключевую роль при формулировании собственной теории социального действия.

Анализируя «поток сознания» как поток переживаний, Шюц настаивает на том, что вычленение неких единиц возможно лишь как «воспоминание». Смысл переживания возникает как рефлексивное обращение к себе, как возвратное движение. Таким образом, не всякое переживание осмыслено: «Различимые переживания существуют лишь для обращенного назад взгляда» [4, с. 742]. Тем самым сознание у Шюца предстает на уровне не «живого настоящего», но рефлексивного возвращения к себе.

Приведенное рассуждение Шюца, казалось бы, не представляет непосредственного интереса для социальных наук. Однако это не так, и мы постараемся это обосновать в дальнейшем. Пока же отметим, что именно в данном контексте, как представляется, следует понимать шюцевскую критику теории социального действия Вебера. Последний ошибочно, по мнению Шюца, отождествляет смысл действия с его мотивом. Осмысленность у Вебера есть целеполагание: его теория действия проективна. Шюц же, наряду с веберовским «мотивом» — «мотивом-для», выделяет «мотив-потому-что». Последний есть причинное объяснение (не в смысле, скажем, структурного функционализма), то есть своеобразная ретроспекция: только *postfactum*, согласно Шюцу, мы можем понять, какие обстоятельства привели нас к совершению действия.

Нельзя не отметить, что большинство исследователей теории Шюца просто фиксируют как факт: наряду с «мотивом-для» ученый выделяет «мотив-потому-что». Мы полагаем, что наше обращение — пусть и не претендующее на полноту — к шюцевской интерпретации сознания прольет некоторый свет на «философские корни» его социологических построений.

Итак, смысл действия, полагает Шюц, не есть мотив, первый не дан субъекту априори — до совершения действия, он возникает лишь по завершении акта. Даже наше планирование, подчеркивает Шюц, ретроспективно: на стадии постановки целей я уже постигаю ситуацию как свершившуюся. Для характеристики данного тезиса Шюц обращается к модусу будущего совершенного — *modofuturiexacti*. Тем самым Шюц ослабляет «акционизм» Вебера: действие не всегда имеет четкую цель, и человек не всегда может отчитаться относительно собственных намерений. Скорее, он будет стремиться найти «оправдание» уже совершенному действию. Несколько забегаю вперед, отметим: действие у Шюца формируется типизациями прошлого опыта. И последующая феноменологическая традиция (Г. Гарфинкель и др.) будет склоняться именно к такой трактовке социального действия — оно не столько проективно, сколько всегда уже «ретроспективно». О «рациональности» действия поэтому можно говорить лишь тогда, когда оно осуществлено, ибо она также не предпослана ему изначально (веберовская трактовка).

Заслуга Шюца здесь в том, что под это социологические проблемы им подводится обширная философская база. Остановимся на этом подробнее.

Невозможно, убежден Шюц, в духе Вебера говорить о подразумеваемом смысле вообще. И вот почему. Смыслы есть интенционально производимые наслоения, они подвижны, ибо не самоидентичны и переживания. Здесь Шюц вновь обращается к феноменологии Гуссерля, к его проблематике изменения «внимания», «состояний напряжения», в результате которых модифицируется не только нозетическое (переживание), но и нозматическое (полагаемый смысл).

Каждый новый смысл дается как включенный в общий контекст опыта. «Всякое опытное переживание... существует в окружении удержаний, отсылающих к прошедшим переживаниям, и предвосхищений, указывающих на предстоящие переживания» [4, с. 778]. Смысловые контексты переживаний воплощаются в схемах опыта. Таким образом, последние суть результат сложной предварительной интенциональной работы по упорядочиванию опыта (акты синтеза), однако человеку в «естественной установке» они даны непосредственно — в качестве согласованного опыта, основания которого не проблематизируются (категория «мир, принимаемый как данность»). Схемы опыта выступают своеобразными «смысловыми

заготовками». В результате интерпретация осуществляется по принципу сведения незнакомого к знакомому.

Возвращаясь к временной перспективе социального действия как перспективе *modofuturixasti*: чтобы представить действие осуществленным, должен быть схожий опыт; чем он больше, тем более автоматическими становятся наши действия. То, что поначалу требовало контроля, теперь выполняется без видимых усилий. Отсюда проистекают шюцевские принципы «и так далее» и «я-могу-сделать-это-снова» как основные варианты типизации действий.

Итак, Шюц убежден: подлинный мотив — это «мотив-потому-что». В то время как «мотив-для» объясняет действие исходя из замысла, «потому-что» объясняет формирование самого мотива. Сошлемся на приводимый самим Шюцем пример с раскрытием зонта: «так как идет дождь, я раскрываю зонт» [4, с. 795]. «Мотив-для» будет — не промокнуть. То есть для действующего «смысл» не в «мотиве-потому», а в соотношении деятельности с замыслом. Эта соотношенность дана как нечто очевидное. Дабы обнаружить подлинный мотив, необходимо проблематизировать эту связь: показать, что сам замысел опирается на контекст опыта — промокание как неприятность и т. п. Строго говоря, отчет должен быть переформулирован так: «Раскрытый зонт защищает от промокания во время дождя». Однако в повседневной жизни мы постоянно подменяем «причинное» «целевым» (у Шюца для этого специальный термин — «не собственно причинные мотивы»). Задача социологии в этом контексте — обнаружение этой «подтасовки».

При этом еще раз подчеркнем: вопрошание «почему?» осмыслено как для самого актора, так и для социолога лишь по завершении действия. «Почему раскрывается зонт?»: «дождь» становится связан с «раскрытием зонта» лишь в контексте моего прагматически организованного опыта (уже сформировавшегося). Смысловой контекст, который и надлежит понять, конструируется в ретроспекции.

Выскажем собственные соображения по поводу предпринятого Шюцем анализа теории социального действия. Для Вебера предпочтительны рациональные действия (как целе-, так и ценностно-рациональные), так как именно они наиболее адекватно описываются в рамках «мотива-для». «Традиционные» же и «аффективные» действия

предстают своеобразной «вещью-в-себе» — осуществляются не как реализация определенного замысла; это, скорее, действия ради действия.

Шюц, как нам представляется, намечает важную перспективу — отход от веберовского «акционизма» к тому, что в современных социально-гуманитарных науках зачастую обозначается термином «теория практик». Весьма схематично эту трансформацию можно представить следующим образом: не «что хотел этим сказать субъект», но «что произошло» (как некое «здесь и сейчас»). В своей теории Шюц прибегает к терминологии социальных автоматизмов, рутинно воспроизводимых действий (без их неперменной «ментальной обработки»). Это отсылает, скорее, к более поздним рассуждениям П. Бурдьё о габитусе, нежели к социальному действию как целеполаганию (М. Вебер). Почему совершается поступок? Не «потому что таков был мой план», «я преследовал цель» и т. п. Скорее, «потому что я уже делал так раньше» или «так случилось». Почти безотчетное выполнение (но не в смысле психоанализа, или первого структуриализма). Не: «это разумно», «это способствует достижению цели», но «раньше это срабатывало». Вот что говорит по этому поводу сам Шюц: «Большинство наших повседневных форм деятельности... осуществляется благодаря следованию рецептам, сведенным к автоматическим привычкам или само собой разумеющимся банальностям» [4, с. 79–80]. Важна регулярность и повторяемость событий, поэтому речь не столько о «производстве» действия (в терминах целеполагания), но о его «воспроизводстве» (принцип «я могу сделать это снова»).

Не имея возможности более подробно останавливаться на важной в контексте данного рассуждения проблеме «причинности», отметим следующее. Выдвижение Шюцем на первый план «мотива-потому-что», то есть именно «каузальной» составляющей, не следует трактовать в духе детерминизма, скажем, психоаналитиков: выбор есть, однако альтернатива как таковая не существует до момента реализации. Шюц ссылается здесь на Гуссерля — его анализ «проблематичных» и «открытых возможностей». В пользу первых «что-то говорит», вторые «все одинаково возможны». «Нет изначально конституированной альтернативы; все возможные в данных общих рамках спецификации в равной степени открыты... Неопределенная общая интенция» [4, с. 131]. Опыт социального мира как опыт повседневных рутинных практик

переводит «открытые возможности» (только что описанные) в «проблематические»: здесь мне уже есть, что планировать, из чего исходить. Фактически Шюц склоняется к тому, что решающее значение в ситуации выбора имеет «наличный запас знаний», понимаемый не на уровне эпистемного, но доксального (некритически принимаемого, рецептурного). Социальное действие тем самым предстает феноменологической «антиципацией будущего опыта на основе предыдущего».

От перспективы изолированного социального действия Шюц переходит к проблеме коммуникации. Для него вопрос трансформируется в феноменологическое: как Другой дан Я? Тем самым предполагается углубление веберовской постановки проблемы «ориентации на другого» как неотъемлемой составляющей социального действия наряду с «субъективным смыслом».

Речь у Шюца будет идти не о трансцендентальной теории intersубъективности-конституирования Другого в «моей примордиальной сфере» (постановка проблемы Гуссерлем в «Картезианских размышлениях»), но в перспективе «естественной установки» сознания.

В определенном смысле, говорит Шюц, мы даны друг другу адекватнее, нежели самим себе. И мы уже знаем почему: понять собственные переживания мы можем лишь с помощью рефлексии (не актуально, но в модусе «пережитого»). В ситуации чужого сознания ситуация иная — я могу наблюдать выражения его актуальных переживаний. При этом речь идет не о постижении Другого путем проникновения в его внутренний мир, но на уровне кинестезиса. В этой связи Шюц даже говорит об «эпистемологической вторичности» психического». В моем «непосредственном окружении» Другой дан как тело, последнее же не есть «вещь», но «поле выражения переживаний» [4, с. 708]. С другой стороны, отмечает Шюц, тогда как я доступен себе во всем смысловом контексте (прошлый опыт), Другой — на уровне дискретных (пусть и актуальных) актов: непосредственно, но неполно.

Так как же действительно понять Другого, а не приписывать ему свое?

Здесь значима «степень анонимности», в которой задан другой субъект. В рамках «мы-отношений» имеет место непосредственная самоданность Другого «как обращенного ко мне». То есть предполагается взаимная установка субъектов друг на друга и «пространственно-временное совпадение» (телесная данность). Ближайшая перспектива

предстает не в качестве трансцендентального «сообщества двух монад», но и не вчувствования в чужую психическую жизнь; она есть проживаемая телесно совместность, совместность в модусе практического. Именно здесь понимание мотивов действия другого наиболее адекватно: собственные «мотивы-для» являются подлинными мотивами «потому что» партнера. Мое действие, будучи интерпретировано, становится «мотивом-потому-что» другого. Шюц называет это также «intersубъективным мотивационным контекстом» [4, с. 881].

Удаление от «мы-отношений» рассматривается как «нарастающая анонимность». «Более широкое окружение» есть установка «на Вы». Чем дальше от меня «современники», тем сильнее я их типизирую на основе доступного мне социального запаса знаний. Плохого («обезличивание» и т. п.) в этом ничего нет. Просто интерпретация действия осуществляется здесь в соответствии с опытом, которым наблюдатель располагает в отношении схожих действий людей в схожих ситуациях. Возможности «понимания» здесь также высоки, так как типизации выступают своеобразными механизмами экономии мышления — чем более типизированным является действие, чем больше шансы его адекватной интерпретации.

Итак, от рассмотрения социального действия Шюц переходит к анализу коммуникации, понимаемая последнюю как «intersубъективное сочленение мотивов» [4, с. 108]. Я ожидаю, что мое действие повлечет за собой действие другого субъекта, т. е. его действие есть «мотив-для» моего поступка (или: «мотив-для» станет «мотивом-потому-что» партнера). Так, задавая вопрос, я рассчитываю получить на него ответ. Вопрос будет «мотивом-потому-что» ответа, а ответ — «мотивом-для» вопроса.

Мы проследили некоторые ключевые положения осуществляемой Шюцем феноменологической проблематизации социальной теории М. Вебера. Теперь обратимся к более четкому формулированию идей социологии повседневности Шюца, которые, тем не менее, могут быть поняты лишь в контексте фундамента, заложенного в «Смысловом строении социального мира».

Социальная реальность рассматривается как данная в опыте практического агента смысловая тотальность — «сумма объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других

людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий» [4, с. 55]. Таким образом, от феноменологического анализа Я как темпоральности Шюц переходит к естественной установке сознания — миру повседневного. Он обращается к социальному как чему-то «само собой разумеющемуся» — предварительно показав, сколь сложная работа предшествует этой воспринимаемой как данность ясности.

Мир повседневного предан субъекту как «плотная сеть» социальных отношений, знаково-символических систем, институционализированных форм социальной организации. При этом опыт социокультурного мира изначально предстает как типизированный, что не означает лишь «инвариантный для класса предметов». Важен временной аспект: типизированный как «несущий открытый горизонт ожидаемого сходного опыта» [4, с. 124]. Здесь Шюц опять же ориентируется на феноменологическое понимание восприятия как антиципации (предвосхищения) будущего сходства. Повседневность дается в модуле типического, однако не предметного обобщения, но проблемного предвосхищения (для каждого класса объектов может быть сформировано множество типов). То есть не формально-логическая процедура по извлечению инварианта как сущности, но повседневная практика, всегда прагматически сориентированная. Посему процедуры типизации связаны с «биографической ситуацией» субъекта. Последняя есть седиментация прошлого опыта индивида, характер которого предопределяет его доминирующую зону релевантности: все то, что не отвечает моим личным интересам, я игнорирую, отвлекаюсь от этого. Отсюда — «проблемность», а не «предметность» процедур типизации.

Типизациям отводится ряд ключевых функций: они «экономят нам силы», предоставляя в наше распоряжение готовые схемы интерпретации, модели поведения и т. д.; они же предъявляют к нам ряд требований, порождают вполне определенные ожидания («настоящий мужчина» повел бы себя так-то, от «футбольного болельщика» ждут того-то). Чем более стандартизированы схемы типизаций, тем более устойчива социальная система и тем больше шансов на успех конкретного социального взаимодействия (не имеется в виду перспектива «мы-отношений», где на первый план выходит не типизация, но, напротив, «индивидуализация»). При этом Шюц подчеркивает, что

типизации контекстуальны, нет универсальных, безотказно работающих «шаблонов».

Институты также рассматриваются сквозь призму «типического» — на уровне типизации ожидаемых действий социальных агентов. Шюц приводит пример с почтовой службой: я считаю само собой разумеющимся, что мое действие (опускание в почтовый ящик конверта) побудит незнакомому мне человека (почтальона) осуществить типичные действия (отправка письма) в соответствии с типичными «мотивами-для» (исполнение служебных обязанностей) с тем, чтобы проектируемое мной положение дел (доставка письма адресату) было достигнуто [4, с. 27].

Итак, живя своей повседневной жизнью, я предполагаю существование общей интерпретационной схемы моих действий и действий других людей. Так, я полагаю, что мои действия, ориентированные на другого, будут пониматься им так же, как я понимаю поступки другого, ориентированные на меня. Я исхожу также из того, что смысл, приписываемый мною моему поступку (субъективный), соответствует смыслу моего поступка в глазах других людей.

Данная проблематика обобщается Шюцем в перспективе анализа социального характера «наличного запаса знаний». Социализация знания предстает в двух основных смыслах — структурном и генетическом. Под «структурным» понимается непроблематизируемое допущение индивида о существовании других социальных агентов и общего им социокультурного мира. Подобная «взаимность перспектив» ограничивается рядом положений: ситуацией места — нахождением агентов «здесь» и «там», не позволяющим видеть те же объекты и видеть их идентичным образом; различием, «до некоторой степени», биографических ситуаций. Трудности эти преодолимы: совмещение перспектив возможно за счет идеализации «взаимозаменяемости точек зрения» («на моем месте» другой будет воспринимать объект в той же системе типизаций, что и я) и идеализации «соответствия систем релевантностей» — уникальность биографических ситуаций компенсируется убежденностью (на уровне здравого смысла) в совпадении общих ценностно-целевых установок социальных агентов. Частным обнаружением идеализации «взаимности перспектив» выступает «идеализация взаимности мотивов» (ожидании того, что «мотив-для» станет «мотивом-потому-что» партнера) — только здесь возможна успешная коммуникация.

Генетическая зависимость есть проблема происхождения знания. Личный опыт, согласно Шюцу, вторичен. Преобладает «социальное наследование»: общество дает нам квалифицированные предписания того, как использовать «типизированные средства для достижения типичных целей в типичных ситуациях».

Итак, реальность повседневного задается как реальность схем типизаций. Последние, как мы видели, представляют собой не столько гносеологическую проблему, сколько онтологическую, выступая формой приобщения к социокультурному миру.

Недооценивая эвристический потенциал обыденных типизаций, социальные науки пренебрегли и исследованием естественного языка, а ведь именно естественный язык есть типизирующий механизм *parexcellence*. Посему представляет собой богатейший материал для социального теоретика. Задолго до «Философских исследований» Л. Витгенштейна Шюц говорит о языке не только как о системе десигнатов (установление взаимно-однозначного соответствия «знак-объект»), не только в терминах логики, но и в плане его социального характера, настаивая на значимости социокультурного контекста употребления языкового выражения. Проблема языка, утверждает Шюц, это, в первую очередь, проблема «стилей повседневного мышления, а не теории познания» [4, с. 83].

Важен не столько объективный, сколько акциональный смысл: «Когда я понимаю говорящего, то я не только интерпретирую отдельное произнесенное им слово, но и всю артикулированную последовательность синтаксически связанных слов, называемую речью. В этой последовательности каждое слово получает особое значение от окружающих его слов и общего речевого контекста» [4, с. 837]. Понимание приходит не как совокупность пониманий отдельных слов, но, напротив, каждое слово получает свое значение лишь исходя из общего контекста. Значимость этих рассуждений Шюца тем выше, что время написания «Смыслового строения» — 1932 г. — приходится на период безоговорочного господства логического позитивизма Венского кружка с его «атомизмом» — попытками построения идеальной формализованной модели языка.

Заявленная Шюцем проблематика станет одной из ключевых тем этнометодологии, представители которой будут работать с «индексными выражениями», приобретающими осмысленность лишь

в связи с ситуацией (места и времени, конкретного субъекта).

В завершение обратимся к шюцевскому пониманию целей социальной науки.

Непосредственная задача социологии в том виде, в котором она формулируется Шюцем, — изучение всеобщих принципов, в соответствии с которыми человек организует опыт своей повседневной жизни. Именно в этом контексте Шюц называет категории социальной науки «конструктами второго порядка»: ученый строит модель типичного поведения или образцы исполнения действия, в его компетенцию также входит прояснение связи конструктов «первого порядка» (типизации обыденного мышления) и конструктов науки — путем реактивации процессов конституирования значений.

Таким образом, в интерпретации Шюца социология имеет дело с миром, уже упорядоченным и осмысленным действующими людьми в их повседневной жизни. Сама будучи лишь одной из «конечных областей смысла», наука этим «профанным» знанием пренебрегать не должна (что не тождественно — сводиться к нему). Понимание, к которому апеллируют социальные науки, есть не только метод «наук о культуре», но сам способ бытия-в-мире, неотъемлемая составляющая нашей повседневной жизни, — посему к здравому смыслу следует отнестись со всей серьезностью. Несогласие по данному вопросу высказывалось многими теоретиками. В частности П. Бурдьё не скрывал своего скепсиса по отношению к «спонтанной социологии» [1], настаивая на непреодолимом разрыве между экспертным и обыденным знанием. Мы не можем согласиться с французским социологом. Шюц вовсе не пытается «растворить» социологию в самоописаниях действующих индивидов. Речь одругом: стремиться проблематизировать сами методы науки, не принимать их как нечто безоговорочное. Подобная ориентация в социальном познании фактически есть феноменологическое требование беспредпосылочности — видеть мир таким, каков он есть, не навязывая ему априорных моделей и схем описания. Именно в этом контексте следует понимать формулируемый Шюцем «постулат адекватности»: категории социальных наук должны строиться с учетом возможности «обратного перевода» — на язык самого практического деятеля. Указанный принцип чрезвычайно важен, так как переориентирует социолога с позиции «абсолютного» на позицию «включенного»

наблюдения, делает возможным построение теории «снизу» — как своеобразное методологическое «заземление».

Как мы могли убедиться в ходе нашего рассмотрения, А. Шюц, наследуя понятийный аппарат и ряд важнейших принципов феноменологической философии Э. Гуссерля, критически переосмысливает целый ряд категорий социальной науки, задавая новый вектор ее развитию. Теория социального действия, проблемы языка, коммуникации и ряд других получают в свете «феноменологии естественной установки» иное звучание. Позволим себе не останавливаться еще раз на каждой из них — мы стремились формулировать предварительные выводы непосредственно по ходу изложения. Сейчас же нам бы хотелось сосредоточиться на рассмотрении критики социальной феноменологии А. Шюца — остановиться на нескольких, как представляется, ошибочных истолкованиях его проекта: в качестве «социологического субъективизма» как теории межличностных интеракций, а также концепции, подрывающей «научность» социологии.

Приведем весьма характерную точку зрения: «Ошибка Альфреда Шюца, который, впрочем, был тонкий феноменолог, заключается в том, что он, примыкая к Гуссерлю, мог представить феноменологию только трансцендентально-субъективно. Поэтому его социальная феноменология восходит единственно к субъективным актам мнения и действия, которыми отдельный субъект входит в социальное пространство...» [5, р. 228] Таким образом, по мнению Ромбаха, «социальное» в теории Шюца не более чем наложение субъективных перспектив. Не представляется возможным согласиться с этой позицией. В социальной феноменологии — и Шюц приводит немало аргументов — Я не предшествует Другому. Напротив: через отнесенность к Другому человек только и может осознать себя в качестве Я — Шюц называет это «имманентной отнесенностью к Другому». Посему обвинения в «субъективизме» несостоятельны — именно в опыте повседневной жизни, на уровне обыденного мышления мир никогда не «мой», но разделяемый совместно. Здесь нет места научному скепсису и философскому солипсизму. Шюц настаивает на том, что перспектива Мы предположена Я. Жизненный мир принципиально интерсубъективен — это защита от вменяемого Шюцу «субъективного произвола» на уровне онтологии. Методологическая же составляющая построений

Шюца, не позволяющая говорить о «субъективизме», — признание типизации фундаментальной процедурой упорядочивания социального. Мы не воспринимаем мир состоящим из уникальных индивидуумов, единичных процессов, он дан нам типически — посредством закрепленного в языке и социально наследуемого отвлечения от нерелевантного нашим задачам содержания: как типы людей, общие схемы поведения. Здесь уместна параллель с теорией Т. Парсонса, на которую часто ссылается сам Шюц. У Парсонса индивид предстает совокупностью занимаемых ролевых позиций, однако если у классика структурного функционализма роли жестко фиксированы, то Шюц настаивает на подвижности схем типизации, их вписанности в контекст «здесь и сейчас». Для самого действующего в его непосредственной практике, отмечает Шюц, лексикон «статусов» и «ролей» предстает в качестве общей схемы соотношения, посредством которой интерпретируется не только социальный, но и природный мир. Именно эту «схематику» следует изучать в первую очередь. Таким образом, подчеркнем еще раз: родоначальника феноменологической социологии интересует не столько мир intersубъективных значений, сколько его универсальные структуры — типизации обыденного мышления.

В отличие от философии жизни, где «науки о духе» имеют дело с уникальным, или неокантианцев, ориентирующих «культуру» на изучение единичного в перспективе «царства ценностей», — социальная теория Шюца имеет дело с типическим, формируемым по принципу релевантного / нерелевантного моим наличным целям.

В этой связи еще раз кратко сформулируем наше понимание «биографически детерминированной ситуации». Данный постулат теории Шюца также подчас интерпретируется несколько поверхностно. По нашему мнению, «биографизм» Шюца — это не только (и не столько) методологическое требование строить социологическую науку на принципах гуманности. Все прозаичнее: это признание необходимости считаться с тем, что мои зоны релевантности и используемые схемы типизации зависимы от того, что я знаю и что умею; есть выражение моих интересов и моих устремлений. Однако это не значит, что мои модели поведения и способы интерпретации моделей поведения других людей уникальны и только мои, — я, скорее, выбираю из *предъявляемого мне обществом «списка»*. Иначе это было бы

равносильно провозглашению идеи «личного языка» — Витгенштейн в свое время продемонстрировал всю сомнительность этой идеи. Поэтому акцент в «биографически детерминированной ситуации» следует делать не на «биографии», но на «ситуации»: «Сказать, что ситуация является биографически детерминированной, значит, сказать, что она имеет свою историю» [4, с. 12–13].

К тому же, подчеркнем еще раз: Шюц недвусмысленно указывает на то, что биографическая перспектива будет «перекрываться» двумя фундаментальными установками — убежденностью во «взаимозаменяемости точек зрения» и «соответствии систем релевантностей». В противном случае, убежден Шюц, никакое «понимание» и коммуникация вообще не могли бы иметь места.

Далее. Мы настаиваем на несостоятельности интерпретации наследия Шюца в качестве теории межличностных интеракций. Напротив, в «соприсутствии», как это ни покажется на первый взгляд странно, заинтересованы социологи-бихевиористы, с которыми Шюц постоянно полемизирует. Наблюдение (поведения), на которое бихевиоризм ориентирует социальные науки, замыкает «социальное» на уровне «лицом-к-лицу». Шюц против этого: «Постулат чувственного наблюдения публичного человеческого поведения берет в качестве модели специфический и относительно небольшой сектор социального мира... Однако существует множество других измерений социального, в которых подобные ситуации отнюдь не преобладают» [4, с. 57].

В теории самого Шюца для понимания другого человека мне совершенно не нужно непосредственно лицезреть его (бихевиоризм); равным образом мне нет нужды — для уяснения мотивов другого субъекта — знать его внутренний мир, вообще знать лично (на чем настаивал бы, скажем, В. Дильтей). По Шюцу, мне достаточно знать типичные мотивы типичных акторов, объясняющие поступок как типичный в рамках определенного смыслового контекста.

В качестве последовательного теоретика интеракции «лицом-к-лицу» куда правомернее рассматривать Эрвина Гофмана, исследователя, обычно причисляемого ко второму поколению символических интеракционистов. Значимость проблематики «поведения лицом-к-лицу» в его теории связана с интерпретацией общества в качестве пространства разыгрываемых театральных сцен. Индивид в модели Гофмана озабочен

единственно созданием и поддержанием определенного впечатления у партнеров по коммуникации. Посему словарь социолога изобилует драматургическими «постановка», «публика», «маска». Для Шюца же наиболее значимы социально сформированные общие системы релевантностей, а вовсе не «техники самопрезентации» (категория Э. Гофмана).

В данном контексте, на наш взгляд, становятся очевидными пределы сближения перспектив социальной феноменологии Шюца и символического интеракционизма. Весьма часто на страницах специализированной литературы феноменологи либо причисляются к интеракционистам, либо, напротив, интеракционизм рассматривается как «версия» феноменологической парадигмы в социологии. Оба варианта рассмотрения оправданы лишь отчасти. Еще раз кратко остановимся на этом.

Термин «символический интеракционизм», как известно, был введен Гербертом Блумером, последователем Дж. Г. Мида [3]. Однако тот факт, что «прагматический поворот» более чем уместен при характеристике теории Шюца, а сам Джон Герберт Мид по праву считается корифеем философии прагматизма, еще не повод уравнивать в правах феноменологию и интеракционизм. На наш взгляд, интеракционизм в большей степени наследует социальный бихевиоризм Мида. «Практики» (а не абстрактные модели ученых-социологов), на изучении которых настаивают Дж. Мид, Г. Блумер, трактуются ими несколько упрощенно: помимо того, что анализ ограничен непосредственным взаимодействием, коммуникация в их понимании в значительной степени предстает серией стимулов и ответных реакций как неких автоматизмов, скорее, биологического, чем социального порядка. Феноменологическая интерпретация «реакции», на наш взгляд, несколько иная. Приведем пример. Споткнувшись в публичном месте, мы реагируем — словесно ли, либо при помощи жестов — не потому, что такова «естественная физическая реакция», но в силу того, что этим демонстрируем окружающим, что и сами разделяем социальную конвенцию относительно неловкости ситуации. Наша характеристика символического интеракционизма ни в коей мере не может претендовать на полноту; однако, как представляется, отмеченные особенности американского интеракционизма помогают пролить свет и на

саму феноменологию, более четко обозначить ее специфику.

В контексте данного рассуждения нам хотелось бы еще раз остановиться на категории «мы-отношений» — значимой в раках теории Шюца, однако зачастую трактуемой весьма произвольно. Для Шюца предпочтительны «мы-отношения», однако не в смысле родства душ и т. п., а в перспективе схожего «социального запаса знаний», общих систем релевантностей. На наш взгляд, не следует «мы-отношения» и последующие рассуждения Шюца о «нарастающей анонимности» трактовать исключительно в экзистенциальном ключе: как некую изначальную близость и ее неизбежную утрату в социуме. Важен в первую очередь чисто методологический аспект — применительно к «понимающей» социологии. В ситуации «мы-отношений» имеет место общий нам опыт, общие нам «смысловые контексты», поэтому и межличностное понимание здесь максимально адекватно. Там же, где партнер анонимен, я использую общие схемы интерпретации — рассматриваю происходящее как типическое. «... Никогда, кроме как в чистых Мы-отношениях, мы не можем постичь индивидуальность Другого в его неповторимой биографической ситуации...» [4, с. 20] Однако для успешного социального взаимодействия этого и не требуется: мне нет нужды заводить знакомство с работником почтовой службы, к услугам которой я собираюсь прибегнуть, вообще разбираться в специфике ее работы. Итак, в одном случае («мы-отношения») мне доступен контекст ситуации (поведения другого), его смысловые нюансы (и я в них заинтересован), в другом «детали дела» не релевантны моим целям и я понимаю акторов лишь на основе «типичных функциональных действий» — как «банковского служащего» или «священника» (и подобное положение дел вовсе не рассматривается как нечто, чему надлежит противодействовать).

Еще одно важное замечание. Требование интерпретировать образцы взаимодействий «с помощью присущей им структуры субъективных значений» [4, с. 40] отнюдь не есть попытка девальвировать «научность», «объективность» и т. п. Проблематизация статуса науки вытекает из фундаментального положения социальной феноменологии — идеи укорененности всякого научного дискурса в структурах «жизненного мира». Впоследствии это назовут социальной эпистемологией: «... Проблема социальных наук берет свои истоки

уже в донаучной сфере, и потому сама социальная наука возможна и мыслима лишь в пределах той общей сферы, которую мы подводим под рубрику «жизнь в социальной сфере» [4, с. 969–970]. При этом, подчеркнем еще раз, Шюц далек от того, чтобы возводить опыт рядового агента в ранг собственно социологической теории.

В заключение отметим следующее. На наш взгляд, вклад Альфреда Шюца в тематизацию и дальнейшую разработку ряда проблем современной социальной теории во многом недооценен. О феноменологии социологи знают в основном благодаря Юргену Хабермасу, в то время как шюцевский «мир, принимаемый как данность», во многом предвосхитил операционализацию «жизненного мира» самим Гуссерлем (работа Шюца «Смысловое строение социального мира» выходит в 1932 г., то есть до появления «Кризиса европейских наук и трансцендентальной феноменологии», где Гуссерлем ставится проблема *Lebenswelt*). Перспектива «включенного наблюдения», столь востребованная современной парадигмой «качественных методов» [2], также в значительной степени была сформулирована уже в «Смысловом строении социального мира». Схожа ситуация и с более поздними версиями феноменологической социологии: этнометодологические исследования Гарольда Гарфинкеля отчасти предвосхитили современные *case-studies* и этнографию науки К. Кнорр-Цетиной, Б. Латура. Список может быть продолжен — феноменологическая социология по-прежнему остается не вполне освоенной традицией. Посему задачей данной статьи была попытка способствовать восполнению этого пробела.

Литература

1. Бурдые П. Начала. — М.: Socio-Logos, 1994. — 288 с.
2. Готлиб А. С. Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты. — Самара: Универс-групп, 2004. — 448 с.
3. Коллинз Р. Четыре социологических традиции. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 317 с.
4. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. — М.: РОССПЭН, 2004. — 1055 с.
5. Rombach H. Phänomenologie des sozialen Lebens. Grundzüge einer phänomenologischen Soziologie. — München: Alber, 1994.

УДК 304.2

Русская культура начала XXI века в ситуации модернизационных процессов

ХРЕНОВ НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ, доктор философских наук, профессор, заместитель директора по науке Государственного института искусствознания Министерства культуры России
E-mail: nihrenov@mail.ru

Аннотация. Автор рассматривает искусство в широком историко-культурном контексте, обращаясь к трудам Платона, Ф. Ницше, Т. Адорно и других мыслителей. Генезис культуры представляется как процесс наступления утилитаризма и прагматизма на ценности традиционного общества, защитить которые в силах искусство и обновленный гуманитарный дискурс, при поддержке сил политического (властного) характера.

Ключевые слова: государство; искусство; кризис; культура; культурная политика; культурология; модерн; переходный этап; Просвещение; эстетика

The Russian Culture of the Beginning of the XXI Century in a Situation of Modernization Processes

NIKOLAI A. KHRENOV, Ph.D. (Philosophy), Prof, Deputy Director (Science) of the State Institute of Art, Ministry of Culture of Russia
E-mail: nihrenov@mail.ru

Abstract. The author considers art in a wide historical and cultural context, addressing to Platon, F. Nitsche, T. Adorno's works and other thinkers. Genesis of culture is represented to it as process of approach of a utilitarizm and a pragmatism on the value of traditional society, to protect which in forces art and the updated humanitarian discourse, with support of forces of political (imperious) character.

Keywords: crisis; cultural policy; cultural science; culture; education; esthetics, art; modernist style; state; transitional stage.

В последнее время много говорится и пишется о культуре. Это становится «подозрительным». Может быть, мы, наконец-то, пытаемся понять то, чего, кажется, уже не существует? Спихватились, когда предмет наших дискуссий уже исчез? или исчезает? Может быть, мы с этим немного запоздали? Вопрос может показаться странным. В самом деле, разве то, что происходит с русской культурой, дает нам основания для пессимизма? Что же происходит с русской культурой сегодня? Разве нет многочисленных свидетельств о том, какое место она занимает в мире? Разве о русской культуре не знают во всем мире?

В самом деле, сегодня во всех театрах мира играют Чехова, продолжают читать Достоевского,

слушают музыку Рахманинова, смотрят фильмы Тарковского и Сокурова. Во всем мире известны имена Валерия Гергиева и Дениса Мацуева. Да, это так. Мы можем гордиться нашей культурой. Можем гордиться еще и тем, что наши великие художники много потрудились над тем, что называют идентичностью русского человека. Знают за рубежом русских художников, русское искусство — знают и русских людей, Россию. И на основании искусства создают образ русских людей, русского человека. Ведь это именно искусство творит и поддерживает нашу идентичность, отвечая на вопрос «Кто мы?».

Сегодня в эпоху глобализации, когда возникает опасность утраты самобытности каждого народа,

многие этот вопрос задают снова и снова. Это имеет основания. Пожалуй, именно этот вопрос сегодня важнее, чем наши обычные вопросы: что делать и кто виноват? И вот уже С. Хантингтон применительно к американцам ставит вопрос «Кто мы?» [1]. Значит, в ситуации глобализационных процессов многое изменяется, и этот вопрос приходится задавать не только нам. Но от того что многие народы сегодня находятся в аналогичной ситуации, нам не легче. На заданный вопрос все-таки следует отвечать.

Кроме всех прочих функций, искусство осуществляет великую миссию — оно создает образ своего народа, даже если сами художники не ставят этой цели сознательно. Предполагается, что реальный человек должен этому идеальному образу соответствовать. Искусство не только создает этот образ, но и его поддерживает, постоянно о нем напоминает, удостоверяет. Творя такой идеальный образ, искусство способствует и идеальному образу человека и солидарности людей.

Потому что, создавая идеальный образ человека, оно тем самым спланирует людей. И здесь можно уже утверждать, что, творя такой идеальный образ народа, искусство одновременно творит и культуру. Но когда культура уже создана, она сама становится активной, направляя наше сознание и определяя наше поведение. Она устанавливает систему запретов. Если хотите, она становится единственно реальной цензурой, хотя эта цензура действует бессознательно. И вот уже, оказывается, даже художники в своей деятельности этим установкам культуры обязаны соответствовать.

Нам необходимо бережно относиться к культуре, так как это наша вторая природа. Это то, что в человеке есть идеального и что нужно постоянно в нем поддерживать и ему об этом напоминать. Культура — это постоянное напряжение, труд, а не развлечение. Это перманентное противостояние разрушительной стихии. К сожалению, то обстоятельство, что культура — институт, смысл функционирования которого заключается в том, чтобы защитить людей от разрушительных процессов и помочь им выжить, все еще не осознается. Смысл культуры постоянно сводится к развлечению.

Но получается что — культура вне нас? В виде учреждений культуры — театров, библиотек, филармоний? Да нет, она прежде всего в каждом из нас. Каждый человек является ее творцом и носителем. Театры и филармонии — это искусство,

а способность воспринимать или не воспринимать то, что они транслируют, это уже культура, наша культура. Каждый несет ответственность за то, в каком она находится состоянии. И если мы ее не культивируем как внутреннюю стихию, если мы не имеем ее в себе, то наши театры и библиотеки будут пусты.

Культура — те основополагающие ценности, которые возникали на протяжении столетий и тысячелетий. Можно выразиться и еще точнее: когда возникли первые принципы нравственности и когда возникли мировые религии. А это время философы называют «осевым» временем.

Нам необходимо создавать такую среду существования, чтобы в ней не переставали появляться чеховы и чайковские, тарковские и гегриевы. А ведь среди тех, кто нас окружает, есть и такие — потенциальные таланты. Но как сделать так, чтобы их творческий потенциал раскрылся? Как сделать так, чтобы постоянно появлялись люди, способные напоминать, кто мы, поддерживать наш идеальный образ? Ведь дарования могут и не реализоваться. И следует сделать так, чтобы они реализовывались не вопреки, как у нас в России нередко бывает, а благодаря содействию всех тех институтов, которые призваны таланты выращивать.

Но необходимо также думать и о том, чтобы в обществе были те, кто способен творчество таких выдающихся людей и понять, и оценить. Это обстоятельство позволяет понять современное состояние культуры. Если людей, способных понимать искусство, не будет, если на творцов нет спроса, то можно ли надеяться, что шедевры появятся?

Глубоко несчастен тот народ, который в силу каких-то причин на определенном этапе своей истории теряет свой идеальный образ, как это сегодня случилось с нами. Возникает сложность при ответе на вопрос «Кто мы?». Может быть, народ устал от перманентного напряжения, сопровождающего всю историю XX в. Но, может быть, этой проблемы вовсе и не существует... Кажется, многие верят, что, наоборот, они только сейчас начинают существовать в идеальном мире. Тем более, что в культуру вторгаются поддерживающие эту иллюзию фантастические технологии, которые мы подчас готовы принять за культуру.

Несмотря на вроде бы весьма благоприятную для нас, представителей России, ситуацию с культурой, известной сейчас во всем мире, мы позволим себе высказать несколько суждений о той

непростой ситуации, в которой культура, в том числе, и наша оказалась.

Некоторые отечественные философы уже утверждают, что, оказывается, культуры уже и в самом деле нет. Она исчезла. Мы существуем в вакууме, образовавшемся в результате исчезновения культуры. Для обозначения этой ситуации найдено даже специальное слово — «посткультура» [2]. Мы существуем в посткультуре. Наши прадеды и деды существовали в культуре, а нам не повезло. Эпоха культуры ушла в прошлое.

Наконец, наши философы в последнее время забили тревогу, постоянно употребляя слово «неоварварство» [3]. Но почему новое варварство? Откуда оно? Разве еще есть на планете нецивилизованные народы, дикари, которые когда-то пришли извне, напали на могущественную Римскую империю и разрушили ее? Выясняется, что неоварварство — это явление внутрицивилизационное. Это в результате ряда резких сдвигов внутри самой цивилизации, современной цивилизации происходит выброс дикости. Того, что культура не успела или не могла переработать, преобразить, изжить. А что это такое? Это очень опасное явление. Ведь на это можно посмотреть как на выход за границы «осевого» времени. Это то, что человечеству с трудом удавалось преодолевать. Это жестокость, это преступность, это каннибализм, это разврат, который сегодня стараются упаковать в красивую обертку и дорого продать. Такой выход — это распечатывание всего того, что, кажется, осталось за пределами истории, в доистории.

Конечно, в каких-то индивидуальных проявлениях этот выброс всегда имел место. Какие-то образцы человека как бы застревали на ранних этапах истории, не развивались и дошли до нашего времени. Культуре, как и религии, не удавалось их до конца преобразить. Тем не менее, человечество, исходя из установок культуры, противостояло варварству как массовому процессу. Оно вызвало к жизни специальные институты, вроде судов и тюрем. Но похоже, что мы сегодня как раз и имеем этот массовый процесс. Уж не начинаем ли мы утрачивать свой идеальный образ? И не началась ли эпоха, которую столетие назад называли эпохой упадка, эпохой декаданса? Может быть, то, что Л. Гумилев называет фазой надлома, является уже реальностью?

Какие же основания имеются для того, чтобы так категорично такой вопрос ставить? Приведем кое-какую статистику. На протяжении всего

XX в. культурному и, прежде всего, архитектурному наследию наносился колоссальный ущерб. Архитектура предшествующих эпох погибала не только в результате военных действий и новой строительной политики. Она целенаправленно разрушалась по идеологическим причинам. Приблизительно 50–70% храмов, монастырей, городской застройки было уничтожено [4, с. 198]. Что касается загородных дворянских усадеб, то там потерь более 90%. Удивительно, как мы еще не превратили все в пустыню. Выясняется, что хоть и способны мы создавать ценности, но совсем не способны их сохранять.

Ну, хорошо, кажется, что все это в прошлом. Но так ли это? Известно, какие острые дискуссии сегодня разгораются вокруг сноса и уничтожения старых зданий. Хищный бизнес наступает «по всем фронтам». Разумеется, везде есть честные и порядочные люди. Они есть и в бизнесе. Но ситуация с памятниками культуры свидетельствует о том, что хищный бизнес все же существует. Его представители жаждут наживы и обогащения. Повсеместно торжествует критерий пользы.

Недавно мне пришлось присутствовать на круглом столе, посвященном покойному директору Института искусствознания А. Комечу, возглавившему в 1990-е гг. движение за сохранение культурного наследия. Пытаясь понять ситуацию, сотрудники музеев постоянно употребляли слово «война». Война с хищным и алчным бизнесом. Всеми правдами и неправдами он отвоевывал территории, на которых находились культурные объекты, художественная ценность которых специалистами из искусствоведческого сообщества высоко оценивалась. По инерции мы продолжаем осуждать старых разрушителей культуры, но давно уже активно действуют новые разрушители. И это тоже пора назвать словом «неоварварство».

Неужели же варварство присуще лишь нам, русским людям? Проблема в том, что пессимистические рассуждения по поводу ситуации в культуре делаются не только по поводу того, что делается в России. Тревогу по поводу исчезновения культуры стали бить и на Западе. Мы не поймем случившееся с нами в XX в., если не введем его в общемировой процесс. Эта универсальная постановка вопроса уже была у нашего замечательного ученого, нашего соотечественника — эмигранта П. Сорокина, который еще в 1950-е годы истекшего столетия выпустил книгу, в которой обосновал идею переходности в истории культуры и показал, что

все катастрофы XX в. объясняются тем, что человечество оказалось в этой продолжительной переходной ситуации. Перехода от того, что угасает, к тому, что пока трудно осознать и чему пока нет названия. Обратим в связи с этим внимание на то, что для П. Сорокина историей оказывается история не государства или общества, не политических и экономических процессов, а культуры, куда входит и государство, и общество. Мы не привыкли так смотреть на историю. Но как это важно — посмотреть на нее именно так. Невозможно не процитировать суждение П. Сорокина, высказанное им во вступлении к своей книге. «Мы, — пишет он, — живем, думаем и действуем в сгущающихся сумерках ночи переходного периода с ее кошмарами, гигантскими разрушениями и душераздирающими ужасами» [5, с. 11].

Слова, которые употребляет П. Сорокин, напоминают аналогичный прогноз другого авторитетного западного мыслителя — Йохана Хейзинги, автора многих философских сочинений о культуре, в том числе трактата «Затемненный мир». Под этим «затемненным миром» философ понимает мир, который пренебрег светом разума и погрузился в ночь варварства. Человек в этом мире испытывает смутный страх перед ближайшим будущим, чувство упадка и заката культуры. И вот его суждение: «Это не просто кошмары, мучающие нас в ночные часы, когда пламя жизни горит слабее всего. Это трезво взвешенные ожидания, основанные на наблюдениях и выводах» [6, с. 9].

Бог с ними, с этими метафорами «ночи» и «тьмы». Вот что серьезно. У западных мыслителей появляется мысль о неоварварстве, которая сегодня подхватывается и нашими современными философами. Может быть, человечество, пройдя длинный путь от того момента, когда возникло осевое время (а оно возникло в эпоху появления мировых религий и христианства), началась история, оставив позади себя многое в доистории, отрекается от возникшей в осевое время культуры с ее религией, нравственностью, искусством и возвращается в доосевое время, в доисторию? Данный смысл переходности П. Сорокин не ставил. Но наше время дает возможность его поставить именно так.

Парадоксально, но не спасают от неоварварства даже фантастические технологии, прогресс техники. Наше время — это время освоения все новых и новых технологий. С некоторых пор — телевидения и Интернета. Но ведь технологии

начали появляться еще в древности. Например, появление письменности. Разве это не революция? Еще какая. У нас от этих революций сплошная эйфория. Как же древние воспринимали технологии? Вот что мы находим у Платона по поводу изобретения письменности. На суждение изобретателя Тевта египетский царь Тамус отреагировал такими словами: «В души научившихся им они (письмена. — Н. Х.) вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память; припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для обучения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых» [7, с. 216].

У Платона говорится о письменности, но разве не похоже сказанное о письменности на то, что мы сегодня можем сказать о том резонансе, который в наше время имеет Интернет? Следовало бы серьезно подумать не только о позитивных, но и о возможных негативных последствиях технологий. Они кажутся частью культуры, самой культурой, а на самом деле часто выводят нас за пределы культуры.

Наблюдая сегодня за тем, как изменилось наше телевидение, когда мы больше узнаем об инопланетянах, чем о нас самих, и меньше о том, что происходит в родном отечестве, понимаешь, что что-то похожее на это погружение, действительно, происходит. Нет, неспособно самое мощное средство коммуникации ответить на вопрос «Кто мы?». Нет, не работает оно на утверждение нашего идеального образа. Когда работникам телевидения предъявляются претензии, они отвечают: наше телевидение таково, каким является общество. Не лучше, не хуже. Но это не ответ. Ответ предполагает, что телевидение — мощный рычаг культуры, а предназначение культуры состоит в том, чтобы поддерживать наш идеальный образ.

* * *

Ф. Ницше, пожалуй, первым разгадал смысл переходности. Он пишет: «Может быть, через сто лет найдется еще сотня людей, которые за это время научатся понимать, что такое культура» [8, с. 223]. Варварство — неизбежный этап в смене исторических циклов. Может быть, человечество, прой-

дя в длительной истории большой цикл, возвращается к исходной точке. Эта идея возвращения в варварство, кстати сказать, в Германии — стране великой культуры и философии, в стране, давшей миру высокие идеи Просвещения, и реализовалась. Обратим внимание на то, что пишет Т. Адорно: «После Освенцима любая культура вместе с любой ее уничижительной критикой — всего лишь мусор... Тот, кто отказывается от культуры, непосредственно приближает наступление эпохи варварства...» [4, с. 327].

Идея о возникновении неоварварства пришла в голову Ф. Ницше еще в XIX в. Прочитав его, поскольку в его суждении улавливается нечто знакомое. Определяя культуру лишь как «тонкую яблочную кожицу поверх пылающего хаоса», Ф. Ницше так представляет процесс деградации. «Интерес к истине... — пишет он, — будет падать: иллюзия, заблуждение, фантастика шаг за шагом завоюют свою прежнюю почву... ближайшим последствием этого явится крушение наук, обратное погружение в варварство; опять человечество должно будет сызнова начать ткать свою ткань... Но кто поручится, что оно всегда будет находить силы для этого» [9, с. 378].

Эта мысль о варваризации посреди развитых цивилизаций в начале XX в. была подхвачена и развивалась нашим философом Н. Бердяевым. Значит, философия уже в начале XX в. нащупала какую-то значимую опасность нового времени, и ее следовало бы уяснить. Сегодня она, по-прежнему, актуальна. И тут хотелось бы высказать некоторые дискуссионные мысли о причинах осуществления мрачного прогноза. А заодно и соотнести этот прогноз с провозглашенным сегодня лозунгом модернизации. Способна ли модернизация вывести из этого тупика или же она способна также привести в новые тупики? Очень бы хотелось, чтобы модернизационный процесс шел на пользу культуре и не нанес ей вреда. Но такой вред возможен. Несомненно, модернизация — объективный и позитивный процесс, свидетельствующий о способности человека сознательно управлять историческими и социальными процессами, чтобы избегать тупиковых и кризисных ситуаций. На даже она, если ее бездумно начать реализовывать, способна нанести культуре вред.

Модернизация, связанная с неприятием традиционных технологий и с культивированием инноваций, имеет свою историю. Ее истоком, пожалуй, является XVIII в., эпоха Просвещения и особенно

возникшие в эту эпоху философские идеи, ставшие основой последовавших затем революционных преобразований. (Сначала в обществе, а затем в искусстве, когда авангард занял радикальную позицию по отношению к прошлому, истории, традиции.) Эту эпоху немецкий философ Юрген Хабермас называет эпохой модерна [10]. Рассматривать современный процесс модернизации без этой исходной точки — модерна невозможно. Модернизация в ее наиболее последовательной и проявленной форме осуществлялась прежде всего на Западе. Западная культура — самая динамичная в мире культура. И ментальность западных народов в какой-то степени соответствовала и культивированию динамики, и ритмам модернизации. Неслучайно западные народы считают себя продолжателями античной цивилизации. Ведь западный человек относится к миру как к хаосу, а к себе как к борцу, способному этот хаос преодолеть. Эта психология возникла в античности, и это обстоятельство развело античность с восточным миром, в котором отношение к миру не было связано с хаосом. На Западе не вникли в предостережение Лао-цзы о том, что, начав действовать, чтобы преодолеть хаос, человек способен внести в этот мир еще больший хаос. Результаты нашей революции 1917 г. могут служить яркой иллюстрацией этой мудрой мысли. Не столько даже революция 1917 г., сколько коллективизация — одна из самых драматических страниц нашей истории, так как здесь столкнулись очень сильные в России традиционные ценности и ритмы модернизации. По сути, в результате политической модернизации деревня как хранительница традиционных ценностей была уничтожена. Вместе с ней мы лишились мощного пласта традиционной культуры. Последствия этого сказываются и сегодня, и еще долго будут сказываться в будущей истории, если эта история, конечно, будет иметь продолжение.

Вообще, если углубиться в русскую историю, то она эту идею Лао-цзы способна проиллюстрировать. России присуще особое чувство и истории, и исторического времени. Она часто срывается, существует то во времени Востока, то в модернизационных ритмах западной истории. Поэтому ее история состоит из чередования оттепели и заморозков. Вот эта логика российской истории: эпоха Александра I — оттепель, эпоха Николая II — оттепель, эпоха Хрущева — оттепель, эпоха Горбачева — новая оттепель. Несмотря на то что в России резонанс романтизма как альтернативы модерна

был значителен (и об этом свидетельствует популярность славянофильских настроений), в России действие идеи модерна оказалось сильнее. Поэтому и последствия модернизации здесь драматичней. Думается, что идея модернизации, раз уж Россия пошла по западному пути и оказалась восприимчивой к идеям модерна, была, в общем, верная. Но вот ее реализация оказалась варварской и разрушительной. Потому что она развертывалась в другой культуре, и специфические ритмы этой культуры не принимались в расчет.

Обратимся к Западу. Поскольку модернизация явилась для западных народов явлением необходимым (а, с другой стороны, разрушительным — для нравственности, религии и культуры в целом), и ее невозможно было заблокировать, то как же на нее реагировали западные народы? Они, правда, давно уже успели пережить эти процессы. Но неужели же у них по этому поводу был сплошной оптимизм? Ощущали ли умы Запада неоднозначные последствия модернизации? Возвращение к истокам модернизации может в нашей сегодняшней ситуации многое объяснить.

Первыми критиками идей Просвещения явились романтики. Их возмутил радикализм, футуризм и рационализм просветителей. Этот конфликт между романтиками и просветителями проявился в отношении тех и других к Средневековью. Просветители не поняли Средневековье и хотели в соответствии с вызванным ими к жизни принципом прогресса от его наследия поскорее освободиться. Романтики поняли Средневековье как традиционное наследие, которым ни в коем случае нельзя жертвовать. Они выступили в защиту ценностей, что были созданы в границах предшествующих эпох — фундамента любой культуры.

Но осознание разрушительности идей просветителей нельзя связывать лишь с романтиками. А что же мыслители эпохи Просвещения как исходной точки модерна — разве они не задумывались над последствиями выпущенного ими джинна модернизации? Еще как задумывались. Разве можно считать случайностью, что в самом конце XVIII в. И. Кант посвятил одну из своих поздних работ эстетике. Мало кто задумывался над тем, почему на Западе вдруг занялись эстетикой. Почему появилась целая новая наука. Ведь если появляется в какой-то период новая наука, то это о чем-то говорит? Она возникает как реакция на потребность общества разрешить какое-то противоречие. (Обращение к эстетической проблематике было

неожиданным даже для самого Канта.) Казалось бы, зачем была нужна эстетика — наука о прекрасном? Ведь она бесполезна.

Западный опыт свидетельствует: эта наука возникла из необходимости противостоять императиву модернизации в ее крайних формах. Появление эстетики было спровоцировано распространяющимся культом пользы. Вот подлинное объяснение того, почему она появилась. Она появилась, чтобы эта модернизация не уничтожила человека, не превратила его в функциональное существо. Пора этой дисциплине дать толкование, соответствующее времени первоначального накопления капитала. А точнее, времени общества потребления, которое сейчас в России успешно себя утверждает. Нужно увидеть эстетику с той точки зрения, которая сегодня для нас весьма актуальна.

Эстетика как особая дисциплина, а точнее, сфера возникла как реакция на процессы, спровоцированные распространением протестантской этики и утверждением предпринимательского взгляда на мир. А этот взгляд, как мы все сегодня чувствуем, наблюдая восхождение креативного среднего класса, весьма и весьма утилитарный, если не сказать циничный. Будучи вызванным к жизни, этот дух отливается в специфические формы, которые становятся самоценными. Для предпринимателя нет никаких ценностей, кроме выгоды и пользы.

Не все с этим согласятся. Можно приводить примеры того, как бизнес способен поддерживать культуру. Скажем, примеры из Серебряного века. Ведь были среди предпринимателей, то есть нашего купечества, меценаты. Разве они не способствовали развитию искусства? С. Морозов выстроил специальный павильон для панно М. Врубеля, когда его шедевр забрала администрация Нижегородской выставки. Да, был С. Мамонтов, были П. Третьяков и Я. Шукин. Но их было мало. И, кстати, современники называли их «чужаками».

У западного исследователя В. Зомбарта есть книга по истории духовного развития современного экономического человека. Там есть очень интересные соображения психологического плана по поводу возникновения в истории предпринимательского духа в западном варианте. В частности, обращают на себя внимание два слагаемых этого духа. Первое — это собственно предпринимательский дух, связанный со страстью к приключениям, к изобретательности, с жадностью денег и т. д. [11, с. 19] Среди первоначальных носителей предпринимательского духа были разбойники.

Второе слагаемое этого духа — дух мещанский, т. е. склонность к счёту и осмотрительности, благоразумию и хозяйственности, бережливости, пренебрежению к праздности, к культуре собственности. Когда В. Зомбарт пишет о мещанине, то он имеет в виду не сословие, а психологический тип, состояние души. Он говорит: в каждом предпринимателе сидит мещанин.

В России превосходный портрет мещанина дал А. Герцен. Правда, он имел в виду западного мещанина, надеясь, что Россия не является мещанской страной. Эту мысль позднее подхватит Н. Бердяев. Но возникают большие сомнения, что это именно так. Тезис о том, что Россия мещанской страной не является, — всего лишь миф. И сегодняшняя Россия эту мысль подтверждает. Да, собственно, подтверждал и рубеж XIX–XX вв., когда «новые русские» уже приходили. Ведь есть же у М. Горького пьеса «Мещане», по которой Г. Товстоногов поставил один из лучших своих спектаклей. В нем превосходно был воспроизведен портрет русского мещанина — человека с узким кругозором и страстью к накопительству. Странно, что в те годы эта пьеса вызывала интерес. Ее следовало бы ставить сегодня. Сегодня ставят только его другую пьесу «Дети солнца». И, кстати, это тоже актуально. Она о судьбе интеллигенции, о судьбе нашей творческой элиты.

А. Герцен по поводу мещанина пишет следующее: «В мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное — товар, дело, вещь, главное — собственность» [12, с. 391]. А. Герцен также говорит о евангелии мещанства: «Наживайся, умножай свой доход, как песок морской, пользуйся и злоупотребляй своим денежным и нравственным капиталом, не разоряйся, и ты сыто и почетно достигнешь долголетия, женишь своих детей и оставишь по себе хорошую память» [12, с. 391]. А еще точнее и современной: приобретешь за границей особняк, выучишь там же в университетах своих детей. А потом? А потом, может быть, не покончишь самоубийством, но можешь и покончить, если, конечно, осознаешь, в каком духовном тупике ты оказался и куда завел целую страну. А может быть, это осознание тебя не посетит, и оно появится позднее лишь у твоих детей, внуков, в другом поколении.

Думается, что такая психология сегодня становится мировоззрением целого социального слоя, так называемого креативного класса. А что если государство тоже возьмет на вооружение

эту мировоззренческую установку? Ведь там, где деньги, там и власть. И если государство станет проводить политику, предполагающую извлечение выгоды и пользы, в том числе из культуры, из искусства, тогда уж точно варвар появится. Этому будет способствовать меркантильное государство. Пока наше государство такую политику не проводит. Но и четкости в его действиях тоже не наблюдается. Некоторые предпринимаемые властью решения свидетельствуют, что она как бы постепенно дрейфует в эту сторону. Об этом свидетельствуют, например, реформы в образовании, связанные с платным образованием. Без пользы на этом свете уже ничего не воспринимается?

Так вот, у нашего государства есть выбор: или оно пойдет на поводу предпринимательского духа, или же оно будет этот дух сдерживать и направлять в гуманное русло. В зависимости от того, какую сторону примет государство, сформируется и его культурная политика. Нет абстрактной государственной политики. Если придерживаться ее «меркантильной» доктрины, следовательно, нужно закрыть театр, получающий от государства дотацию, и заняться коммерческой антрепризой. И это сегодня происходит. Нужно сохранять кинотеатры, но демонстрировать в них исключительно боевики. И тогда многие шедевры станут просто недоступными. Такая «государственная политика» у нас утвердилась уже давно. А это означает, что шедевры даже уже есть, а смотреть их некому, поскольку утрачена некогда утвердившая себя форма коллективного просмотра фильма. Контакт со зрителем отсутствует. Отечественные фильмы некому смотреть. Скажем, много ли людей в России посмотрело фильм А. Сокурова «Фауст»? Очень мало. Его непросто понять, а ведь используя образы из культуры Запада, режиссер пытается осмыслить и самые болезненные ситуации нашей истории. Но если нет в таких фильмах потребности, то шедевры появиться не могут. Современное отечественное кино работает вхолостую. Оно не осуществляет своей прямой миссии — не создает идеальный образ народа и не способствует сплочению, солидарности людей. Сегодня каждый сам за себя, но в особенности за свою собственность. Кризис — это слово сегодня звучит повсеместно.

Как сообщили сотрудники музеев на упомянутом мною выше круглом столе, среди бизнесменов люди, утверждающие, что Москва — идеальная площадка для бизнеса. Они говорят, что если

кто-либо из москвичей не имеет возможности зарабатывать пять тысяч долларов в месяц, то его нужно переселять за пределы МКАДа. Вот последовательный и утилитарный взгляд предпринимателя-рационалиста. Вот свидетельство того, что наш бизнес преследует лишь собственные цели. С точки зрения такого бизнесмена, все это логично и рационально. Ну, а почему бы всю Россию не превратить в площадку для бизнеса? А население России переселить хотя бы на Марс. Как это по нашему. Если уж революция, то с потоками крови и террором, если уж социализм в одной стране, то непременно с концлагерями, если уж бизнес, то без стыда и совести.

Спрашивается, что этому может противостоять? Противостоят этому способна только гуманитарная сфера, включающая в себя и науки, отслеживающие место и самочувствие человека в этом мире, который легко завести в тупики. Миссия этих наук — своевременно подавать обществу сигналы о неблагополучии. Не нужно требовать от гуманитарной сферы, чтобы она сама себя продавала и извлекала из этого выгоду. Ведь в этом случае общество не может своевременно получать сигналы о возникающих в нем опасностях, которые следует преодолевать. Гуманитарные науки — значимое средство выживания человечества, утверждения такого образа жизни, в котором человек является субъектом, а не объектом. Когда в этом не отдают отчета, то это, конечно, катастрофа. Таким идеологам хочется посоветовать хотя бы вчитаться в Лао-цзы: «Не делай того, если ты не уверен в положительном исходе дела. Не вноси в мир еще больше хаоса».

Мы выступаем не против предпринимательского духа, но лишь против пережестов, против гипертрофии этого духа, что приводит к противоречию между культурой и цивилизацией. Когда-то культура и цивилизация были синонимами. Но уже Ж. — Ж. Руссо ощущал, что это не так и занял по отношению к цивилизации критическую позицию. Видимо, об этом успели забыть.

Именно тогда, вместе с проблематикой эстетики в истории и возникла идея культуры как второй природы человека. Идея эстетики уже и была идеей культуры. Пока специальной науки о культуре не было, эстетика стала первым шагом в возникновении такой науки. Культурологическая мысль впервые появилась в эстетической рефлексии. Жаль, что В. Межуев в своей книге «Идея культуры» этого вопроса не касается [13].

Именно поэтому и государство, и общество обязаны поддерживать искусство. Это мощное средство противостояния распространяющемуся утилитаризму. Финансирование государством искусства никогда не может быть чрезмерным. Финансируя искусство, мы предохраняем себя от неоварварства. Раз уж современная цивилизация без утилитарного духа существовать не может, то нужно хотя бы минимизировать его негативные последствия.

* * *

Во второй половине ХХ в. немецкий философ Ю. Хабермас дал новое обозначение той системе идей, которая возникла в лоне Просвещения. Вся эпоха распространяющейся модернизации, начиная с XVIII в., им называлась модерном. Он великолепно проанализировал негативные последствия модерна, а в качестве иллюстрации таких последствий он называет тоталитарные режимы, которые вообще пытались дух игры из культуры исключить. Самым уязвимым местом модерна было то, что он свел идею модернизации к политике. Общества в ходе последующих революций разрушались и обновлялись. Но вместе с ними разрушалась и культура. Это был неосознаваемый процесс. Культура еще не была открыта. С ней и не считались.

Но осознание ее значимости по мере модернизации обществ постепенно нарастало. И чем более интенсивными становились процессы модернизации, тем неустрашимей становился процесс осознания того, что такое культура, так как только культура является гарантией того, что модернизация как объективный процесс истории не превратит окончательно человека в объект. Следовательно (тут определим основополагающую функцию культуры), культура способна предохранять нас от пережестов модернизации. И только она сможет обеспечить выживание человечества в ситуации нарастающего прогресса цивилизации. В ней наше спасение.

Мы только сегодня, а следовательно, с большим запозданием можем осмыслить, что же в реальной истории произошло. Осознание культуры произошло как реакция на ее разрушение в процессе утверждения модерна. Нужно вдуматься в эту логику. Ведь нельзя утверждать, что модерн — исключительно негативный процесс. Наоборот, с ним связан прогресс в эволюции политических систем и цивилизационный прогресс вообще. Но

нельзя к этому процессу подходить с априорно оптимистической оценкой. Ведь он спровоцировал и много негативных последствий. Обновляя общество и предавая забвению культуру, человечество рубило сук, на котором держалось тысячелетия, во всяком случае, в пространстве «осевого» времени.

Продолжая существовать в ритмах модернизации и погружаясь в новый виток модернизации, мы должны быть борцами, способными отстаивать права культуры и права гуманитарной сферы. У естественных наук одни функции, у гуманитарных другие. Необходимо углубляться и в потенциал гуманитарных наук. Представители гуманитарных наук сегодня, как никогда, обязаны осознать свою миссию. Исчезнет культура, никому не нужны будут все эти многочисленные предметы потребления, которыми нас пленила цивилизация.

Не остались бы от наших городов лишь площадки для бизнеса.

Литература

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. — М., ООО Изд-во АСТ: ООО «Транзиткнига», 2004. — 635 с.
2. Бычков В. Художественный Апокалипсис культуры. Строматы XX века. Кн. 1–2. — М.: Культурная революция, 2008. — 816 с.; 832 с.
3. Мотрошилова Н. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. — М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 480 с.
4. Адорно Т. Негативная диалектика. — М.: Научный мир, 2003. — 374 с.
5. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. — СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2000. — 1056 с.
6. Хейзинга Й. Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. — 456 с.
7. Платон. Сочинения: в 3 т. — Т. 2. — М., 1970.
8. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. — Т. 1. — М., 1990.
9. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. — СПб., 2004. — 632 с.
10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. — М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. — 416 с.
11. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. — М.: Наука, 1994. — 444 с.
12. Герцен А. Полное собрание сочинений и писем. — Т. XIII. — М., 1959.
13. Межуев В. Идея культуры. Очерки по философии культуры. — М.: Прогресс-Традиция, 2006. — 408 с.

УДК 334.7(045)(420)

Малый и средний бизнес Великобритании: политика правительства и специфика деятельности

САВЧЕНКО ЕВГЕНИЙ ОЛЕГОВИЧ, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры «Общая политология» Финансового университета.

E-mail: savchenko_eugene@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена особенностям функционирования компаний малого и среднего бизнеса в Великобритании в современных условиях, которые характеризуются как высокими темпами распространения информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), так и повсеместным доступом к глобальной сети Интернет (практически из любой точки планеты), а также правительственным мерам по развитию МСБ. Автор полагает, что изучение в данной сфере опыта Великобритании как одной из передовых стран Запада является полезным для представителей российского бизнеса, что позволит извлечь уроки, избежать ошибок и повысить конкурентоспособность на мировых рынках.

Ключевые слова: малый и средний бизнес; информационные технологии; сеть Интернет; развитие бизнеса; маркетинг; социальные сети.

Small and Medium Business in UK: Government Policy and Specific Activities

EUGENY O. SAVCHENKO, Ph. D (Political Science), Associate Professor, Department of General Politology, Financial University.

E-mail: savchenko_eugene@mail.ru.

Abstract. The article concerns the peculiarities in functioning of small and medium-sized businesses in the UK in modern conditions, which are characterized both by the rapid spread of information and communication technologies (ICT), and ubiquitous access to the Internet (from virtually anywhere in the world), as well as governmental measures in SME development. The author believes that the study of this field of experience in the UK as one of the advanced Western countries is beneficial for Russian businessmen and will enable them to draw lessons, to avoid errors and enhance competitiveness in the world markets.

Keywords: business development; information technology; marketing; small and medium business; social networking; the Internet.

Малый и средний бизнес (МСБ) уже на протяжении длительного времени играет значимую роль в экономике стран Запада. В среднем, его вклад в ВВП в настоящее время превышает 50%. В Российской Федерации данный показатель ниже, однако это не означает, что деятельность компаний малого и среднего бизнеса является менее важной, поскольку МСБ обеспечивает создание рабочих мест и способствует раз-

витию сферы услуг, а его поддержка в регионах может помочь решению проблемы моногородов (например, в Великобритании через реализацию программ по поддержке малого бизнеса происходит развитие депрессивных регионов или районов городов [1, p. 31]).

Выбор Великобритании обусловлен тем, что проблемы малого бизнеса, актуальные для этой страны сегодня, будут решаться российскими

компаниями МСБ завтра. Таким образом, изучение зарубежного опыта позволит, как минимум, если не избежать ошибок, то хотя бы снизить убытки от них.

В РФ и на Западе определения МСБ не полностью совпадают, однако в основе своей являются общими (компании выделяются на основе таких критериев, как небольшая численность сотрудников и размер годового оборота). На основании рекомендации ЕС, в понятие МСБ входит любое предприятие или компания с численностью до 250 человек и годовым оборотом, равным или менее 50 млн евро (или активами, равными или менее 43 млн евро [2]).

В Британии, по данным Федерации малого бизнеса (FSB), вклад МСБ в ВВП страны составляет 50% [3], а компании сектора обеспечивают работу примерно для 14 млн британцев [4, р. 2]. Не случайно на его важность обращают внимание депутаты британского парламента Д. Дэвис и Дж. МакФол, заявляя о том, что 4,8 млн компаний МСБ обеспечивают примерно 60% занятости [5, р. 9]. Они также пишут о потенциале создания еще 2 млн рабочих мест, что позволит ускорить темпы роста национальной экономики.

Ведущие национальные периодические издания уделяют значительное внимание развитию малого бизнеса и изучению его опыта. Отражающие различные точки зрения регулярные публикации в таких изданиях, как *The Telegraph*, *The Sunday Telegraph*, *The Observer*, *Mail on Sunday*, *The Times*, *The Sunday Times*, *Financial Times* свидетельствуют о важности малого и среднего бизнеса не только для экономики, но и для общества. В материалах в числе прочего представлены рекомендации предпринимателям и бесплатные консультации.

Так как роль МСБ и его политическое значение велики (электорат, финансирование предвыборных кампаний и деятельности политических партий), правительственная поддержка оказывается не только на словах, но и на деле. Следует отметить различные совместные инициативы более крупных компаний и различных институтов, а также работу Регионального фонда роста (RGF).

Еще в апреле 2011 г. была запущена программа *StartUp Britain*, целью которой является оказание содействия малому бизнесу [6, р. 30]. Поддержку программе выразил лично премьер Д. Кэмерон [7, р. 32]. В декабре 2012 г. он объявил о запуске программы *Tech City Investment Organisation* объемом

финансирования в 50 млн фунтов, а ранее в том же году В. Кейблом, министром по делам бизнеса, была запущена программа *The Growth Accelerator* объемом 200 млн фунтов. Еще одним инструментом является *Technology Strategy Board*, который делает ставку на стимулирование инноваций в экономике страны.

Кроме этого, правительство объявило о создании новых бизнес-зон, обладающих существенными льготами [8, р. 30], а налоговая служба изменила правила заполнения отчетности и деклараций для компаний численностью менее 50 сотрудников. Теперь документы необходимо заполнять онлайн, что снижает бюрократическое бремя, а также издержки ведения бизнеса.

Именно В. Кейбл, представляющий партию либеральных демократов, и несет в рамках правительства основную ответственность за поддержку МСБ. Недавно с его стороны была представлена программа *Business Finance Partnership*, в рамках которой на цели развития активно растущего в онлайн сегмента «займов без посредников» (*peer-to-peer lending*) предполагается выделение 87 млн фунтов средств налогоплательщиков [9, р. 10]. В апреле 2013 г. он же объявил о планах по созданию специального банка для кредитования МСБ, однако в настоящее время их реализация откладывается.

При этом размеры выдаваемых в рамках таких займов денежных средств не являются существенными — их средний размер колеблется в пределах 25–200 тыс. фунтов. При этом, конечно, стоит обратить внимание на особенности их использования, так как естественно, что работающие через Интернет компании сектора (например, *Amigo Loans*) стремятся извлечь максимально возможную прибыль, что обуславливает достаточно высокие процентные ставки, тем более, что в ряде случаев по тем или иным причинам начинающие предприниматели вынуждены на развитие бизнеса оформлять займы в формате «до зарплаты», как физические лица [10, р. 9].

Так, с марта 2012 по август 2013 г. *Amigo Loans* выдала таких займов на общую сумму примерно 20 млн фунтов, а число клиентов составило около 7 тыс. (что составляет менее 3 тыс. фунтов на человека) [10, р. 9].

Отдельно следует указать на специальные правительственные программы для бывших военнослужащих по открытию малого бизнеса [12, р. 9]. Соответствующая программа *Royal British*

Legion была инициирована еще в июне 2010 г., и с тех пор поддержка была оказана более 300 предпринимателям (как правило, через льготные ставки по кредитам, а также оказание консультаций).

Кроме того, как отмечалось ранее, поддержку оказывает не только правительство, но и крупные компании, в том числе и технологического сектора (Cisco). Так, создаются специализированные площадки (например, компании Zopa, RateSetter, Funding Circle и др. [13, р. 8]), а также сайты, специализирующиеся на краудфандинге (Crowdcube, Indiegogo, Kickstarter, Seedrs [14, р. 8]), которые связывают инвесторов и предпринимателей. В число их спонсоров входят крупные британские бизнесмены, например, Ч. Данстоун, председатель совета директоров Carphone Warehouse, Э. Рэй, один из основателей Betfair, и др. Это позволяет говорить о социальной функции крупного бизнеса, так как его представители, безусловно, понимают, что малый бизнес важен для развития национальной экономики.

Рост популярности указанных инструментов обусловлен прежде всего нежеланием крупных банков (например, RBS, Barclays, HSBC, Lloyds) кредитовать малый бизнес страны из-за достаточно высоких, по их мнению, рисков [15, р. 30; 16, р. 7]. Хотя следует указать, что в последнее время ситуация улучшилась (не в последнюю очередь благодаря правительственной программе Funding for Lending Scheme, запущенной в июле 2012 г.), однако этого недостаточно [17, р. 4; 18, р. 13].

При этом и сами компании малого бизнеса не спешат обращаться к внешним источникам финансирования [19, р. 31], включая кредиты банков, предпочитая альтернативные варианты (использование предпринимателями личных средств [20, р. 31], привлечение бизнес-ангелов, использование возможностей сети Интернет [21, р. 1; 22, р. 19; 23, р. 30] и т. д.).

Конечно, поддержка правительства и крупного бизнеса является важным фактором, однако развитие МСБ прежде всего зависит от него самого. Учитывая высокие темпы развития глобальной сети Интернет, британские предприниматели, как показывает практика, не проходят мимо открывающихся возможностей.

В Британии МСБ все чаще работает через глобальную коммуникационную сеть Интернет, поскольку это позволяет существенно снизить издержки [23]. Только 9% опрошенных не пользуются

им — это прежде всего представители МСБ старше 65 лет [3, р. 6].

Как правило, сайт выступает одновременно в качестве и офиса, и магазина, а сами предприниматели зачастую работают из дома, чтобы снизить издержки. Наиболее часто используемыми с их стороны функциями можно считать нижеследующие [3, р. 6]:

- прием/отправка электронной почты (83%);
- поиск информации, совета, рекомендации, консультации (77%);
- загрузка информации/документов (72%);
- поддержание рабочего сайта (59%);
- оплата счетов в режиме «онлайн» (55%).

Преимущества сети Интернет заключаются в следующем:

- интерактивность;
- оперативность;
- эффективность;
- экономичность.

В условиях роста конкуренции, которая характеризует деятельность в сфере малого и среднего бизнеса, в развитых странах компании прилагают усилия по привлечению потребителей в условиях быстро меняющейся обстановки. Высокая конкуренция обусловлена прежде всего небольшим размером территории Великобритании, что означает малое время доставки товаров из одного региона в другой. Это способствует развитию онлайн-магазинов и онлайн-компаний (т. е. направления электронной коммерции), которые могут быстро реагировать на изменения потребительских предпочтений, в том числе и за счет экономии на логистике.

Фактор усиления конкуренции означает, что инструменты сети Интернет применяются прежде всего для поиска новых клиентов и сохранения уже имеющихся. Таким образом, ставится задача обеспечения эффективной коммуникации по отношению как к потенциальным, так и существующим клиентам. Результаты опубликованного исследования показывают, что 62% респондентов используют высокие технологии для коммуникации с существующими клиентами, а 53% — с потенциальными [24].

Для этого могут использоваться такие инструменты, как:

- различные виды рекламы (баннерная, интерактивная, контекстная);
- поисковый маркетинг (в том числе оптимизация сайтов);

- продвижение в социальных сетях (SMO и SMM);
- прямой маркетинг с использованием email, RSS и т. п.

Поскольку ресурсы малого и среднего бизнеса являются ограниченными, возникает вопрос, как наиболее эффективным образом использовать их.

Анализ англоязычных публикаций показывает, что с целью продвижения британские компании МСБ применяют нижеуказанные инструменты. Вместе с тем, предприниматели, как правило, не являются специалистами в сфере информационных и сетевых технологий и, таким образом, не всегда реализуют на практике наиболее передовые разработки или делают это через какое-то время.

Поисковые системы (поисковая оптимизация). Возьмем, к примеру, Google [25, р. 12] — при поиске по ключевым словам название фирмы может быть выведено в самом начале списка полученных результатов. Не имеет смысла создавать сайт, если потребители не смогут его найти. Потенциальный клиент не склонен тратить много времени на поиск, поэтому, как правило, он ограничивается первыми полученными результатами. С точки зрения предпринимателя, важен выбор ключевых слов, которые потенциальные клиенты смогут использовать в поисковом запросе. Цель поисковой оптимизации (SEO) состоит не только в том, чтобы компанию заметили в Интернете, но и в том, чтобы определить эффективность затрат.

Все большее распространение получает оптимизация локальных или специальных поисковых систем, поскольку это обеспечивает более высокую степень таргетирования аудитории.

Фактически, можно говорить, что менеджеры по продажам заменяются автоматизированными системами и что данная тенденция будет только усиливаться, равно как и тенденция к разделению труда и компетенций между системами и специалистами.

Следует отметить, что повышение своего рейтинга в Google является достаточно затратным с точки зрения времени, при этом достижение результата не является быстрым и гарантированным. Как правило, на это может уйти полгода-год, что, в частности, обусловлено тем, что Google присваивает новым сайтам более низкий рейтинг по сравнению с уже существующими.

Учитывая это, все больше компаний МСБ обращаются к такому инструменту, как **поисковый**

маркетинг (SEM), например Google Adwords (оплата за каждый клик). В краткосрочной перспективе это помогает повысить рейтинг, однако данный способ имеет ограниченную эффективность, так как только 2–3% кликнувших покупают какой-либо товар. При этом уровень осведомленности потребителей растет, и все больше потенциальных клиентов знают, что верхние места в рейтингах «проплачены».

Социальные сети. Принимая во внимание рост их роли, важно размещать информации о бизнесе в сети LinkedIn, Facebook или Twitter [24]. Время подтверждает правильность тезиса о том, что бизнес не может игнорировать социальные сети. В результате многие предприниматели отказываются от дорогостоящих вложений в разработку и обновление собственных сайтов, поскольку гораздо дешевле и эффективнее расширять свое присутствие в указанных социальных сетях, проникновение которых растет.

Вместе с тем в сфере социальных сетей наблюдаются и негативные тенденции, которые следует учитывать (например, снижение популярности MySpace). В настоящее время социальные сети использует примерно каждое третье предприятие МСБ Британии, и этот показатель растет.

Отдельно следует остановиться на том, что крупные мировые бренды вкладывают значительные средства в рекламу в социальных сетях и играх [26, р. 15]. Малый и средний бизнес может также последовать их примеру, тем более, что в этом заинтересована и сама Facebook. Так, по прогнозам, в 2015 г. объем расходов на рекламу в социальных сетях вырастет более чем вдвое и превысит 8 млрд долл. [26, р. 15].

Веб-сайты. Рекомендуются сделать так, чтобы другие более известные сайты ссылались на сайт компании. При разработке собственного сайта важную роль играют такие факторы, как дизайн, качество обработки заявок клиентов и использование различных платежных систем, скорость загрузки, юзабилити, эстетика и полезность сайта, а также проблема его обновления, поскольку новый контент оказывает влияние на результаты поиска.

Преимуществом веб-сайта является возможность точно отслеживать статистику посещений и находиться в относительно постоянном контакте с потребителями.

Что касается использования веб-сайтов со стороны МСБ, то М. Сутон отмечает, что, по меньшей

мере, в половине случаев сайты были разработаны не для клиентов [27, р. 30].

Привлечение блогера или ведение собственного блога. Это не получило широкого распространения в связи с тем, что для ведения блога требуется время, которого, как правило, предпринимателю не хватает, а привлечение стороннего специалиста повышает издержки и не гарантирует результата.

В настоящее время растет популярность такого инструмента, как «**краудсортинг**» [28, р. 14]. За счет небольших взносов создается общий фонд, средства которого идут на приобретение крупной партии необходимых товаров (по оптовой или льготной цене), то есть формируется коллективная покупательная способность. Таким образом, классическая модель ведения малого бизнеса трансформируется, а значение географической составляющей снижается.

В рамках растущего использования Интернета британскими компаниями МСБ отдельно следует выделить два направления:

- развитие социально ориентированного предпринимательства, в том числе и в сети Интернет, что обусловлено мировым финансовым кризисом и его последствиями [29, р. 10]. Его задача заключается скорее в оказании воздействия на общество (включая экологические проблемы), а не в получении прибыли (хотя, конечно, это тоже имеет значение);

- использование «облачных вычислений» и хранение данных на внешних серверах [30, р. 10]. Так, услугами британских компаний сектора «облачных вычислений» пользуются как государственные органы Великобритании, так и, например, министерство юстиции США, а также Еврокомиссия [31, р. 10].

Следует отметить, что рост компаний, которые помогают МСБ использовать «облачные вычисления», измеряется сотнями процентов в год, однако в перспективе будет наблюдаться снижение данного показателя и насыщение рынка [30, р. 10]. Между тем, развитие данного направления обуславливает необходимость повышения уровня широкополосного доступа (ШПД) к сети Интернет, что наряду с ростом тарифов на энергоносители является одним из самых серьезных вызовов для малого и среднего бизнеса [32, р. 3]. И если в первом случае рост издержек стимулирует МСБ использовать энергосберегающие технологии и альтернативные источники энергии (например, солнечные панели),

то в случае с ШПД без поддержки правительства не обойтись. Так, еще в конце августа 2011 г. было заявлено, что государство инвестирует в развитие ШПД в сельской местности 530 млн фунтов, однако критики выразили сомнения относительно данной программы [33, р. 16–17; 34, р. 25]. По состоянию на 2013 г. данная проблема по-прежнему сохраняет актуальность, хотя определенный прогресс в ее решении достигнут [35, р. 4; 36, р. 4].

В качестве вывода можно отметить, что британские компании малого бизнеса развиваются и успешно преодолевают трудности, в том числе и связанные с последствиями мирового финансового кризиса. Растущую роль в этом играет как поддержка правительства, так и использование глобальной сети Интернет, применение инструментов которой способствует снижению издержек, увеличению прибыли, а также более оперативной коммуникации с потребителями. Кроме того, британский кабинет министров поощряет использование фирмами МСБ высоких технологий.

Для представителей российских органов власти и МСБ могут представлять интерес привлечение альтернативных источников финансирования (включая краудсортинг), ставка на «облачные вычисления», а также шаги для стимулирования соответствующих направлений. Учитывая, что Россия несколько отстает от Запада в деле внедрения передовых технологий, их можно назвать перспективными.

Важной проблемой, которую необходимо решить в России, является повышение уровня осведомленности в информационном пространстве различных мер, программ и инициатив, касающихся поддержки компаниям малого бизнеса и содействия им.

Литература

1. Boost for deprived areas // *Financial Times. Money.* — 6.08.2011. — P. 31.
2. Recommendation 2003/361/EC: SME Definition.
3. *Davenport C., Hemming M.* — *C. Broadband. Steps for an incoming Government.* July 2010.
4. *FSB Policy Handbook.* March 2011.
5. *Davies D., MacFall J.* Diversify the sources of lending for our small businesses // *Financial Times.* — 22.07.2013.
6. *Southon M.* StartUp Britain // *Financial Times. Money.* — 23. 04. 2011.
7. Cameron applauds «buzz» around website // *Financial Times. Money.* — 14. 05. 2011.

8. *Southon M.* Social work is lucrative for all // Financial Times. Money. — 4. 06. 2011.
9. *Loizou K.* How to call bank manager's bluff // The Sunday Times. Business. — 1. 09. 2013.
10. *Loizou K.* Sign on the dotted line, please, mum // The Sunday Times. Business. — 13. 10. 2013.
11. *Loizou K.* Old soldiers never die, they just run start-ups // The Sunday Times. Business. — 17. 11. 2013.
12. *Loizou K.* Start-ups to the power of three // The Sunday Times. Business. — 20. 10. 2013.
13. *Loizou K.* Yes, there's a crowd behind me // The Sunday Times. Business. — 18. 08. 2013.
14. *Southon M.* Time to turn the tables on the banks // Financial Times. Money. — 14. 05. 2011.
15. *West K.* Here's Johnny... look out, banks // The Sunday Times. Business. — 11. 09. 2011.
16. *Giugliano F.* Pace of lending to business surges // Financial Times. — 24. 10. 2013.
17. *Goff S.* Nationwide steps back from SME loans plan // Financial Times. — 27. 08. 2013.
18. SMEs shun external funding // Financial Times. Money. — 6. 08. 2011.
19. Businesses injecting own cash // Financial Times. Money. — 13. 08. 2011.
20. *Moore E.* Peer-tpeer loans to hit £1bn by 2016 // Financial Times. — 16. 07. 2013.
21. *Alloway T.* Peer-tpeer lenders look to rival traditional banks // Financial Times. — 30. 01. 2013.
22. *Southon M.* Seek and you will find // Financial Times. Money. — 21. 05. 2011.
23. FSB Voice of Small Business. Survey Panel. April 2012.
24. The Digital Imperative. 2013.
25. *Bridge R.* How to give Google a run for its money // The Sunday Times. Business. — 8. 05. 2011.
26. *Dembosky A.* Facebook pokes big brands into action // Financial Times. — 25. 06. 2011.
27. *Southon M.* Websites need a human touch // Financial Times. Money. — 19. 03. 2011.
28. *Bridge R.* Share a glass of red with 50,000 friends // The Sunday Times. Business. — 27. 03. 2011.
29. *Jefford K.* It's commerce, but not as we know it // The Sunday Times. Business. — 24. 04. 2011.
30. *Colman E.* Time to get your head in the cloud // The Sunday Times. Business. — 17. 04. 2011.
31. *Loizou K.* British techies head to America // The Sunday Times. Business. — 13. 10. 2013.
32. *Parker G., Barber L.* Miliband lambasts «energy predators' // Financial Times. — 11. 10. 2013.
33. *Fildes N.* Britain «stuck in slow lane» despite £1bn network boost // The Times. — 30. 08. 2011.
34. *Warman M.* Broadband: our divided nation // The Daily Telegraph. — 7. 07. 2011.
35. *Thomas D.* Doubts raised over race for superfast internet // Financial Times — 6. 11. 2013.
36. *Thomas D.* Superfast internet reaches three in four homes // Financial Times — 25. 10. 2013.

УДК 316(045)

Национальная идентичность и космополитизм в большом городе

СИЛЛАСТЕ ГАЛИНА ГЕОРГИЕВНА, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующая кафедрой «Теоретическая социология» Финансового университета.

E-mail: socioeconomics@fa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития мегаполиса как социокультурной среды, отличающейся своей национальной идентичностью, аккумуляцией миграционных потоков и этническими перемещениями, связанными с расширением рынков труда, с одной стороны, и ограниченной занятостью населения титульной нации на собственном рынке труда и занятости мегаполиса – с другой, влияние транзитного характера мегаполиса на миграционные перемещения (вынужденные и спонтанные). Анализируются внутренняя и внешняя миграция в столичном мегаполисе, социологический концепт национальной идентичности, ее формы и поколенческий характер; специфика групп «добровольного» и «невольного меньшинства», развитие космополитизма как неотъемлемого идеологического компонента формирования социально-психологической атмосферы мегаполисов как среды обитания, связь космополитизма с национальной культурой и социальной безопасностью городского социума.

Ключевые слова: идентичность национальная; космополитизм; мегаполис; миграция; социальное время.

National Identity and Cosmopolitanism in a Big City

GALINA G. SILLASTE, Ph. D. (Philosophy), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation Head of the Department of Theoretical Sociology, Financial University.

E-mail: socioeconomics@fa.ru

Abstract. This paper discusses the features of the development of a metropolis as social and cultural environment. It is distinguished by its national identity, the accumulation of migration flows and ethnic movements associated with the expansion of the labor market, on the one hand, and limited employment of the population of the titular nation on its own labor market and employment in a metropolis – on the other hand. It concerns the influence of the nature of the metropolis on transit migration movements (forced and spontaneous). The article analyzes the internal and external migration in the capital metropolis, sociological concept of national identity, its forms and generational character; specificity of groups of «voluntary» and «involuntary minorities», the development of cosmopolitanism as an integral part of the ideological component of socio-psychological atmosphere in megacities as a habitat, the link of cosmopolitanism with national culture and social security of urban society.

Keywords: cosmopolitanism; metropolis; migration; national identity; social time.

Модусы социального времени: от прошлого к настоящему

1961 г. День открытия XXII съезда КПСС. Начало обсуждения проекта Программы Коммунистической партии Советского Союза, провозгласившей эпохальные цели и перспективы развития СССР на предстоящие 20 лет, итогом которых должно стать построение коммунизма в советской стране. Следует отметить саму атмосферу, сложившуюся в мире накануне открытия XXI съезда КПСС.

Советский Союз — огромная, мощная, первая в истории человечества социалистическая страна. Страна, притягивавшая взоры миллионов народов. Страна, к примеру и жизни которой были обращены надежды и помыслы народов разных стран. Сейчас, возможно, нам, современникам, трудно представить себе «ту реальную политическую обстановку, которая сложилась после окончания Второй мировой войны. Мир сказочно менялся с каждым месяцем, с каждым годом. Возникла могучая

Таблица 1

**Какой политики должно придерживаться Правительство России в отношении приезжих?
(в % опрошенных) [3]**

Варианты ответов	2002 г.	2004 г.	2006 г.	2008 г.	2010 г.	2012 г.
Пытаться ограничить приток приезжих	45	54	52	52	60	64
Не ставить на пути притока приезжих административные барьеры и пытаться использовать его на благо России	44	38	39	35	27	28
Затруднились ответить	11	7	9	13	13	8

Источник: исследование Левада-Центр, 2012 год.

социалистическая система государств. Народы, десятилетиями изнывавшие под колониальным гнетом, завоевали независимость. Именно в это время наука и техника добились изумительных успехов. Человек поставил себе на службу атомную энергию. Но атом служил тогда не только прогрессу и счастью». И далее: «В защиту идеалов разоружения и мирного сосуществования двух систем поднялись сотни миллионов людей различных рас и наций, различных мировоззрений и политических убеждений. Во главе этого человеческого потока шла наша Родина, шли другие социалистические страны», — так характеризовалась атмосфера 60-х гг, одним из участников международного совместного социолого-журналистского проекта, тогда молодым ученым Ю. В. Борисовым [1, с. 37]

В день открытия XXII съезда КПСС было начато одно из первых в нашей стране международных социологических исследований, результаты которого были опубликованы в 51 стране-участнице. Называлось исследование и его анкета «Мир через 20 лет». В ней был задан один базовый вопрос: «Каким вы видите мир и вашу страну через 20 лет?». Возвращенные анкеты и ответы в них (как мы сказали бы сегодня «ответы на открытые вопросы») назвали «письмами из будущего». Их прислали 1023 респондента из 51 страны. Уникальное эпистолярное наследие. Приведем только один сюжет из поступивших писем, описывавшем свое видение мира через 20 лет.

«На земле царит мир, ибо причины войн и революций устранены. Империя нищеты и несчастий уступила место прогрессивной демократии. Нет больше безработицы и пособий. Постоянный заработок обеспечен всем. Нет больше бедности и болезней. Люди стали добрыми, дружелюбными и хорошо образованными. Нигде нет беженцев.

У каждого есть своя страна, свой дом, любящая семья и друзья. Нет больше заброшенных детей или одиноких женщин, бродящих в человеческих джунглях. ... Безумие насилия кончилось... Красота восторжествовала над уродством, хорошее над плохим, справедливость над несправедливостью, мир над войной» [2, с. 71]. Так виделась перспектива развития человечества семье простых американцев из городка Сент-Питерсберг, штат Флорида в 1961 г.

Воодушевленные, оптимистичные, полные надежд ожидания, характерных для тысяч писем из разных стран в далеком начале 60-х. Сегодня 2013 г. Прошло уже не 20, а почти три раза по 20 лет. В чем обманулись миллионы простых жителей планеты? В ожиданиях. Мир в своей реальности развернулся с точностью наоборот.

Если в 2002 г 45% россиян считали, что надо ограничить приток приезжих в нашу страну, а 44% возражали, считая, что этого делать нельзя, то всего лишь 10 лет спустя соотношение изменилось принципиально: 64% российских респондентов выступали за введение ограничений для приезда в страну «чужаков» и лишь 28% поддерживали свободное перемещение [3] (табл. 1).

Сегодня, анализ сложившейся реальности, вызывает вопрос о соотношении национальной идентичности и космополитизма в большом городе, шире — в мегаполисе.

Чем объясняется такая постановка проблемы? Прежде всего, социальной реальностью развития современных больших городов (тем более мегаполисов), аккумулирующих миграционные потоки и этнические перемещения, связанные с развитием страновых территорий, национальных экономик и городского хозяйства в условиях глобализации.

В России из 143 млн населения 22% проживает в 18 крупнейших городах. В целом же в Российской Федерации 1100 городов, из которых 14 городов-миллионщиков, которые сконцентрировали на своей территории свыше 30 млн чел. По прогнозам специалистов, еще три города в ближайшие годы могут стать миллионными мегаполисами: Пермь, Воронеж, Красноярск¹.

Чем сильнее выражен транзитный характер мегаполисной территории, позволяющий мигрантам (и не только им, но и всем мобильным индивидам) перемещаться по стране и странам, исходя из индивидуальных целей и возможностей, тем чаще в мегаполисах встает сложный вопрос о соотношении двух идеологий, образующих дихотомическую пару: космополитизма, с одной стороны, и национализма, замешанного на здоровом стремлении личности сохранить национальную идентичность, — с другой.

Сегодня миграционные потоки в Москве как в наиболее ярко выраженном российском мегаполисе складываются из двух видов перемещений: легальных и теневых (преимущественно из стран СНГ — нашего ближнего зарубежья). Внутренняя миграция составляет 77,6%, внешняя — 22,4%.; 48% среди мигрантов составляют женщины, но большинство — мужчины². Но женский теневой миграционный «гольфстрим» очень сильный, и недоучитывать силу его влияния на ситуацию в больших городах не следует.

С 1 января 2013 г. в России введена Новая программа содействия добровольному переселению соотечественников, которая призвана служить своего рода активатором проблемы «мирного сосуществования» идеологической дихотомии космополитизма и сохранения национальной идентичности миллионов мигрирующих.

По данным международного социологического исследования, проведенного два года назад среди наших соотечественников, проживающих в восьми странах: Германии и Латвии, Украине и Молдавии, Казахстане и Узбекистане, Киргизии и Таджикистане (объем выборки 7200 респондентов), — выразили готовность уехать в Россию почти 8 млн соотечественников (это без русскоязычных представителей).

¹ Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012; Россия. 2013: Стат. справочник / Росстат. М., 2013. С. 3, 5.

² Женщины и мужчины России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 46–54.

Самый высокий показатель соотечественников, выразивших готовность переселиться в Россию в Киргизии (91% «за» переезд в Россию, а 9% респондентов хотели бы и дальше жить в Киргизии). На втором месте — Таджикистан (85% русских хотели бы выехать в Россию). Далее — Молдавия (83%). На Украине, где самая большая русская диаспора (8 млн чел), хотели бы переселиться в Россию 65% респондентов. А вот в таких странах расселения русских, как Германия и Латвия, желающих вернуться в российские пенаты всего по 4% респондентов [4].

Согласно принятой в России новой Программе добровольного переселения ежегодное переселение соотечественников должно составлять до 300 тыс человек³. Однако в 2012 г., например, переселились лишь 63 тыс. Иначе говоря, при нынешних темпах переселения потребуется потенциально 20–25 лет, чтобы реализовать предложенную Программу.

Совершенно очевидно, что с учетом реальных и потенциальных объемов миграционных перемещений в России проблема национальной идентичности не только не потеряет своей злободневности, а напротив, будет усложняться, расширяя свои масштабы.

Что стоит за теоретической характеристикой идентичности и каковы ее формы

Идентичность (от средневекового лат. слова *identicus*) означает тот же, тождественный, одинаковый, совпадение чего-нибудь с чем-нибудь [5, с. 481]; свойство индивида оставаться самим собой в изменяющихся социальных ситуациях; результат осознания индивидом самого себя в качестве человеческой личности, отличающейся от других [6, с. 94]. Эта категория может рассматриваться и как ощущение самости, развивающееся и в ребенке и во взрослом человеке по мере его социального взросления и определяющее его как самостоятельную личность.

Социологический концепт национальной идентичности означает психологический процесс отождествления индивидом себя с другим по национальности или этической принадлежности

³ Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/2012/09/17/programma-dok.html> (дата обращения: 27. 11. 2013).

человеком (группой, коллективом), помогающий ему успешно овладеть различными видами социальной деятельности, усваивать и преобразовывать социальные нормы и ценности, принимать социальные роли. Различают три формы национальной идентификации.

Первая — прямое эмоциональное отождествление себя с вымышленным или реальным лицом (например, с киногероем, одним из родителей и т. п.). Функция такой национальной идентификации — защита. Для этнических мигрантов в мегаполисе эта функция имеет немало важное значение, так как способствует усвоению внешних признаков деятельности (но лишь в незначительной степени овладению социальными навыками).

Вторая форма — причисление себя к определенной номинальной национальной группе, хотя это может быть и идентификация к группам гендерной или возрастной). Эта форма нацидентификации позволяет индивиду усвоить важные стереотипы национального поведения, требования к основным культурным ролям. Для работы в мегаполисе это очень важно, чтобы избежать излишних трений и разногласий на национальной почве, первопричиной которых, как правило, является конфликт из-за незнания или непризнания национальных особенностей бытовой культуры и культуры межличностного общения. Этот быстро и наглядно проявляется в торговых точках, образовательной среде, в сфере обслуживания.

Третья форма — причисление себя и сопровождающее при этом чувство принадлежности к реальной национальной или этнической группе (титупольной нации, в частности). Эмоциональным подкреплением процесса нацидентификации является привязанность к группе. Такая форма национальной идентификации способствует активному освоению социального поведения, осуществляемого членами группы, бесконфликтному принятию ее норм и ценностей. Но такое освоение не всегда бывает точным или рациональным.

Примером может служить адаптация поселившихся в Москве трудовых мигрантов, составляющих явное меньшинство в трудовых коллективах по сравнению с работающими рядом с ними москвичами. Может быть и набор нанятых работодателем мигрантов (как правило, нелегальных), среди которых существует несколько отчужденных друг от друга этнических групп (групп с большой социальной дистанцией), не перенимающих норм

и форм общения с представителями другого этноса, а сохраняющих этнический изоляционизм.

Приведем пример: обитание и подпольная работа иностранных нелегалов, обнаруженных в 2013 г. федеральными следственными органами в подземном бункере под бывшим «Черкизоном» (Черкизовским рынком).

Однако наиболее эффективной для идентификации мигрантов в больших городах считается идентификация, основанная на реальной совместной трудовой деятельности, когда в функционирующем трудовом коллективе доминантными являются коллективистские нормы и ценности. Это объясняется тем, что в таких случаях сокращается социальная дистанция (то есть степень близости, а не отчуждения) между представителями национально-этнических групп и представителями титульной нации, занимающей доминантное положение в городском социуме, в его трудовых коллективах и оказывающей решающее влияние на формирование межнационального климата в городском социуме.

Именно на базе взаимопонимания и дружбы строились межнациональные отношения и развивалась национальная идентичность во всех межнациональных трудовых коллективах советских предприятий, независимо от национальной территории проживания. Базовой идеологией советской национальной идентичности являлись интернационализм и равноправие народов в составе СССР. Сегодня даже в мегаполисах количество таких трудовых межнациональных коллективов по объективным политическим причинам резко сократилось.

Таким образом, во всех отмеченных формах национальная идентичность есть процесс эмоционального и социально-психологического самоотождествления личности либо с индивидом, либо с определенной этнической группой, либо с национальным образцом поведения, обладающим определенными социокультурными свойствами и авторитетностью.

С позиций теории постмодернизма идентичность рассматривается как подвижный и ситуативный аспект личности, в рамках которого человек может иметь определенную идентичность (например, гендерную, считая себя женщиной или мужчиной), но вместе с тем идентифицировать себя с другими людьми на основании сходного этнического происхождения. Например, языка, национально-этнических обычаев,

традиций, норм поведения, привычек как неотъемлемых компонентов культуры, передаваемых из поколения в поколение, и образующих этническую культуру.

Мегаполис как идейное и социально-культурное пространство космополитизма

Не останавливаясь на особенностях политического и экономического характера мегаполиса, выделим прежде всего особенности его социокультурной ауры как наиболее важной и тонкой духовной материи для понимания столкновения двух базовых идеологий на основе ценностных кодов мегаполиса, которые образно можно назвать «ДНК мегаполиса как социального организма». Это космополитизм и национальная идентичность.

Обращаясь в этом контексте к национальной идентичности в большом городе, выделим важную особенность анализа влияния национальной идентичности: ее поколенческий характер. Свойство отождествления себя с представителями конкретной нации (особенно коренной или, говоря социологическим языком, титульной) относится не только к людям зрелого возраста, вливающимся на рынок труда и занятости мегаполиса. Эта характеристика касается и детей мигрантов (и иммигрантов), для которых полем проявления и защиты национальной идентичности является сфера образования. Именно сфера, а не рынок образовательных услуг, так как средой социально-культурных трений и защиты индивидуальной национальной идентичности личности ребенка является в первую очередь образовательный социум большого города.

Итак, необходимость защиты своей национальной идентичности в мегаполисе стоит перед представителями нескольких национально-этнических групп, которые в контексте социологической типологии можно подразделить на два вида: «невольных» и «добровольных» меньшинств.

«Невольные меньшинства» означает детей мигрантов (и иммигрантов), которые родились уже на новом месте, но успели испытать на себе проявление как дискриминации, так и эксплуатации в новой полиэтнической среде мегаполиса. Их маргинализация в мегаполисе как в принимающей стороне вызывает у представителей некоренной национальности бурную реакцию и резкое неприятие дискриминационной, по их мнению, системы образования.

Добровольные меньшинства — группы, недавно мигрировавшие в страну и относящиеся к национальной (то есть действующей в этой стране) системе образования как к средству улучшения своего положения и повышения социального статуса. Несмотря на уже имеющуюся у них квалификацию, добровольные меньшинства, как правило, занимают в структуре занятости мегаполиса место, несоответствующее их собственной профессиональной подготовке, а потому воспринимают получение образования в принимающем их мегаполисе как средство реализации собственной социальной мобильности.

О космополитизме мегаполиса как неотъемлемой составляющей общегородской атмосферы

Космополитизм (от греч. *kosmopolitmes* космополит, гражданин мира) представляет собой идеологию так называемого мирового гражданства, которая обосновывает расширение сфер господства и влияния [5]. Идеология не новая, развивавшаяся еще в эпоху Возрождения и Просвещения, когда идеал мирового гражданства был направлен против феодальной раздробленности. Можно в связи с этим вспомнить идеи Данте и Кампанелла, Шиллера и Гете, Канта и Фихте.

В условиях постмодерна концепция космополитизма проповедует отказ от национальных традиций, национальной культуры и патриотизма; отрицает государственный и национальный суверенитет и служит весьма реакционным целям крупных капиталистических государств.

В чем заключается космополитичный характер больших городов и мегаполисов? С одной стороны, крупные города — космополиты по атмосфере своей жизнедеятельности, где главным являются общие для всех цели и формы интеграции и самореализации. А то, как это общее достояние и ценности используются, зависит от индивидуальных способностей и рациональности городских космополитов. Реализации этих качеств должна способствовать мирная атмосфера мегаполисов. С таких позиций можно говорить о компромиссно-толерантной функции космополитизма больших городов.

С другой стороны, космополитичный характер больших городов заключается в идеологии конвергенции, растворения и нивелирования национальных признаков личности, этнических групп, их суверенитета в идеологии мирового гражданства

и мирового гражданина. Относительно мегаполиса это означает идентификацию не по этнической характеристике, а социально-территориальной, позволяющей рассматривать гражданина мегаполиса (города) как часть конкретной социально-территориальной общности, независимо от национально-этнических особенностей и исторических корней.

Задача развивающегося мегаполиса непосредственно связана с обеспечением социальной безопасности горожан и состоит в том, чтобы расстроить национально-специфическое в общественном (даже общемировом) контексте и на этой основе подчинить горожан единой власти, системе управления и контроля. В таких процессах большую роль играют космополитичные лидеры общественного мнения. Они занимают промежуточное положение между СМИК и собственным окружением.

Можно выделить еще один аспект этой идеологии, касающийся обитателей так называемого внутреннего города. По терминологической концепции Ганса, обитатели внутреннего города, даже если они относятся к категории бедных, тем не менее не являются неблагополучными в других своих свойствах. Это касается, в частности, горожан творческих профессий, интеллигенции, студентов и некоторых других [7, с. 48].

В заключение прогностический сюжет: сможет ли космополитизм мегаполисов поглотить национальную идентичность своих поселенцев и нивелировать ее до уровня отрицания или косвенности?

События, происходящие в современном мире, будь то в Западной Европе с ее агрессивной идеологией европеизма или в арабских странах, выступающих в защиту приоритета национальных интересов над общемировыми и американскими, да и многие другие примеры говорят о том, что

борьба за сохранение национальной идентичности в глобальном мире не будет утихать. Напротив, ввиду усиления мирового давления стран золотого миллиарда это противодействие будет усиливаться, так как напрямую связывается с сохранением национального суверенитета, национальной культуры и национальной безопасности государства. Поэтому мировые катаклизмы современного «общества всеобщего риска» не только не исчерпаны, а в отличие от иллюзий начала 60-х будут настойчиво проявляться в ближайшие 20 лет. Это лишь подтверждает злободневность выработки в государстве новой концепции национальной политики, соответствующей реалиям и особенностям эпохи глобализации.

Литература

1. Борисов Ю. В. Лекция, которую я хотел бы прочесть. Мир через 20 лет. — М.: Политиздат, 1963.
2. Мир через 20 лет. 1000 писем о будущем. — М., 1963—101 с
3. Общественное мнение. Ежегодник. — М.: Левада Центр. — 232 с.
4. Мигранты на рынке труда / Inliberty [Электронный ресурс] URL: <http://www.inliberty.ru/interview/366> (дата обращения: 18. 12. 2013).
5. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — 1630 с.
6. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред. Г. В. Осипов. — М.: ИНФРА-М, Норма, 1998. — 481 с.
7. Социология. А–Я: Словарь-справочник: пер. с англ. / Т. Лоусон, Д. Гэррод — М.: Фаир-Пресс, 2000. — 608 с.

УДК 31.316.47

Социально-экономические детерминанты ксенофобии и националистического экстремизма / терроризма

ЛАТОВ ЮРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ, доктор социологических наук, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Академии управления МВД РФ, полковник полиции.
E-mail: latov@mail.ru

АЛТУФЬЕВ ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ, заместитель главного редактора журнала «Межконфессиональная миссия».
E-mail: altufev_d@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются объективные детерминанты межэтнических конфликтов (Кондопога в 2006 г., Бирюлево в 2013 г. и др.). Основными факторами, провоцирующими рост ксенофобии, являются этнодемографический дисбаланс и высокие межэтнические культурные различия. В ситуации социального благополучия принимающий социум терпим к притоку инокультурных мигрантов, но при социальной кризисности уровень толерантности снижается, что приводит к вспышкам насилия против «чужих».
Ключевые слова: ксенофобия; национализм; протестные выступления; экстремизм; этносоциология.

Socio-Economic Determinants of Xenophobia and Nationalist Extremism / Terrorism

YURI V. LATOV, Doctor of Social Sciences, Ph. D (Sociology), Ph. D (Econ), Leading Researcher of the Academy of Management Interior Ministry, Police Colonel.
E-mail: latov@mail.ru

DMITRY YU. ALTUFYEV, Deputy Editor Journal «Interconfessional Mission».
E-mail: altufev_d@mail.ru

Abstract. The article considers objective determinants of ethnic conflicts (Kondopoga in 2006, Biryulyovo in 2013, etc.). The main factors that trigger the growth of xenophobia are an ethno-demographic imbalance and big ethnic and cultural differences. In the situation of social welfare the host society is tolerant to the influx of migrants of other cultures, but in the conditions of social crisis the level of tolerance is reduced, leading to the outbreak of violence against «strangers».
Keywords: ethnosociology; extremism; nationalism; protests; xenophobia.

Мы живем в эпоху своего рода «революции этничности»: межэтнические отношения не только в России, но и во многих развитых странах мира (прежде всего в Западной Европе) выходят на передний план событий политической и социально-экономической жизни. Одним из частных проявлений этой «революции» является растущий уровень ксенофобии во многих европейских

странах. Речь идет о росте негативного отношения как «хозяев» (коренного населения) к «гостям» (этническим мигрантам), так и «гостей» к «хозяевам».

«Вершиной айсберга» становятся резонансные теракты — массовые убийства, совершенные по мотивам ненависти к «чужим»: взрыв на московском Черкизовском рынке и события в Кондопоге в 2006 г., дело А. Брейвика в Норвегии в 2011 г.,

дело «тулузского стрелка» во Франции в 2012 г., дело братьев Царнаевых в США в 2013 г., недавние события в московском Бирюлево и т. д. «Подводной частью айсберга» являются многочисленные акты межэтнического насилия, которые чаще всего регистрируются как проявления обычной «уличной» преступности, хотя некоторые из них становятся поводом к массовым беспорядкам (как это было на Манежной площади в Москве в 2010 г.). Вычленению межэтнических конфликтов из чисто бытовых «разборок» мешает то обстоятельство, что те, кого считают этническими мигрантами, очень часто имеют то же гражданство, что и их жертвы. Ложно понимаемые соображения политической корректности заставляют официально считать «обычными гражданами» тех, кого коренное население считает «чужими» и кто часто сам считает «чужими» представителей коренного населения.

Обе разновидности ксенофобии — ненависть «хозяев» к «гостям» и ненависть «гостей» к «хозяевам» — получили активное развитие в России 2000–2010-х гг. Чаще всего отмечают рост мигрантофобии: лозунг «Россия для русских», согласно данным опроса ФОМ в конце 2011 г., в разной степени поддерживали 44% опрошенных. Чаще всего респонденты аргументировали свою позицию тем, что «число мигрантов растет», «русские живут хуже, чем приезжие», «мигранты вытесняют русских с рабочих мест» и т. д. [1]. Реже обращают внимание на то, что отношение этнических мигрантов к русским тоже изменяется в последние годы в худшую сторону, о чем свидетельствуют частые сообщения СМИ об агрессивном поведении этнических мигрантов (особенно так называемых «кавказцев»). Высказывалось даже предложение ввести для обозначения негативного отношения этнических мигрантов к коренному населению специальный термин «кириофобия» (в буквальном переводе с греческого — неприязненное отношение к хозяевам). К сожалению, пока нет данных социологических опросов о степени распространенности русофобии среди представителей нерусских этносов — организации таких опросов препятствуют как закрытость этнических диаспор, так и либеральная асимметрия в восприятии и изучении проблем ксенофобии.

Либеральные общественные деятели (эта позиция ярко представлена у В. А. Тишкова) часто рассматривают всплески ксенофобии как результат «политической мобилизации» — манипуляций массовым сознанием со стороны консервативных сил [2]. Это можно рассматривать как современную версию

«большевистского» (во многом, но не во всем верного) подхода к «национальному вопросу», согласно которому «реакционному правительству» выгодно канализировать социальное недовольство народных масс, обратив его против не «классово чуждых», а «этнически чужих». С этим подходом парадоксально сближается подход критикующих «либеральное мессианство» обществоведов (например, у И. Ю. Сундиева), которые считают межэтнические столкновения результатом прежде всего манипулирования со стороны криминальных или даже «заграничных» сил [3]. Нам представляется, однако, что проблема взрывов ксенофобии категорически не сводима к проискам каких-либо манипуляторов и имеет определенные объективные социально-экономические основания, связанные со спонтанным развитием общественного сознания в кризисных социумах.

Мигрантофобия последних десятилетий является реакцией не столько на иноэтничность как таковую, сколько на вызывающе акцентированную инокультурность многочисленных мигрантов. Ведь развитые страны давно, с позапрошлого века, принимают «чужаков» из слаборазвитых стран (китайских кули, латиноамериканских чернорабочих...). Пока эти мигранты приезжали только на заработки и потом уезжали, особых проблем не возникало. Наличие большого числа иноэтнических подданных/граждан (афро-американцев в США, жителей «заморских департаментов» Франции, народов Кавказа и Закавказья в Российской империи...) обостряло «национальный вопрос» только на окраинах, поскольку считалось нормой жить на «малой родине». Те из мигрантов, кто стремился остаться в метрополии, сознательно старался ассимилироваться, и им это нередко успешно удавалось. Поэтому то, что советский диктатор И. В. Сталин был грузином, президент Франции Н. Саркози является сыном венгерского мигранта, а президент США Б. Обама — афро-американец, не порождало и не порождает у подавляющего большинства «нормальных» граждан никакой ксенофобии. Проблемы возникли, когда иноэтнические мигранты стали не просто переселяться на постоянное жительство, но и отказываться от ассимиляции, подчеркивая свою инокультурность и создавая этнические анклавы (чайнатауны, «маленькие алжиры» и т. д.). Пока количество не-ассимилирующихся мигрантов было небольшим, коренное население воспринимало их относительно спокойно. Однако события последней трети XX в. — прежде всего

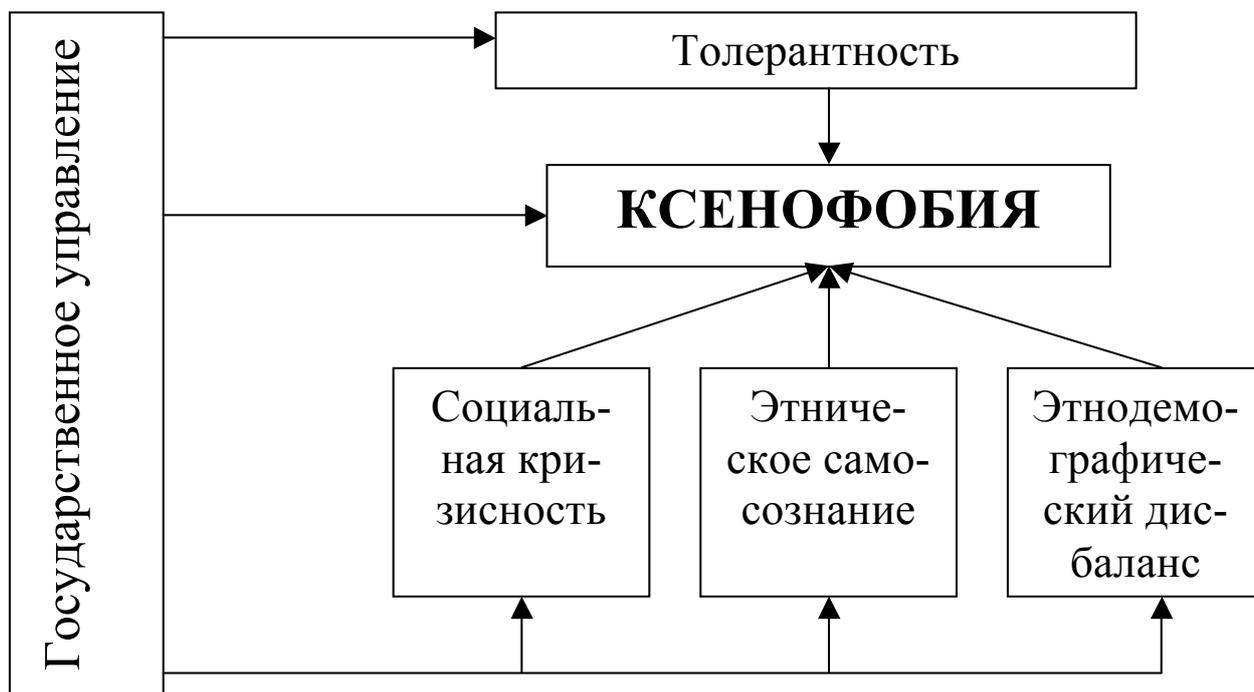

Рис. 1. Современный социальный механизм ксенофобии

новое Великое переселение народов в атмосфере общей социальной кризисности — создают качественно новую реальность.

Следует выделить ряд факторов, сумма разнонаправленных воздействий которых определяет рост или снижение ксенофобии в обществе (рис. 1). Это четыре объективных фактора (социальная кризисность, уровень этнического самосознания, этнодемографический баланс/дисбаланс, уровень толерантности) и один субъективный (государственное управление).

Социальную кризисность следует рассматривать как главную исходную предпосылку роста ксенофобии. Под социальной кризисностью понимается все то, что создает в социуме ощущение дезадаптации, «неправильности» и несправедливости. Часто социальная кризисность совпадает с экономическими кризисами, как это было в развитых странах во время Великой депрессии 1929–1933 гг. или в постсоветских государствах 1990-х гг. Возможны, однако, ситуации, когда рост социальной напряженности в обществе не связан непосредственно с экономическими катастрофами, например, «молодежная революция» 1968 г. в странах Западной Европы происходила на фоне успешного экономического роста. Именно такая ситуация наблюдается в России начала 2010-х годов: экономика

находится на подъеме (пусть даже не очень устойчивом и сильным), но в обществе растет ощущение недовольства, проявлением чего становится рост протестных митингов и иных акций.

Наиболее общей причиной современной социальной кризисности в России является отчуждение государства и бизнеса от общества. Оно проявляется в институциональной коррупции (коррупционно-клановой системе сращивания власти и бизнеса), усилении имущественного расслоения, ослаблении социальных лифтов, нарастании элементов застоя в экономике и общественной жизни. Невнятная идеологическая позиция государства, отсутствие формулировки четких и понятных стратегических целей ведут к непониманию обществом направления развития своей страны, к восприятию социальных проблем как «социальных болезней» [4].

В ситуации, когда нет ясности, «кто виноват» и «что делать» (либо мнимая ясность есть, но главные виновники недоступны), социальное недовольство инстинктивно выплескивается на «чужих», иноэтнических. Агрессия против «чужаков» растет, даже если заведомо ясно, что их нельзя считать главными виновниками всех «социальных болезней». В связи с этим следует согласиться с Л. Гудковым, который отмечал, что в постсоветской России «комплекс социальных обид растет

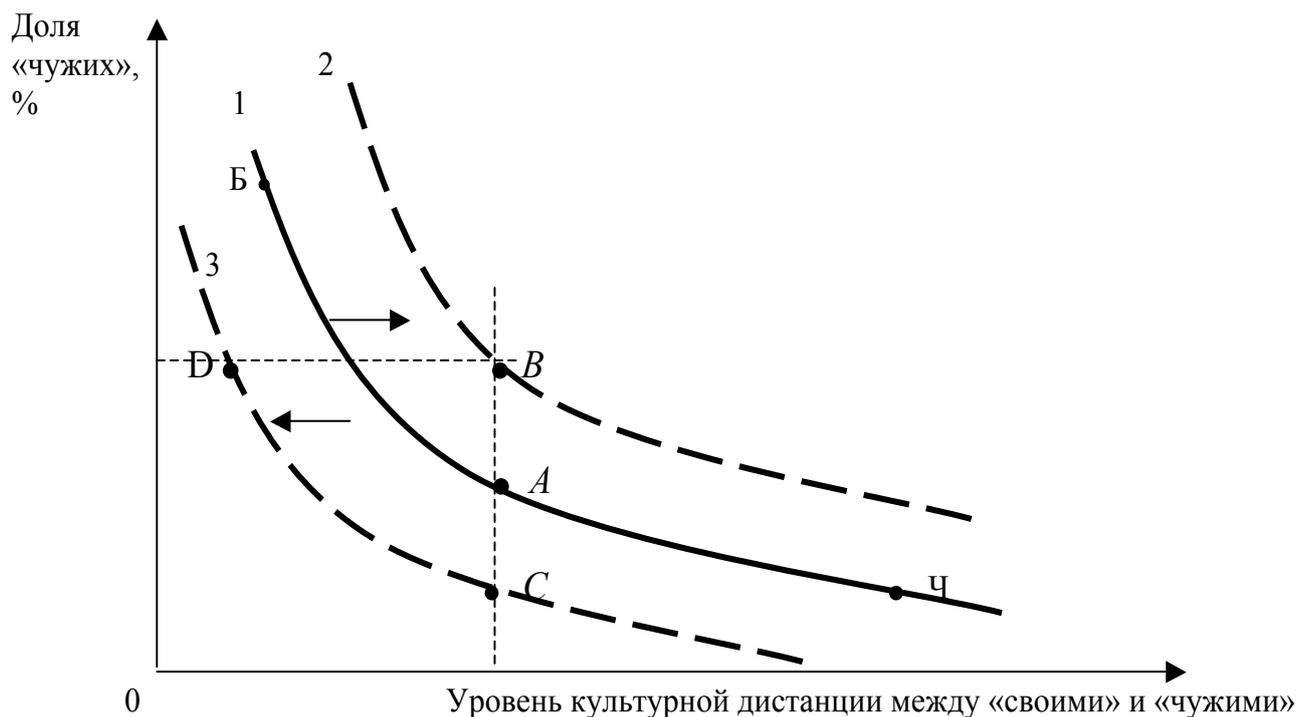

Рис. 2. Модель кривых этнического безразличия

очень сильно, но, что характерно: он не становится социально окрашенным, а принимает форму национальных обид, чувства притеснения со стороны других, этнически чужих, национальных противников и врагов» [5].

В истории можно найти много примеров, когда социальное недовольство выливалось в рост ксенофобии и насилия против «чужих». Примерами такого рода «выплесков» являются линчевания негров во время бунта в Нью-Йорке в 1863 г., еврейские погромы в России в 1905 г. и во время Гражданской войны, армянский геноцид в Турции в 1915 г., китайские погромы в Индонезии в 1966 г. В современной России подобные межэтнические столкновения пока остаются лишь локальными вспышками: наиболее резонансным примером стали события в Кондопоге в сентябре 2006 г., самой свежей вспышкой стали октябрьские события 2013 г. в Бирюлево.

Влияние социальной кризисности на ксенофобию можно проиллюстрировать при помощи модели кривых этнического безразличия (рис. 2). Эта модель построена по аналогии с экономической моделью кривых безразличия, описывающей поведение потребителей по отношению к различным наборам двух благ (товаров). В нашей модели описывается поведение коренного населения по отношению к различным наборам двух анти-благ.

Данная модель, описывающая восприятие «чужих» членами принимающего социума, основана на предположении, что для коренных жителей взаимозаменяемыми «раздражающими» характеристиками «чужаков» являются уровень культурной дистанции (степень «чуждости») и доля «чужих» в населении. Точки кривой этнического безразличия описывают отношение коренного населения к представителям всех других этнических групп. По горизонтальной оси отмеряются показатели культурной дистанции представителей различных этнических групп по отношению к коренному населению. Эти показатели могут быть измерены, например, на основе этнометрической методики Г. Хофстеда [6] или по шкале Богардуса. Чем выше будет культурная дистанция, тем ниже (при прочих равных) будет максимально приемлемая доля чужих в населении.

В современном российском обществе сложилась определенная иерархия восприятия социальной дистанции между русским большинством и другими этносами. На основе социологических опросов можно определить, каковы представления о степени «чуждости» той или иной этнической группы по отношению к русским, и, соответственно, какова готовность русских к взаимодействию с представителями этой группы. В частности, согласно данным

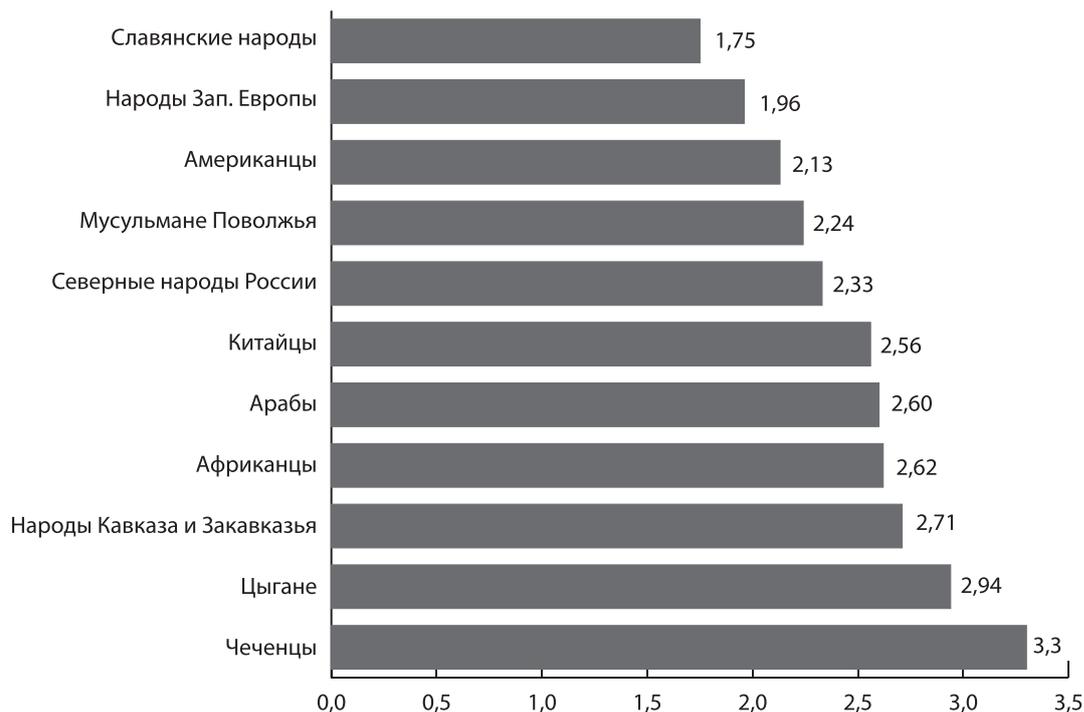

Рис. 3. Усредненный индекс социальной дистанции между русскими и другими народами: шкала варьируется от «целиком положительного» восприятия (0 баллов) до «целиком отрицательного» (4 балла) [7, с. 292].

опроса Левада-Центра, проведенного в 2004 г., в зоне «приемлемости», если принять за ее границу значение индекса социальной дистанции 2,5, оказываются «братские» славянские народы, народы западноевропейской цивилизации (включая американцев), а также народы Поволжья и северные народы, давно исторически вошедшие в состав России и в наши дни не вызывающие особого отторжения. Народы же Кавказа и Закавказья (особенно чеченцы) в восприятии опрошенных считаются даже более «чужими», чем арабы и африканцы, никогда не жившие в России (рис. 3). Хотя эти данные были получены почти 10 лет назад, за прошедшее время ситуация мало изменилась — общественное сознание обладает высокой инерционностью.

Пусть, например, социальная ситуация в каком-либо регионе современной России с абсолютным преобладанием русских описывается кривой этнического безразличия 1 (рис. 2). Тогда точка Б характеризует отношение русских к белорусам: между этими этносами почти нет культурных различий, поэтому в этом регионе может проживать очень много мигрантов-белорусов, не вызывая каких-либо ксенофобных реакций. Зато точка Ч показывает, что из-за высокой культурной дистанции между русскими и чеченцами в данном регионе опасно создавать многочисленную чеченскую диаспору, иначе возникает риск новой Кондопоги.

Желательно, чтобы точки, показывающие фактическое соотношение доли какого-либо «чужого» этноса в населении и культурной дистанции между местным населением и этим «чужим» этносом, лежали ниже кривой этнического безразличия. Если точки находятся выше этой кривой, то общество находится «под напряжением», в ситуации потенциального межэтнического конфликта.

Кривая этнического безразличия не является жестко фиксированной. Рост социальной кризисности снижает толерантность в обществе, его готовность мириться с анти-благами. Это сдвигает кривую этнического безразличия вниз и влево (из положения 1 в положение 3). Напротив, снижение социальной кризисности увеличивает толерантность — сдвигает кривую этнического безразличия вверх и вправо (из положения 1 в положение 2).

Рассмотрим на модели кривых этнического безразличия механизм влияния социальной кризисности на развитие ксенофобии, а также связанных с нею националистического экстремизма и терроризма.

Пусть на нашем графике точка А показывает, какая доля представителей определенного «чужого» этноса (например, азербайджанцев в Москве) будет восприниматься принимающим социумом как предельно допустимая в некий начальный момент

времени. Если в обществе снижается социальная напряженность (как в России в первой половине 2000-х гг.), то кривая этнического безразличия поднимется из положения 1 в положение 2. При этом предельно «терпимая» доля представителей этого этноса увеличится и будет определяться уже точкой В. Если же теперь в обществе происходит рост социальной напряженности (как в начале 2010-х гг.), то кривая этнического безразличия опустится из положения 2 в положение 3, а предельно допустимая доля представителей данного «чужого» этноса станет определяться точкой С, то есть снизится.

Чтобы избежать опасности межэтнических конфликтов, в ситуации роста социальной напряженности надо существенно снизить долю в населении представителей «чужого» этноса. Однако на практике нередко возникает «эффект храповика»: долю проживающих в регионе представителей иноэтнических групп можно относительно легко и быстро увеличить, но затем почти невозможно сократить. Это связано не только с тем, что трудовые мигранты не желают терять свои рабочие места, где получают высокую (по их меркам) оплату труда. Предприниматели также не заинтересованы увольнять таких работников, поскольку могут платить им зарплату (в том числе с использованием механизмов теневой экономики) значительно ниже той, за которую согласились бы работать местные жители. Наконец, часто мигранты создают социальные этнические сети: относительно немногочисленные мигранты сплоченно выступают против многочисленных, но разобщенных местных жителей, вытесняя их из некоторых видов профессиональной деятельности, после чего «выгнать» пришельцев практически невозможно, не разрушая социальную инфраструктуру. Так, в Астрахани ниша рыночной торговли сельхозпродуктами ранее традиционно принадлежала местному татарскому населению, но в 2000-е гг. татары были полностью вытеснены с рынков города выходцами с Северного Кавказа, активно использующими труд нелегальных мигрантов из Средней Азии. В результате вокруг центрального рынка Астрахани сложился крупнейший анклав кавказцев и таджиков в Южном федеральном округе.

Региональная государственная администрация оказывается в сложном положении: предельные показатели этнического безразличия описываются кривой 3, в то время как некоторые точки, характеризующие фактическое положение представителей иноэтнических групп в регионе (в частности,

точка В), лежат выше этой кривой. Это ведет к росту ксенофобных настроений, повышает вероятность экстремистских актов и даже терактов (вспомним взрыв на Черкизовском рынке в 2006 г.) на почве этнической нетерпимости.

Если долю «чужаков» трудно понизить, то из этой ситуации есть, в принципе, еще два выхода.

С одной стороны, можно попытаться преодолеть социальную кризисность и вернуть кривую этнического безразличия в положение 2. Однако социальный кризис носит обычно общегосударственный характер, поэтому справиться с отчуждением государства и бизнеса от общества на уровне отдельного региона вряд ли возможно (хотя можно это отчуждение несколько понизить).

С другой стороны, можно попытаться снизить уровень культурной дистанции между «чужаками» и местным населением. В идеале было бы добиться перехода из точки В в точку D: доля «чужих» останется по-прежнему высокой, но местные жители перестанут их воспринимать как неприятных и опасных «чужаков». Различные программы «воспитания толерантности» преследуют в значительной степени именно эту цель.

Однако на практике достижению этой цели препятствуют многие обстоятельства. Негативное восприятие «чужих» далеко не всегда является просто предрассудком, вызванным незнанием и непониманием культурных традиций иноэтнических «пришельцев». Вполне возможна обратная ситуация, когда отторжение «чужих» связано как раз с хорошим знанием их обычаев.

Современная болезненная реакция европейцев на «нашествие мигрантов» вызвана прорывом в культурную среду развитого капиталистического общества культурных традиций народов слаборазвитых стран. Многие из этих традиций — религиозный фундаментализм, демонстративная маскулинность, терпимость к коррупции, опора на личные связи, высокий коллективизм, склонность к авторитаризму, дискриминация женщин — резко противоречат культурным ценностям современной западноевропейской цивилизации. Поскольку российская цивилизация тоже является европейской (пусть даже периферийно-европейской), то приток большого количества «азиатов» и «кавказцев» не без оснований воспринимается русским этническим большинством как дополнительный фактор криминализации бизнеса и размывания культурных ценностей российской цивилизации. По словам А. Назаретяна, известного специалиста

по политической психологии и культурной антропологии, «если Россия в ближайшие десятилетия не будет защищена от бессистемной иммиграции внутренним демографическим ростом, то через 20–30 лет вместо Москвы будет Ош — возобладают средневековые ценности и нормы» [8]. Страшит исчезновение не мифической «русской крови» (в России никогда не культивировали «чистоту генофонда»), а вполне реальных культурных ценностей модернизированного общества.

Ядром современных программ по воспитанию толерантности является работа с русской молодежью путем, главным образом, распространения знаний «об обычаях и особенностях разных живущих в России народов». Такая односторонняя работа мало продуктивна, поскольку неприятие вызывает не склонность «чужих» петь другие песни на другом языке, а стремление «чужих» применять силу и тесную взаимоподдержку в тех сферах жизни, где местные не привыкли их применять. Осведомив русскую молодежь о существовании 150 народов и народностей, к которым необходимо проявлять терпимость, можно получить «синдром осажденной крепости». Чувствуя себя окруженными со всех сторон чужими и чуждыми национальными обычаями, представители этнического большинства начинают выдавать ответную агрессию — как в адрес «обнаглевших» этнических мигрантов, так и в адрес государства, которое поддерживает претензии «чужих» (вспомним теракт А. Брейвика). Воспитание толерантности, безусловно, необходимо. Однако следует устранить однобокость воспитательной работы, заключающуюся в направленности исключительно на этническое большинство, в результате чего оно начинает воспринимать идеологию толерантности как призыв к покорности. Воспитывать толерантность важнее в первую очередь у представителей «воинственных» народов, чтобы предотвратить бытовое межэтническое насилие.

Ни в коей мере не отрицая полезность культурной работы (в первую очередь в долгосрочном периоде), необходимо признать, что в современной России она не может быть главным инструментом

решения текущих (кратко- и среднесрочных) проблем межнациональных отношений. Реально приходится выбирать между мерами регулирования этнодемографического дисбаланса (миграционные фильтры, принудительные выселения нелегальных мигрантов, качественно разные меры стимулирования рождаемости по отношению к разным этническим группам) и мерами по снижению общей социальной кризисности российского социума. Скорее всего, в конце концов придется выбрать и то, и другое.

Литература

1. Слова и славяне: опрос ФОМ (18. 11. 2011) [Электронный ресурс] URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10257> (дата обращения: 01. 12. 2013).
2. Тишков: власти не должны допускать ксенофобии // Xenophobia Prevention Initiative 24. 06. 2011 [Электронный ресурс] URL: <http://stopxenophobia.org/?p=2409> (дата обращения: 01. 12. 2013).
3. Милкус А. Россия — часть нового халифата? // Комсомольская правда. 2013. — 31 окт. — № 142; — 1 нояб. — № 143.
4. Рывкина Р. В. Социальные болезни российского общества как объект научного изучения // Общественные науки и современность. — 2009. — № 3.
5. Гудков Л. Д. О развитии русского национализма / Стенограмма круглого стола на тему «Русский вопрос в России» в фонде Либеральная миссия, Москва, 4 ноября 2002 г.
6. Латов Ю. В., Латова Н. В. Этнометрический подход к сравнительному анализу хозяйственно-культурных ценностей // Вопросы экономики. — 2008. — № 5.
7. Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты // Отечественные записки. — 2004. — № 4 (19).
8. Назаретян А. Россия может дать урок всему миру [Электронный ресурс] URL: <http://razgovor.org/nauka/article978> (дата обращения: 03. 12. 2013).

УДК: 93/94:2(045)

Великий печальник за Отечество. Патриарх Гермоген

ЦВЕТКОВ СЕРГЕЙ ЭДУАРДОВИЧ, преподаватель Международного университета в Москве, автор книги «Русская история» в 4 т. и ряда биографических исследований.
E-mail: cer6042@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности Патриарха Гермогена (ок. 1530–1612), сыгравшего ключевую роль в событиях Смутного времени в качестве вдохновителя национального сопротивления польско-литовским интервентам. В статье так же рассказывается о приходе на патриарший престол Филарета, получившего в последствии титул «Великий государь».

Ключевые слова: династия Романовых; польско-литовская интервенция; Русская Православная Церковь; Юриковичи; Смутное время.

Great Intercessor for the Motherland. Patriarch Germogen

SERGEY E. TSVETKOV, Professor, International University in Moscow, the Author of the Book «Russian History» in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works.
E-mail: cer6042@yandex.ru.

Abstract. The article considers the life and activity of Patriarch Hermogen (about 1530–1612), who played a key role in the events of the time of Troubles as a mastermind of the national resistance to the Polish-Lithuanian invaders.

Keywords: the Romanovs dynasty; the Polish-Lithuanian intervention; the Russian Orthodox Church; Rurikovichi; the time of Troubles.

Летом 1610 г. польский гетман Жолкевский, разбив русское войско, подошел к Москве. От имени короля он обещал Русской земле покой и тишину, если на московский престол сядет сын Сигизмунда, королевич Владислав. Народ в Москве забурлил. 27 июля воевода Захар Ляпунов собрал у Арбатских ворот большую толпу и повел ее в Кремль сводить царя Василия с престола. Услыхав требование добровольно оставить царство, Шуйский было взбеленился и замахнулся на Ляпунова ножом, который, как и всякий москвич, носил у себя на поясе. Но плечистый Ляпунов только презрительно прикрикнул на царя:

— Василий Иванович, не замахивайся на меня, а я тебя тут же и изотру!

В это время в палату вошли бояре и сказали, что вся земля бьет Шуйскому челом, чтобы он оставил царство, потому что никто его не любит и слушать ему не хочет. Шуйскому не оставалось ничего

другого, как подчиниться. Однако его на всякий случай насильно постригли в монахи и отвели в Чудов монастырь. Патриарх отказался признать этот незаконный постриг, но это ничего не изменило. Позже Шуйского отправили пленником в Польшу, где он через несколько лет и скончался.

Власть перешла к боярской думе в лице семи знатнейших бояр: Мстиславского, Воротынского, Трубецкого, Голицына, Романова, Шереметева и Лыкова. Началось правление так называемой «семибоярщины» под председательством князя Федора Мстиславского.

Народ собирался на улицах и обсуждал, кого избрать царем. Между боярами и дворянами не было согласия. Первый из бояр, Мстиславский, стоял за избрание польского королевича Владислава, но Патриарх Гермоген был иного мнения.

— Чего вы ждете от поляков, если не окончательного разорения царства и православной

веры? — с укором говорил святитель боярам. — Разве нельзя избрать на царство кого-либо из князей русских?

Наилучшим выходом из сложившейся ситуации, по мысли святителя, было бы избрание государя Земским собором. Разосланная по стране окружная грамота Патриарха объявляла, что все должны насмерть биться против поляков, литовцев и самозванца, «а на Московское государство выбрать нам государя всею землею, собравшись со всеми городами, которого нам государя Бог подаст».

В качестве возможного избранника Патриарх указал на князя Василия Голицына или на юного Михаила Федоровича Романова, отец которого, постриженный в монахи по приказанию Бориса Годунова с именем Филарета, теперь был митрополитом Ростовским. Для пущего вразумления он даже приказал служить молебны об избрании царя «от корня российского рода». Но бояре поддерживали Мстиславского. Патриарх принужден был уступить, однако поставил твердое условие, что 15-летний королевич перейдет в православную веру, женится на православной, не будет иметь сношений с Папой римским и станет карать смертью за переход в католичество.

— Иначе, — грозил Патриарх боярам, — вы будете лишены милости Бога и Пресвятой Богородицы и примете месть от Бога наравне с еретиками и богоотступниками.

Бояре поспешили сообщить обо всем Жолкевскому, стоявшему под Москвой. Гетман не согласился без ведома Сигизмунда давать от имени королевича требуемые обещания, но в то же время заключил с Думой договор, согласно которому власть Владислава была ограничена Боярской Думой и Земским собором. Владислав не имел права изменять народных обычаев, отнимать имущество, ссылать и казнить без думного постановления, ставить на должности иноземцев, как-то ущемлять Православную Церковь и духовенство, строить в Русской земле костелы и кирки. Включили статью и о том, чтобы быстрее поймать Вора с Мариной.

В течение трех месяцев Москва и почти все остальные русские города и земли присягали Владиславу. В Москве присяга длилась семь недель. Мстиславский с товарищами радовались. Но Патриарх Гермоген не скрывал своей скорби. Богомудрый святитель «плакался пред всем народом и просил молить Бога, чтобы Он воздвиг царя русского».

А пока, за неимением такового, оставалось служить Отечеству и Церкви.

* * *

Вскоре под Смоленск, к королю Сигизмунду, было отправлено «великое посольство», численностью более пяти тысяч человек, во главе с Ростовским Митрополитом Филаретом и князем Василием Голицыным. Послам был дан наказ требовать от короля, чтобы Владислав перешел в православную веру, не поддерживал сношений с папой римским, а когда женится, то чтобы невесту взял из какого-либо русского, боярского рода.

Патриарх Гермоген написал два письма: одно — королю, а другое — королевичу. Сигизмунда он умолял отпустить сына в православие, а Владислава — принять православную веру. В обращении к послам он горячо их просил оберечь веру:

— Вы, как мученики, хотящие мучиться, — сказал Патриарх, — даже до смерти не щадите жизни своей: за таковые подвиги вы получите венцы царствия небесного.

— Лучше умереть за православную христианскую веру, нежели учинить что-либо постыдное! — отвечал Митрополит Филарет. И действительно, в посольстве и в польском лагере ему пришлось столкнуться с многими кознями, а затем изрядно пострадать в плену.

Одиннадцатого сентября посольство выехало из Москвы и спустя месяц прибыло под Смоленск. Им был оказан торжественный прием, но переговоры сразу зашли в тупик. Во время данного русского послам приема неожиданного выяснилось, что Сигизмунд сам хочет царствовать на Руси и помимо того требует сдать ему Смоленск. Фактически это означало присоединение России к Речи Посполитой.

Послы оповестили Москву об «обманке» короля.

В столице и без того было неспокойно. Народ волновался, и Жолкевский вступил в переговоры с боярами о том, чтобы впустить польские войска в Москву, для охраны столицы от внутренних бунтовщиков и шаек Тушинского вора, который вновь появился в окрестностях Москвы. Первосвятитель воспротивился этому. Но бояре грубо заявили ему:

— Твое дело, Святейший, смотреть за церковными делами, а в мирские не следует тебе вмешиваться. Исстари так ведется, что не попы управляют государством.

В ночь на 21 сентября 1610 г. поляки вошли в Москву и разместились в самом сердце столицы — Кремле, Белом городе и Китай-городе.

Поначалу Жолкевский держал распушенных шляхтичей в железной узде. Для нарушителей

дисциплины он учредил военный суд, куда попросил войти и думных бояр. Виновников бесчинств наказывали сурово и без промедления. Так, некий шляхтич Блинский, напившись, несколько раз выстрелил в икону Пресвятой Богородицы, висевшую на воротах Белого города. По решению военного суда ему отрубили руки, а потом бросили в костер. Другой шляхтич похитил боярскую дочь и его по московским законом выдрали кнутом до полусмерти. Буяну, ударившему в споре православного священника, отсекали руку, а группу немецких наемников, ограбивших церковь, расстреляли.

Этими поступками гетман заслужил себе уважение со стороны Патриарха Гермогена. Однако вскоре король Сигизмунд отозвал его к себе, и оставшиеся в Москве поляки, почувствовав волю, предались насилиям и бесчинствам. В погоне за наживой они врывались в дома и храмы. Многие годы спустя в кремлевской церкви Святого Иоанна показывали «отвращенную» икону святого Николая: по преданию взоры святого отвратились при виде поругания святыни, чинимого чужеземцами. Наконец, поляки дорвались до государевой казны и началось беззастенчивое расхищение сокровищ.

Возмущением москвичей решил воспользоваться Тушинский вор. Каждый день в Москве ловили лазутчиков лжецарька, которому присягнули Суздаль, Владимир, Ростов, Галич, Юрьев-Польский, Казань и Вятка.

Угроза столице со стороны Вора вынудила Сигизмунда послать на помощь москвичам сильный отряд. Его приближение так напугало Вора, что он решил отступить на Дон, к Воронежу. Но время его уже истекло — Вор отбегался. 22 декабря 1610 г. он был убит во время охоты крещеным татарским мурзой Петром Араслановичем Урусовым. На следующий день поделщики Вора нашли его тело и похоронили в одной из калужских церквей.

Между тем под Смоленском продолжались тяжелые переговоры с Сигизмундом. Русские послы проявляли такую же несговорчивость, как и смоленский гарнизон. Но в Москве пан Гонсевский, заменивший Жолкевского, усиленно ратовал за своего короля. Ему усердно помогали продавшиеся за деньги полякам боярин Михайло Салтыков и мелкий кожевник Федька Андронов.

Вся московская власть оказалась развращена и коррумпирована. Патриарх Гермоген один оставался верен православной вере и государственным интересам России. Святитель начал писать

грамоты, призывая русские города ополчиться на поляков для избавления святой Руси от бед. По свидетельству самих поляков, «Патриарх Московский тайно разослал по всем городам грамоты, которыми, разрешая народ от присяги королевичу, тщательно убеждал соединенными силами как можно скорее спешить к Москве, не жалея ни жизни, ни имущества для защиты христианской веры и для одоления неприятеля».

Мстиславский, Салтыков, Андронов и другие, видя, что в городах собираются ополчения, явились к Патриарху Гермогену и стали просить его:

— Благослови, святой Владыка, народ на присягу королю Сигизмунду, да подпиши вот эти грамоты: дескать, русские люди во всем полагаются на его королевскую волю и готовы подчиниться ему беспрекословно. А другая грамота к смоленским нашим послам, чтоб они ни в чем не прекословили королю. Чего он хочет, тому и быть.

— Я согласен писать королю, — ответил Патриарх, — но не о том и не так. Если король даст сына своего на Московское государство и Владислав крестится в православную веру и всех польских людей выведет вон из Москвы, то я к такому письму руку свою приложу и прочим властям повелю то же сделать. А чтобы писать так, как вы пишете, что нам всем положиться на королевскую волю и повелеть послам московским сделать то же самое, то это, ведомое дело, значит, нам целовать крест самому королю, а не королевичу — таких грамот ни я, ни прочие власти писать не будем и вам не повелеваем. Если же вы меня не слушаете, то я возложу на вас церковную клятву и прокляну всех, кто пристанет к вашему совету. К восставшим же на защиту Отечества гражданам писать буду: если королевич примет единую веру с нами и воцарится, то повелеваю и благословляю твердо пребывать в послушании к нему; если же и воцарится, да единой веры с нами не примет и людей польских из города не выведет, то я всех тех людей, которые уже крест ему целовали, благословляю идти на Москву и страдать за веру до смерти.

В ответ на слова Владыки Михайло Салтыков в гневе закричал:

— Я убью тебя!

С этими словами он выхватил нож из-за пояса и замахнулся на святителя. Патриарх Гермоген осенил его крестом и спокойно произнес:

— Не страшусь ножа твоего, но вооружаюсь силою Креста Христова против твоего дерзновения. Будь же ты проклят в этом веке и в будущем.

Опомнившись, Салтыков упал в ноги святителю и просил у него прощения.

На следующий день в Успенском соборе святитель обратился к народу с речью, убеждая собравшихся не присягать королю, но встать на защиту веры и Отечества. Эти слова нашли самый живой отклик в сердцах людей. Бояре же отправили грамоту смоленскому воеводе с предписанием сдать город королю, а послам — признать волю короля Сигизмунда. Но поскольку подпись Гермогена под этим документом отсутствовала, князь Голицын и Митрополит Филарет заявили, что не станут выполнять содержащиеся в нем наказания.

— У нас, — говорил полякам Василий Голицын, — издавна так велось при прежних государях: когда какое-либо государственное или земское дело начиналось, то все государи наши призывали на совет Патриарха и митрополитов и архиепископов и без их совета ничего не приговаривали. Ныне по грехам нашим мы остались без государя, а Патриарх у нас человек начальный (главный. — С. Ц.), и без Патриарха ныне о таком деле советовать непригоже.

А Митрополит Филарет добавил, что кого патриарх «свяжет словом — того не только царь, сам Бог не разрешит!»

Взбешенный король повелел заключить руководителей посольства под стражу и отослать в Польшу. Всякие переговоры были прекращены.

Между тем, под влиянием грамот Патриарха в стране стало зарождаться сопротивление польским интервентам. Возглавил его рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. В 1611 г. он выступил с призывом ко всему народу спасти Отечество от поляков с тем, чтобы служить тому царю, которого изберут, по Божьему соизволению, всею землею. Московским же боярам он отправил грамоту с угрозой изгнать их из столицы как недругов. В Рязань стали стекаться ратные люди из Ярославля и Нижнего Новгорода, из Суздаля и Мурома, Вологды и Поморья. Пришли донские казаки во главе с атаманом Заруцким и даже остатки армии Тушинского вора. Князь Дмитрий Иванович Пожарский — будущий спаситель России — командовал в первом ополчении передовым отрядом.

Устрашенный этими приготовлениями начальник польского гарнизона Гонсевский явился к Патриарху Гермогену и грубо сказал:

— Ты — первый зачинщик измены и всего возмущения. По твоему письму ратные люди идут

к Москве!.. Отпиши им теперь, чтобы они отошли, а то мы велим уморить тебя злой смертью.

— Что ты мне угрожаешь? — бесстрашно ответил Патриарх. — Единого Бога я боюсь. Ты мне обещаешь злую смерть, а я надеюсь получить через нее венец небесный. Уйдите вы все, польские люди, из Московского государства, и тогда я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь, — мое благословение: всем стоять и помереть за православную веру!

За Гонсевским прибыл Салтыков и стал требовать того же, что и Гонсевский. Святитель Гермоген и ему отвечал:

— Если ты и с тобою все изменники и поляки выйдете из Москвы, то напишу, чтоб ополчения возвратились, и тогда все умирится... Благословляю всех достойных вождей христианских утолить печаль Церкви и Отечества!

Русских же людей Патриарх оповестил: «Враги уже почти в руках наших, когда ссадим их с шеи и освободим государство от ига, тогда кровь христианская перестанет литься, и мы, свободно избрав себе царя из рода русского, с уверенностью в нерушимости веры православной не примем царя латинского, которого навязывают нам силой и который влечет за собою гибель нашей стране и народу, разорение храмам и пагубу вере христианской!»

Видя, каким влиянием пользуются слова святителя, поляки приставили к нему стражу, не пропуская даже его дворовых слуг; патриарший двор был разграблен. Лишь изредка Патриарху удавалось тайком поговорить с русскими людьми, которые со всех сторон приходили к Москве, чтобы получить благословение от великого печальника за Отечество.

— Писать мне нельзя, — говорил в таких случаях святитель, — все побрали поляки, и двор у меня пограбили. А вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу, и московских чудотворцев, стойте все заодно против ваших врагов.

То великое значение, которое приобрел томившийся в иноземном плену Патриарх в глазах русских людей, хорошо выразил автор «Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, о страдании нового страсотерпца Святейшего Гермогена, Патриарха всея Руси», написанной во время заточения святителя: «О столп крепкий и непоколебимый! О крепкая стена и забрало у Бога и Пречистой Его Матери! О твердый алмаз, о поборник непобедимый! О непреклонный веры заступник! О воистину

пастырь неложный!.. И видим все: не даст слову Божию пропасть на земле и, хотя всегда рядом со смертью ходит возле общих наших врагов и губителей, однако хранит надежду на Творца нашего и Божию Матерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели ему, государю, и случится за слово Божие умереть — не умрет, но жив будет вовеки. Во всеулышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас не мало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла... А ныне один уверенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит... Один только у нас ныне есть у Бога и Пречистой Его Матери стена и забрало, так это он, государь, великий святитель и крепкий заступник».

«Первопрестольник Апостольской Церкви Святейший Гермоген Патриарх, — писали москвичи русским послам под Смоленск, — душу свою полагает за веру христианскую несомненно, а за ним следуют все православные христиане».

* * *

В марте 1611 г. первое народное ополчение подошло к Москве.

Опасаясь народного возмущения, Гонсевский освободил Гермогена на один день — в Вербное воскресенье — для того, чтобы святитель мог совершить традиционное шествие на осляти.

Гонсевский с русскими изменниками еще раз решили повлиять на непреклонного старца, но услышали в ответ:

— Я уже говорил вам, что не буду писать к полкам, стоящим под Москвою, и ничего другого от меня не услышите.

Тогда поляки бросили Патриарха в подземелье Чудова монастыря, под охрану 50 стрельцов, и объявили его лишенным патриаршего сана. В темнице святитель испытывал ужасные лишения. Ему запретили разговаривать с кем-либо из русских и покидать тесную келью. Великого старца морили голодом, выдавая «на неделю сноп овса и мало воды в кувшине».

Тем временем в Москве вспыхнуло народное восстание. На улицах стали стихийно возникать завалы, откуда по полякам вели прицельную стрельбу из ружей. Одновременно отряд князя Пожарского штурмом овладел Белым городом. Чтобы

остановить продвижение ополченцев, поляки подожгли Москву и отступили в Кремль. Деревянные московские посады в считанные часы превратились в пепелище. На улицах столицы валялись небуранными до семи тысяч обгорелых трупов.

Несмотря на это, ополчение Ляпунова с каждым днем сжимало вокруг поляков кольцо осады. Однако раздоры в русском стане позволили полякам удержать за собой столицу. Смелый и прямодушный Прокопий Ляпунов восстановил против себя других предводителей ополчения. С особенной ненавистью к нему относились казаки Заруцкого, поскольку Ляпунов издал указ, грозивший смертью всякому мародеру и грабителю. Вскоре случилось так, что 25 донцов были застигнуты во время совершения разбоя и во исполнение указа брошены в воду. Казаки в лагере пришли в ярость. Они вызвали Ляпунова в свой круг, набросились на него и изрубили в куски.

С гибелью Прокопия Ляпунова первое ополчение распалось на отдельные отряды и отступило от Москвы. В это же время король польский все-таки взял Смоленск, а шведы заняли Новгород.

26 сентября 1611 г. в Варшаве собрался сейм, на котором о завоевании Московии говорили как о деле конченном. «Глава государства и все государство, армия и ее начальники — все в руках короля», — заявил один сенатор при шумном одобрении зала.

Казалось, часы истории отбивают последние мгновения существования Российской державы. Но голос восьмидесятилетнего старца святителя Гермогена, подобно набату, звучал даже из темницы. Сумевшие проникнуть к нему в монастырскую темницу дворянин Роман Пахомов и горожанин Родион Моисеев говорили, что он молился перед образом Богородицы, и слезы непрерывно текли из старческих глаз.

Патриарх передал тайным посетителям свою последнюю грамоту, адресованную жителям Нижнего Новгорода. В этой грамоте великий старец посылал всем восставшим за Родину благословение в этом веке и в будущем за то, что они стоят за веру твердо. «А Маринкина сына не принимайте на царство: я не благословляю. Везде говорите моим именем!» — поучал святой старец.

Последняя грамота страдальца-Патриарха совершила великое дело. Когда в октябре 1611 г. она дошла до Нижнего Новгорода, то здешний староста Козьма Захарьевич Минин-Сухорукий воззвал к народу:

— Православные, поможем Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токмо животов — дворы свои продадим, жен, детей заложим. Дело великое! Но Бог нам поможет.

На другой день жертвенный порыв охватил весь город. Люди отдавали последнее. Минина единодушно выбрали старшим начальным. Потом стали думать, кому ударить челом быть их воеводой и установили выбор на князе Дмитрие Михайловиче Пожарском, который в это время залечивал раны в своей суздальской вотчине.

В июле 1612 г. ополчение Минина и Пожарского двинулось из Нижнего к Москве. Полки несли Казанскую икону Божией Матери — ту самую, что принял в свои руки Гермоген более тридцати лет назад. Поход завершился освобождением Москвы и всей России. Но Патриарху уже не суждено было увидеть плоды своих трудов. Когда поляки и московские изменники узнали о движении нижегородского ополчения к Москве, они стали требовать от Патриарха, чтобы тот выступил с осуждением ополченцев. Мужественный старец ответил решительным отказом:

— Да будут те благословенны, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники московские, да будете прокляты!

Святитель мученически скончался 17 февраля 1612 г., исполнив до конца святой долг перед Отечеством и Церковью. Что сотворили над ним поляки, остается неизвестным. Одни современники говорили, что святитель умер голодной смертью, другие — что он был отравлен печным дымом («от зноя задохнулся») или был удушен.

Спустя несколько месяцев после его смерти, 4 ноября 1612 г., Москва была освобождена от поляков, а 21 февраля 1613 г. осуществилось и другое желание Патриарха: Земский собор избрал на Российский престол юного Михаила Федоровича Романова, на которого Святейший Патриарх указал еще в 1610 г.

ПАТРИАРХ СМУТЫ (ФЕДОР НИКИТИЧ РОМАНОВ)

Жизнь начиналась, как широкая масленица, где было все, и всего было в избытке.

Для боярина наипервейшее — знатность происхождения. Род Федора Никитича, будущего патриарха Филарета, восходил к Андрею Ивановичу Кобыле, московскому боярину, жившему в первой половине XIV в. при великих князьях Иване Даниловиче Калите и Симеоне Ивановиче Гордом.

Многочисленные потомки его женились с большим разбором, и дочерей своих пристраивали с немалой выгодой. Наибольшая честь выпала деду Федора Никитича, Роману Захарьину-Юрьеву, чья дочь Анастасия стала первой женой Ивана Грозного и московской царицей. В память своего деда Федор Никитич первым в роду начал носить фамилию «Романов».

На втором месте для боярина — почет. О нем позаботился отец Федора Никитича, Никита Романович, который был боярин свойственный, то есть состоявший в родстве (свойстве) с царем и царицей. Даже после внезапной смерти Анастасии он не потерял расположения государя и в 1584 г., согласно последней воле Ивана Грозного, возглавил опекунский совет из пяти персон, назначенный для присмотра над слабоумным наследником царевичем Федором. Царев шурином Борис Годунов в этом совете скромно сидел на четвертом месте, но опытный Никита Романович, прозревая будущее, перед своей кончиной именно ему поручил заботу о своих детях.

Борис Годунов, став всемогущим распорядителем при царе Федоре Ивановиче, поначалу держал слово. Всем семи братьям Романовым были оказаны милости, особенно старшему Федору Никитичу, занявшему опустевшее место главы рода. Несмотря на свою молодость (на момент смерти отца, в 1586 г., ему было около 32 лет), он стремительно продвигался по чиновной лестнице. Разрядные книги отмечают его в 1589 г. на десятом месте среди виднейших бояр, в следующем, 1590 г., — на шестом, а к концу царствования последнего Рюрика Федор Никитич Романов уже имел чин главного дворового воеводы (главнокомандующего). Он исправлял, не выезжая из Москвы, должность наместника псковского и считался одним из трех руководителей государевой Ближней Думы. Впрочем, ни особых воинских подвигов, ни великих государственных дел за ним не числилось.

В эти годы Федору Никитичу вполне открылась и третья статья счастливой боярской жизни — изобильное благополучие. У него было все, что только могло поразить воображение тогдашнего москвича: богатый дом, всегда открытый для гостей, пышный выезд, толпа верных холопов, всюду его сопровождавших, лучшие охотничьи собаки и ловчие птицы. Статный красавец, он умел так ловко носить московские и польские кафтаны последнего покроя, что между портными вошло в обычай говорить заказчику, примеривая на нем платье:

«Ты теперь вылитый Федор Никитич!» В 1593 г. его «золотный» наряд (роскошное одеяние из золотой парчи) произвел неизгладимое впечатление на посла императора Рудольфа.

Словом, на Москве Федор Никитич слыл добрым, ласковым и щедрым боярином. Женился он на Ксении Ивановне Шестовой — девице из небогатого, но древнего рода. У них было пятеро сыновей и дочь, из которых отца пережил лишь один Михаил Федорович.

И все было бы славно и хорошо, если бы за масленицей не следовал с неизбежностью Великий пост.

* * *

В 1598 г. умер бездетный царь Федор Иванович. В своем духовном завещании он отказал державу трем лицам — «святейшему Иову патриарху... да брату своему Федору Никитичу Романову, да шурину своему... Борису Федоровичу Годунову».

Федор Никитич, не имевший опыта политических интриг, не посмел коснуться шапки Мономаха, и Годунов поспешно возложил ее на свою голову. Сразу же после воцарения его отношение к Романовым резко изменилось. От царского престола на Федора Никитича пахнуло холодным ветром. При новой разрядной росписи он не только не удостоился первого воеводства ни в одном полку, но был помещен последним в списке бояр.

Со стороны могло показаться, что старший Романов перенес оскорбление смиренно. Он послушно занял отведенное ему место при новом дворе. Но то была всего лишь видимость кротости. Беспечный щеголь умер, родился политик.

Вокруг Романовых постепенно сплотились боярские роды, недовольные «безродным татаринном» на троне. В этом кружке и была высижена мысль о самозванце как эффективном орудии борьбы против Годунова.

На эту роль была выбрана забубенная голова — Юшка (Григорий) Богданов сын Отрепьев, в прошлом холоп на дворе у Михаила Романова, брата Федора Никитича. Замешанный в каком-то тяжелом преступлении, за которое ему грозило суровое наказание, он бежал из Москвы и постригся в монахи в глухом монастыре в Ярославской области. И вдруг невидимая рука извлекла его из ярославских лесов и вновь привела в столицу — и не куда-нибудь, а на патриарший двор, где его назначили переписчиком. Зачем это было сделано, догадаться нетрудно. По обязанности службы Отрепьев

должен был ознакомиться в архивах с материалами угличского следственного дела 1591 г. о смерти царевича Дмитрия, и должность патриаршего секретаря обеспечивала доступ к этим важным документам. Одновременно заговорщики начали распространять слухи о том, что царь Борис виновен во множестве злодеяний, — в частности, он якобы подослал убийц к царевичу Дмитрию и приказал задушить царя Федора.

Механизм Смуты был запущен. Но Романовы и их сообщники не успели использовать свое тайное орудие, Борис опередил их.

За неимением прямых улик весной 1601 г. на Романовых было сострепано дело о том, что они хотят «достать царство», отравив Бориса. Сейчас же на дворе у Александра Никитича Романова, по навету его казначея, были обнаружены мешки с «отравным зельем», которого хватило бы на то, чтобы отравить пол-Москвы. Романовых немедленно взяли под стражу. Арестованных, а также их дворню пытали, но добиться признания ни от кого не смогли. Поэтому обошлось без казней. Федора Никитича постригли в монахи под именем Филарета в далеком Антониево-Сийском монастыре. Его жену вместе с детьми, среди которых находился малолетний Михаил — будущий основатель династии, сослали в Пермскую волость. Прочих братьев рассеяли по отдаленным городам. Из шести арестованных братьев Романовых выжили только двое: Филарет и Иван, остальные умерли в ссылке.

Казалось, жизнь — привычная жизнь — кончилась навсегда. В смертельной тоске новоиспеченный монах горевал о своей семье, с которой уже не чаял увидеться: «Беда моя — жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце колет».

И вдруг весной 1605 г. его настроение резко переменилось, он словно ожил. Монахи Сийского монастыря, Иринарх и Леонид, приставленные следить за Филаретом, донесли Годунову о странном поведении узника, который живет-де не по монастырскому чину, даже в Великий пост не исповедовался, в храме не бывал, а всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское жительство, про ловчих птиц и собак да как он в миру жил, на старцев же лает и бить их посохом хочет, и говорит им: «Увидите, каков я впредь буду!»

Беспричинное с виду веселье Филарета на самом деле имело вескую причину: это было время, когда названный Дмитрий уже шел на Москву, одерживая победу за победой над царскими войсками. Дело шло к свержению Годунова. И вот, слыша о появлении

победоносного царевича, что должен был подумать Филарет? Он решил, что мина, заложенная им пять лет назад под Борисов трон, взорвалась!

Велико же было его изумление, когда, приехав в Москву из своей северной ссылки, он увидел, что вместо Григория Отрепьева на царский престол сел кто-то другой [1]. Сам он называл себя сыном Грозного и утверждал, что в Угличе зарезали подставного младенца, а его — истинного царевича — скрыли от подосланных Годуновым убийц и спасли. Растерянный Филарет вновь ушел в тень. Его страстное желание сбросить насильно навязанный монашеский клобук и вернуться в мир не исполнилось. По некоторым сведениям, в начале 1606 г. он был соборным старцем в Троице-Сергиевом монастыре.

* * *

Недолгое правление названного Дмитрия закончилось в мае 1606 г. Новый царь Василий Шуйский, не пользовавшийся доверием народа, попытался опереться на авторитет Церкви. При нем самые видные церковные посты заняли люди, не запятнавшие себя сделками с прежней властью. Ставленник названного Дмитрия патриарх Игнатий был низложен, и на его место избран Казанский митрополит Гермоген — ярый противник «латинства». Филарет был поставлен в ростовские митрополиты, несмотря на то, что он «божественное писание разумел отчасти». Это было высокое назначение. В росписи церковных владык ростовский архиерей занимал третью степень после митрополитов Новгородского и Казанского.

Этот новый излом его судьбы показал, что Филарет окончательно отказался от мысли вернуться к мирской жизни. Оставаясь по сути светским политиком, он связал свой удел с могучей силой, которой предстояло стать последней опорой разваливавшейся русской государственности — Православной Церковью. Отныне он держит себя с достоинством государственного мужа.

Между тем испытания его отнюдь не закончились. 11 октября 1608 г. поляки Сапеги и казаки врываются в Ростов, грабят город, а захваченного в плен митрополита «с бесчестьем» везут в Тушинский лагерь под Москвой. Здесь, однако, Филарета ждут неожиданные почести. Тушинский вор, разыгрывающий роль царевича Дмитрия, — родственника Романовых, — объявляет ростовского митрополита Патриархом Московским и всея Руси.

Филарет подчинился обстоятельствам, но вел себя осторожно, «не склоняясь ни направо, ни

налево», по словам келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Он не столько служил Вору, сколько духовно окормлял православную паству Тушинского лагеря. При случае всегда подчеркивал условность своей патриаршей власти. Единственная его грамота, сохранившаяся от того времени, начиналась словами: «Благословение великого господина преосвященного Филарета, митрополита ростовского и ярославского, нареченного Патриарха Московского и всея Руси».

Не случайно законный Патриарх Гермоген, непреклонный по отношению к изменникам, никогда не ругал тушинского «антипатриарха». Так, в феврале 1609 г. он пишет обличительную грамоту тушинцам, где между прочим говорится: «а которые взяты в плен, как Филарет Митрополит и прочие, не своею волею, а силою, и на христианский закон не посягают, крови православных братий своих не проливают; таких мы не порицаем, но молим о них Бога».

После свержения Шуйского оба Патриарха оказались рядом, в одном стане с теми, кто готов был пролить свою кровь для прекращения Смуты. Лояльность Филарета была вознаграждена. Во время споров в Боярской думе о кандидатуре нового государя из уст патриарха Гермогена впервые прозвучало имя Михаила Федоровича Романова: «а на Московское государство выбрать нам государя всю землю, собравшись со всеми городами, которого нам государя Бог подаст».

С этого дня Филарет превратился в «крепкий адамант» (алмаз), по выражению летописи, призывая русских людей всем вместе «стати против... злодеев». Впереди его ждали еще твердое «стояние в правде» на переговорах с Сигизмундом III под Смоленском, восьмилетний польский плен и триумфальное возвращение в Москву для того, чтобы занять пустовавший патриарший престол с титулом «Великого государя» и стать фактическим правителем государства (1619). Судьба, так долго водившая Филарета возле московского трона, наконец позволила ему присесть на его краешек. Теперь ему предстояло избывать последствия Смуты, которую когда-то он сам и накликал на Русскую землю.

Литература

1. Цветков С. Э. Дмитрий I, царь Московский: Беллетриз. биогр.; Марина Мнишек: Исторический очерк. — М.: Центрполиграф, 1999. — 472 с.

УДК 336.742:93/94(045)

Золото как элемент хозяйственной истории человечества: прошлое, настоящее и будущее

ВОСКРЕСЕНСКАЯ НИНА ОЛЕГОВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета.

E-mail: history.uf@yandex.ru

Аннотация. Золото – вечное олицетворение богатства и власти в мире людей, одним фактом своего присутствия на планете во многом предопределило ход мировой истории. Удивительная способность золота «отвечать всем вещам», измерять и отражать стоимость всех товаров обеспечили его статус как всеобщего эквивалента – денег. Его особые эстетические и технические характеристики обусловили устойчивый спрос на него в сфере художественного творчества и в промышленности. Золото всегда было и остается ценностью. В статье рассматриваются основные вехи «жизненного пути» золота на нашей планете, ведущие сферы его современного практического применения и некоторые возможные перспективы его дальнейшего использования в мировом хозяйстве.

Ключевые слова: Всемирный совет по золоту (ВСЗ); деньги; Золото; золотодобыча; золотой запас; золотой монометаллизм; инвестиции; ликвидность; медицина; Международный Валютный Фонд (МВФ); мировой рынок золота; новейшие отрасли промышленности; стабильность национальных экономик; Центральные банки; ювелирное производство.

Gold as an Element of the Economic History of Mankind: Past, Present and Future

NINA O. VOSKRESENSKAYA, Ph. D (History), Associate Professor, Department of Economic History and History of Economic Studies, Finance University.

E-mail: history.uf@yandex.ru

Abstract. Gold, an eternal symbol of wealth and power in the human world, largely determined the course of the world history just by the mere fact of its presence on our planet. The amazing power of gold «to answer all things,» to measure and reflect the value of all goods ensured its status as a universal equivalent – money. Its special aesthetic and technical characteristics caused sustainable demand for it in the field of art and industry. Gold has always been and remains a value. The main milestones «way of life» of gold on the planet, most important fields of its practical application and some possible prospects of its further use in the world economy are considered in the present article.

Keywords: Central Banks; global gold market; gold mining; gold monometallism; gold reserves; gold; International Monetary Fund (IMF); jewelry manufacturing; liquidity; medicine; money; investment; the newest branches of industry; the stability of national economies; World Gold Council (WGC).

«Золотыми пулями всегда попадают в цель».

У. Шекспир

Одно из самых защищенных и неприступных мест сейчас на Земле – военная база Форт-Нокс в США. Ее внешняя защита представлена рядами колючей проволоки под напряжени-

ем пять тысяч вольт, наблюдательными башнями, снабженными электронной системой слежения, и новейшим огнестрельным оружием, ежесекундно готовым к действию, круглосуточно барражирующими в воздухе вертолетами. Сам форт, гранитные стены которого укреплены мощным слоем

бетона, поделен на изолированные секторы; в случае необходимости они будут мгновенно затоплены или заполнены смертельным газом. В форт ведет дверь толщиной в один метр и весом в двадцать тонн; установленные на ней кодовые замки составляют государственную тайну. За этими неприступными стенами — хранилище значительной части золотого запаса США — золота в слитках и монетах¹. Очевидно, что выстроенная подобным образом система хранения драгоценного металла лучше, чем что бы то ни было, отражает истинное отношение к нему со стороны государства².

Значимость золота в истории человечества задана уникальным комплексом его природных свойств как благородного металла [2]: его сохранемостью (золото не подвластно ржавчине и окислению); легкостью в транспортировке и хранении; качественной однородностью (равные количества золота равноценны); делимостью (золото делится на сколь угодно количество частей и соединяется при плавке без потери стоимости).

Золото — единственный металл, которому природа подарила ярко желтый цвет; блеск, также присущий золоту изначально, многократно усиливается при его полировке. Способность золота «радовать» глаз человека безусловно сыграла важную роль в его «земной судьбе», сделав его незаменимым в сфере декоративно-прикладного искусства и в частной жизни людей. Известно, что на Земле нет ни одного народа, равнодушного к «солнечно-му металлу».

Уникальные естественные свойства золота сделали возможными и его уникальные экономические параметры, обеспечив его особое положение как элемента хозяйственной жизни: высокую ликвидность (ликвидность золота выше, чем ликвидность таких важных хозяйственных активов, как недвижимость [3; 4]); высокую портативность (большая стоимость при небольшом объеме и массе); способность быть воплощением абстрактного общественного и частного богатства; способность

¹ Крупнейшие (больше, чем в Форт-Ноксе) запасы золота — более 500 000 золотых слитков (25% мировых запасов) — находятся в хранилище Федерального резервного банка Нью-Йорка; большая часть сокровищ принадлежит иностранным правительствам.

² Самые современные системы безопасности используются и в Центральном хранилище Банка России, где аккумулировано две трети золотовалютных резервов РФ. Показательно, что площадь Центрального хранилища на улице Правды в Москве — 17 тысяч квадратных метров, а собственно площадь хранения — 1,5 тысячи квадратных метров. [1]

гарантировать сохранение капитала; способность служить мерилем и выражать истинную стоимость других товаров и услуг [5].

Золото — важнейший предмет международной торговли: и частные корпорации, и правительства практически всех стран выступают участниками мирового рынка золота: этот особый товар продается и покупается 24 часа в сутки по всему миру.

Закономерным образом на протяжении почти всей истории земной цивилизации золото выполняло функции важнейшего денежного и финансового инструмента, его добыча и сбережение рассматривались как дело государственной важности, а точные сведения о его количестве часто хранились в секрете. В настоящее время ведущую роль в информационном, консалтинговом и организационном обслуживании мирового золотого рынка играет Всемирный совет по золоту (ВСЗ, Всемирный золотой совет — World Gold Council) [6], созданный в 1967 г.; штаб-квартира ВСЗ находится в Лондоне.

Если влияние золота на эволюцию человечества огромно, то и его собственная история поистине удивительна.

Согласно современным научным исследованиям все золото на Земле имеет внеземное³ происхождение. В начале XXI в. были получены веские доказательства того, что атомы золота⁴ синтезируются в последние мгновения жизни сверхновых звезд. Краткость времени, отведенной природой на их создание, накладывает непреодолимые ограничения на суммарное количество золота и определяет его редкость не только в рамках Земли, но и в масштабах всей Вселенной. Выброшенные при взрыве звезды в далекий космос частицы золота вместе с другими созданными звездой элементами, существуя в виде гигантских пылегазовых облаков, служат строительным материалом для новых звезд и планет. Именно из такого облака 4,5 млрд лет назад сформировалась наша Земля. Однако того «первичного» звездного золота в земной коре давно нет: оно, как и все другие металлы, при формировании нашей планеты опустилось вниз и образовало ее металлическое ядро⁵, так что в течение

³ Попытки средневековых алхимиков получить золото в земных условиях были, таким образом, заведомо обречены на неудачу.

⁴ Это верно и в отношении серебра, платины, и всех других металлов тяжелее железа.

⁵ Специалисты полагают, что в земном ядре хранятся колоссальные запасы золота, которых хватило бы для покрытия земной поверхности слоем золота толщиной в 4–5 метров. [7]

последующих 200 млн лет земная мантия практически не содержала золота. Затем Земля неожиданно подверглась мощной звездной бомбардировке⁶, за время которой⁷ на нее просыпалось около 20 экса тонн! (20 000 000 000 000 000 000 — 1018 т) астероидного материала [9; 10], невероятно богатого золотом⁸: предполагают, что астероиды состояли в основном именно из этого благородного металла. Таким образом, все золото было доставлено на Землю из далекого космоса; это служит и объяснением того, почему золото почти всегда находится на небольших глубинах.

Если бы ни эта удивительная космическая случайность, вся история человечества — и технологическая, и экономическая, и культурная, и военная — пошла бы по другому пути развития: без золота у нас не было бы ни только золотых украшений, но и возможности развивать новейшие высокотехнологичные отрасли промышленности и медицины⁹.

Подавляющая часть космического золота рассеялась в мельчайшую пыль — золото обладает этой странной способностью — и в настоящее время входит в состав практически всех горных пород; содержится в океанической воде (один только золотой запас Мирового океана оценивается примерно в 25 млн т!); присутствует в тканях растений (их способность накапливать золото различна; чемпионом является болотный хвощ; несколько отстают от него осина и кукуруза) и в организме животных и людей. Ничтожные концентрации золота в природной среде делают 99% земного золота недоступным для его извлечения и произвольного использования человеком. Встроенное в общепланетарный и индивидуальный метаболизм Земли и ее обитателей, оно естественным и неизбежным образом влияет на все происходящие здесь процессы. Земля с полным на то основанием может называться золотой планетой!

⁶ Метеориты с золотом прибывают на Землю и сейчас. Ежегодно в атмосфере земли распыляется примерно 18 кг. золота, а за последний миллион лет в земной атмосфере было распылено около 18 тысяч тонн золота [8].

⁷ Исследователи предполагают, что этот период «тяжелой бомбардировки» длился сто миллионов лет.

⁸ «Золотая» бомбардировка добавила Земле 0,5% ее массы. Подсчитано, что в нашу планету должен был врезаться или один большой космический объект диаметром 2400–3200 км, или несколько не таких крупных объектов [11].

⁹ Большинство благородных металлов, на которых строится современная экономика и мировая промышленность, попали на Землю аналогичным образом.

Встречающееся в природе в самородном состоянии, яркое и привлекающее внимание человека, золото стало первым металлом, с которым познакомился человек. Начало золотодобычи было положено на Ближнем Востоке, там, где в бассейнах великих рек Древности возникли самые ранние цивилизации. Властители древних государств предпринимали активные попытки по накоплению золота, поставив его добычу на вполне промышленную основу¹⁰.

В Древнем Египте добыча золота была исключительным правом фараона — формального и фактического владельца всех рудников в стране. Надсмотр за горными работами и управление рудниками осуществлял государственный казначей, одна из ключевых фигур в системе государственного управления в Египте. Наиболее крупные золотые прииски Древнего мира располагались между Нилом и Красным морем, в Аравийско-Нубийской золотоносной провинции¹¹. Ежегодная добыча могла достигать до 50 т, и к I в. н.э. египтяне добыли около 6.000,0 т золота [2]. Из Египта золото перетекало в соседние страны; важную роль в этом процессе сыграли финикийцы, одна из ведущих торговых наций дохристианского мира.

В этот период золото становится мерилем стоимости и начинает выполнять функцию денег; в этом качестве оно используется не только в Египте, но и в Месопотамии, Китае, Индии. Родиной первых привычных нам по форме круглых золотых монет в конце VII в. до нашей эры явилась Лидия — небольшое государство в западной части Малой Азии. Вскоре круглые золотые монеты начали чеканить и в других странах Ближнего и Среднего Востока.

Вторым ведущим золотопроизводящим центром Древности был Пиренейский полуостров, из золотых рудников которого римляне с помощью эффективных инженерных приспособлений ежегодно извлекали десятки тонн драгоценного металла. Крупные масштабы золотодобычи дали Риму возможность создать большой государственный запас благородного металла, а также способствовали быстрому росту спроса на золотые изделия среди римской знати, что вполне отвечало

¹⁰ Египтяне раскаляли в огне скалы с золотоносными кварцевыми жилами, затем обливали их холодной водой. Растрескавшуюся в результате этих операций породу дробили, толкли в ступах, мололи и промывали.

¹¹ Уже в древности это богатейшее месторождение было полностью истощено.

склонности римского общества к роскоши [12, с. 153, 154, 201, 210, 218–220, 234, 277].

Всего к началу эпохи Средневековья человечество сумело добыть около 10.000,0 т золота. Раннее Средневековье, время общего упадка европейского ремесла, торговли, сельского хозяйства, культуры, стало для христианской Европы и временем упадка золотодобычи. Отцы церкви, осуждая стремление к личному обогащению, вели проповедь и против накопления золота. Добыча рудного золота почти прекратилась, прогрессивные технические приемы, применяемые в римскую эпоху, были забыты; лишь кое-где в руслах рек наиболее предприимчивые европейцы примитивным способом «мыли золото». Оживление в золотодобыче наметилось только в XIII в. В итоге за 1000 лет Средневековья — с VI по XVI в. человечеству удалось увеличить запасы благородного желтого металла не более чем на 2.500,0 т.

XVI век стал особым этапом в земной истории драгоценного желтого металла. Именно извечно присущая людям жажда золота (проповеди священников не смогли принципиально изменить истинное отношение к нему людей) двигала большинством участников Великих географических открытий. «Я делаю все возможное, — писал в своем дневнике Христофор Колумб, — чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото... Золото — это совершенство. Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершать все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай» [13, с. 93].

Поиски европейцев оказались успешны. Их результатом стало первое в истории масштабное перераспределение золота между странами и его территориальное перемещение, оживление хозяйственной жизни в странах Старого света, запуск и активизация в западноевропейских странах процесса первоначального накопления капитала. Важнейший центр золотодобычи в это время — небольшая британская колония в Тропической Африке, не случайно получившая название Золотой Берег (Gold Coast) [14].

В XVIII в. центр добычи золота сместился к Бразилии; Португалия, владевшая этой колонией, стала первой страной, официально перешедшей к золотому монометаллизму.

К этому же столетию относится и начало золотодобывающей промышленности в России¹²; ранее

¹² По разным данным первое русское золото было добыто или в 1745 г. на медном руднике в Олонецком крае., или в 1704 г. на Урале [2].

считалось, что своих золотых месторождений в стране нет: недра ее были совершенно не исследованы¹⁵. Количество добытого тогда русского золота было незначительно: около 830 кг¹⁴.

Всего с начала XVI в. и до конца XVIII в. человечество стало богаче на 4.900,0 т золота.

С первых десятилетий XIX в. среднегодовые объемы добычи золота постоянно увеличивались; в середине столетия золотые рудники только одной Западной Европы давали уже десятки тонн драгоценного металла в год¹⁵. Значительная часть его использовалась для изготовления монет, на которых, в соответствии с давними традициями, указывалось место, где оно было добыто: «Из золота Дуная», «Из золота Рейна».

В середине XIX века обнаружение богатых золотосодержащих россыпей в США и Колумбии привело к перемещению мирового центра добычи драгоценного металла на Американский континент. Страны Нового света уверенно догоняла Россия: в конце XIX в. в империи добывалось уже около 40,0 т золота в год, что обеспечило ей прочные позиции в элитном клубе стран-золотодобытчиков.

Всего за XIX столетие земляне добавили к общемировому золотому фонду еще примерно 40.000,0 т.

Успехи в золотодобыче позволили всем ведущим странам мира перейти к системе золотого стандарта: начало этому процессу в 1816 г. положила Англия, в 1895–1897 гг. к нему присоединилась Россия. Рубеж XIX–XX вв. недаром вошел в историю как «золотой век»: бумажные купюры в это время свободно обменивались на золото.

В XX столетии мировые тенденции по наращиванию объемов золотодобычи были продолжены. Лидерами выступали ЮАР, Канада, США; в этой группе сначала находилась и Россия, годовая добыча которой достигала 45–50,0 т. Однако вскоре ситуация в России принципиально изменилась: войны и революции начала века привели к резкому спаду в стране объемов добычи драгоценного металла, и в 1920 г. из недр страны извлекли всего 2,5 т золота. С 1930-х годов по личному решению

¹⁵ Однако известно, что в XVII–XVIII вв. на Урале и Алтае местные охотники делали из золотых самородков пули для охоты; само название Алтай происходит от тюркско-монгольского «алтан» — «золото».

¹⁴ По другим данным за весь XVIII в. в России было добыто около 5 т золота [2].

¹⁵ Сейчас золотые россыпи в долинах европейских рек практически полностью исчерпаны.

Сталина отечественная золотодобывающая промышленность фактически начинает создаваться заново. И менее чем за десять лет СССР, используя в основном принудительный труд заключенных, обогнав США и Канаду, выходит на второе место в мире после Южной Африки, годовая добыча которой в это время колебалась на уровне 400,0 т.

К периоду между мировыми войнами относится второе в истории глобальное перераспределение золота: большое количество драгоценного металла перешло к странам-победительницам, казна же стран, проигравших Первую мировую войну, была почти полностью опустошена.

Межвоенные десятилетия вместили в себя еще один важнейший факт современной истории золота, существенно изменивший его роль в хозяйственной жизни человечества. В результате мирового экономического кризиса — Великой депрессии 1929–1933 гг. была существенно поколеблена и в большинстве стран отменена система золотого стандарта. Девальвация фунта (1931) и доллара (1934) неизбежно означала и повышение цен на золото на мировом рынке.

Последующая затем Вторая мировая война не только вызвала резкое сокращение золотодобычи в большинстве¹⁶ основных золотодобывающих стран, но и окончательно изменило его прежний статус как ведущего монетарного материала: по условиям знаменитого Бреттон-Вудского соглашения (1944) учреждалась новая международная валютная система — золотодевизный стандарт. Теперь мировой резервной валютой становился доллар — единственная валюта, стоимость которой напрямую была привязана к стоимости золота.

Важным фактом «золотой биографии» этого времени становится третье в истории человечества «планетарное» перераспределение золота по итогам Второй мировой войны в пользу стран-победительниц. Как следствие, примерно половина планетарных золотых запасов сосредоточилась в одной стране мира — США. По условиям Бреттон-Вудского соглашения Казначейство США было обязано в любой момент по требованию других стран обменять имеющуюся у них долларовую наличность на золото; среди стран, успевших воспользоваться этим правом, были Франция и Испания.

¹⁶ В СССР же золото продолжали добывать и в годы войны, и после нее. В первой половине 50-х годов советские золотодобытчики ежегодно выдавали на-гора порядка 100 т драгоценного металла [15].

Однако уже в 1971 г. США ввели запрет на подобные операции; в 1976 г. по решению Международного валютного фонда демонетизация золота была закреплена; золото официально перестало служить монетарным металлом, и золотые монеты более не совершали обращения ни в одной стране мира. Отныне и по сей день его главные экономические функции — служить гарантом национальной экономической безопасности: быть страховым фондом для приобретения резервных валют, накапливаемых центральным банком страны для международных платежей и расчетов [16, с. 1005] и служить высоколиквидным инвестиционным товаром. В послевоенном мире, несмотря на наращивание объемов золотодобычи, разрыв между количеством наличного золота и выпущенной в обращение денежной массой продолжал увеличиваться, в результате мир окончательно¹⁷ отошел от идеи золотого стандарта.

Сколько же всего золота смогло добыть человечество за все время своего существования? Эксперты оценивают эту величину примерно в 160.000,0 тонн, основная масса металла (110–120.000,0 т) была добыта за последние 200 лет, из них 80.000,0 т — заслуга прошлого столетия [17]. Половину всего земного золота дали шахты ЮАР; десятая часть была добыта в России. Другие крупнейшие продуценты золота [18] — США, Канада, Австралия, Колумбия, Зимбабве, Гана, Мексика, Бразилия, Филиппины, Заир, Перу, Чили, Китай.

Золото распределено по планете крайне неравномерно и встречается лишь в отдельных местах земного шара [19]. Золото — один из самых редких элементов: в земной коре его в 15 раз меньше серебра и в десятки тысяч раз меньше меди, цинка, свинца; каждый час в мире отливаются стали больше, чем было добыто золота за всю историю человечества.

Редкость золота наряду с усилением на него спроса — факторы его высокой стоимости. Показательно, что в 1969–2009 гг. американский рынок акций вырос лишь в 12 раз, нефть — в 25 раз, а золото — в 35 раз. За первое десятилетие XXI в. цена на золото увеличивалась с 300 до почти 2000 долл. за унцию: рост стоимости актива составил 440%, такого прироста стоимости за этот период не дал ни один другой актив. Анализ этих тенденций

¹⁷ Исключение составляют «крайние либералы», продолжающие настаивать на необходимости и целесообразности возврата к золотому стандарту.

привел многих аналитиков к выводу о том, что за последние 40 лет золото было самым лучшим объектом для инвестиций [20].

Динамика цен на золото является важнейшим индикатором состояния мировой экономики. Общая закономерность такова: времена экономической нестабильности с неизбежностью влекут за собой рост цен на золото, а оптимистические ожидания роста экономики заставляют котировки золота снижаться [21].

Поведение цены на золото на мировом рынке определяется не только общим состоянием мировой экономики, темпами развития инфляционных процессов, устойчивостью доллара как международной валюты и спекулятивными ожиданиями, но и объемами его потребления как товара для различных отраслей промышленности.

Цены на золото имеют стратегическое значение для стран, где оно составляет существенную часть экспорта: так, для Мали — эта величина составляет примерно 60%, Киргизии — 45%, Танзании — 44%, Папуа-Новой Гвинее — 36%, Гане — 32%. Экспорт золота дает средства для развития народного хозяйства в целом; добыча золота стимулирует развитие внутренней инфраструктуры, в том числе строительство автомобильных и железных дорог, систем производства электроэнергии [22, с. 78].

Важная особенность функционирования золота как элемента хозяйственной жизни состоит в том, что все золото имеет хозяев. Основными централизованными хозяевами золота в современном мире являются государства. В основе их внимательного отношения к золоту лежит де-факто признание того, что золотой запас — существенный фактор их мощи, важнейшее средство обеспечения устойчивости национальной валюты, способное в определенной степени гарантировать стабильность национальной экономики в целом.

Одним из практических следствий этого стала целенаправленная политика государств по формированию национальных золотых запасов как части золотовалютных резервов [16, с. 426–427]. Показатели величины динамики национального золотого запаса экономисты и финансисты используют для оценки степени экономической устойчивости страны. Неудивительно, что в настоящее время нет ни одной развитой страны, которая обходилась бы без собственного золотого запаса. Основную часть мирового золотого запаса контролируют самые крупные экономики мира, и контроль над

золотом напрямую скоррелирован с силой их влияния в мировом экономическом сообществе.

В официальных хранилищах государств осела примерно треть золота, добытого за всю историю человечества [18]. Общая сумма учтенных государственных запасов золота, сосредоточенных в центральных банках и резервах МВФ в целом по всем странам мира на февраль 2013 г. по данным Всемирного совета по золоту (ВСЗ) составляет 31,597.6 т [21].

Абсолютный лидер в мире по объему золотого запаса — США (золотой запас составляет 8,133.5 т), далее идут Германия (3,391.3 т), Италия (2,451.8 т), Франция (2,435.4 т), Швейцария (1,040.1 т); Нидерланды (1,352 т). В Юго-Восточной Азии лидерами по объему золотого запаса являются Китай, (1,054.1 т), Япония (765.2 т), Индия (557.7 т). Золотой запас России составляет 957.8 т, что обеспечивает ей прочные позиции в группе стран — лидеров по этому показателю. Владельцами 300–500 т драгоценного металла являются 6 стран; 100–300 т золота принадлежит 16 странам мира; 10 стран — хозяева 50–100 т золота; в 21 стране мира национальный золотой запас варьируется от 10 до 50 т; золотые запасы еще 34 стран не превышают 10 т; некоторым странам мира вообще не удалось сформировать свои золотые резервы; наконец, ряд стран предпочитают не давать никакой информации об имеющихся у них золотых запасах.

Кроме абсолютной величины золотого запаса, позволяющей судить о том, на какой ступени в мировом экономическом «табеле о рангах» находится конкретная страна, важна также динамика государственного золотого запаса: статистика по его наращиванию или сокращению содержит ценную информацию о характере тенденций в развитии национального хозяйства. Показательно, что практически во всех¹⁸ западноевропейских странах колебания объема золотого резерва за последние 50 лет были крайне незначительны; крупнейшие экономики Востока — Китай и Япония активно наращивали его объем; драматическая история золотого запаса России заслуживает отдельного рассмотрения¹⁹.

¹⁸ За исключением Германии, которая сумела увеличить свой золотой запас с 24,5 т в 1945 г. до отметки 3391,3 т в 2013 г.

¹⁹ Отметим лишь, что величина золотого запаса нашей страны напрямую скоррелирована с событиями ее социально-экономической и политической истории. Так, по золотому запасу в начале XX в. дореволюционная Россия занимала четвертое место в мире после США, Франции и Великобритании. В 1915 г.

В целом спрос на золото со стороны официального сектора продолжает уверенно расти. Так, центробанки различных стран мира в 2012 г. суммарно увеличили чистый объем покупок золота на 17,3% по сравнению с 2011 г.

Вторая группа хозяев золота — частные лица: значительная часть мирового золота хранится ими в качестве резерва личного благосостояния [18]. Хотя точное количество хранящего у частных лиц драгоценного металла достоверно неизвестно, предполагается, что оно может превышать государственные запасы [21].

Частное золото распределено между жителями Земли крайне неравномерно. Эта неравномерность неслучайна и отражает как особенности историко-экономического развития конкретной страны и текущее состояние ее народного хозяйства, так и вкусовые и художественные предпочтения населения этих стран, специфику их национальной психологии. Огромная часть мирового «частного золота» приходится на США, Германию, Францию, Италию, Швейцарию, Индию, Китай [23].

Частное золото существует в виде монет и медалей, слитков, ювелирных изделий. Золотые монеты и медали — одно из самых популярных средств для сохранения сбережений. В мире ежегодно на их чеканку расходуется около 200.0 т золота; лидерами здесь выступают ЮАР, Австрия, Италия, Испания, Турция, Иран, Саудовская Аравия, Япония, Канада, Мексика [2]. Значительно меньшее число людей прибегает к хранению золота в виде слитков; сами размеры слитков могут быть различными — от нескольких десятков граммов до 12–13 кг.

Самым распространенным вариантом индивидуального тезаврирования является накопление золота в виде драгоценностей и предметов домашнего обихода. Именно на эти нужды традиционно уходит основная часть добываемого золота. Уникальные природные свойства «солнечного металла», мягкого, пластичного, легкого в обработке и полировке, сделали его самым востребованным материалом у ювелиров²⁰.

в казне России хранилось 1,337.9 т золота. Максимальная величина российского золотого запаса — 2,049.8 т отмечена в 1953 г. минимальная — в 1992 г. — 210.0 т. С 1999 г. объемы национальной золотодобычи и, как следствие, величина золотого запаса страны стали расти.

²⁰ Золото — химически инертное вещество, оно никогда не вызывает раздражения кожи. Если ювелирное изделие из золота вызвало аллергическую реакцию, значит, в сплав добавлен другой металл.

Примерно половина мирового золота существует в виде ювелирных изделий, на них расходуется более 70–80% всего продаваемого золота [24]. Ювелирная промышленность потребляет в год золота больше, чем его добывается: около 2,500.0–3,000.0 т.

Ювелирное производство золотых изделий с древности до современности прошло огромный путь: значительно расширился их ассортимент, продвинулась вперед техника изготовления и даже сама цветовая гамма их существенно расширена; в настоящее время ювелиры научились получать золото различных цветовых оттенков — белое, бежевое, розовое или красное, оливковое, зеленоватое и темно-зеленое, голубое и даже фиолетовое. Добавление к золоту платины придаст золоту белый цвет; добавление к золоту не более 30% серебра придаст сплаву светло-желтый оттенок; цинк сделает сплав зеленоватым, никель — бледно-желтым; палладий — белым с едва заметным телесно-бежевым оттенком. Розовое (красное) золото получается, если к золоту добавляется до 15% меди, большое количество меди дает «коричневое золото». Получение черного золота возможно путем сплавления золота, кобальта и хрома в пропорции 75–15–10%. «Аметистовое» золото пурпурно-фиолетового оттенка даст сплав 78,5% золота с алюминием. Золото оливкового и фиолетового цветов можно получить, сплавив драгоценный желтый металл с калием. Темно-зеленое золото получают путем добавления к сплаву рубидия. Индий придаст сплаву голубой оттенок.

Крупнейшие потребители золота в виде ювелирных изделий — население США, Италии, Португалии, Индии, Пакистана, Индонезии, Малайзии, Китая, Южной Кореи, Египта, Турции, Арабских Эмиратов, Израиля, Кувейта, Саудовской Аравии.

В целом развивающиеся страны потребляют более 60% золотых ювелирных изделий, промышленно развитые страны — около трети; более 70% от уровня мирового потребления ювелирного золота приходится на страны Азии и Среднего Востока.

Золото, являясь важнейшим элементом мировой и «индивидуальной» денежно-финансовой системы, имеет также много других, не менее важных, сфер применения.

Без золота не может развиваться современная медицина: неудивительно, что эта сфера поглощает почти 20% добываемого драгоценного металла. Бактерицидные свойства золота позволяют использовать его как эффективное противовоспалительное

средство; для лечения туберкулеза, ревматоидного артрита, волчанки, проказы; радиоактивное золото применяется в радиотерапии для диагностики и лечения злокачественных опухолей, препараты золота включены в состав растворов, необходимых для исследования внутренних органов. Активными потребителями золота являются и такие отрасли медицины, как стоматология и косметология.

Несмотря на то что золото — металл, оно съедобно [25]. В некоторых странах его добавляют к фруктам, желейным десертам, чаю, кофе, крепким спиртным напиткам.

Другие физические свойства золота определяют стабильно высокий спрос на него в ряде важных традиционных отраслей народного хозяйства. Большинство народов и сейчас практикуют разнообразные исторически сложившиеся формы промышленно-бытового использования драгоценного металла: изготовление тканей с золотыми нитями, золочение одежной фурнитуры, золочение посуды и различных предметов домашнего обихода. Тонколистовое (сусальное) золото нашло широкое применение в архитектуре, в декорировании интерьеров дворцов и храмов.

Без золота невозможно и развитие многих наукоемких отраслей промышленности. Золото, обладающее невероятной способностью быть вытянутым в тончайшую нить диаметром 2×10^{-6} мм и позволяющее, таким образом, создавать электрические цепи в чипах очень маленьких размеров, незаменимо в микроэлектронике. Не может обойтись без золота и электротехника: здесь оно требуется для выпуска химически стойкой аппаратуры, способной противостоять различным воздействиям агрессивных химических веществ. Без использования мягких сплавов золота немислим прогресс в технике сверхвысокого вакуума. Без золота будут невозможны также и космические исследования: оно востребовано для изготовления деталей и реактивных двигателей, тепло и светоотражающих покрытий космических аппаратов; обеспечивает эффективное терморегулирование наружной обшивки спутников; используется в защитных шлемах космонавтов; в качестве материала для покрытия зеркал, работающих в дальнем инфракрасном диапазоне. Без золота не могут быть проведены и ядерные исследования.

В целом вся промышленность поглощает около 10% суммарного количества золота, добытого из недр Земли в исторически обозримый период [18]. Из этого объема более 50% приходится на

электронную промышленность. Среди государств, лидирующих в использовании золота в высокотехнологических целях, — Япония, США и Германия. Золото, таким образом, выступает как определенный индикатор уровня развития в стране высоких технологий, прежде всего в новейших отраслях промышленности: электронной, электротехнической, космической, приборостроительной.

Каковы же дальнейшие перспективы использования золота на Земле? Насколько востребованным будет оно в будущем? Как на макро- и микро- уровнях следует строить свою политику по отношению к этому драгоценному металлу?

Оснований ожидать, что в обозримом будущем значение золота в жизни людей изменится принципиально, нет; вероятнее всего, заложенные в истории «золотые» тенденции будут продолжены. Это означает, что мир вряд ли сможет когда-либо вернуться к золотому монометаллизму — скорее всего, этот этап финансовой истории человечества безвозвратно пройден²¹.

Основное назначение золота в денежно-финансовой сфере будет заключаться прежде всего в том, чтобы служить гарантом национальной экономической безопасности. Это обстоятельство обусловит максимальное внимание государств к своим золотым запасам. Следовательно, в перспективе центробанки и государственные инвестфонды продолжат активно покупать золото в качестве инструмента, способного защитить от обесценения национальные бумажные валюты [26] — и это можно и следует считать правильной финансовой стратегией.

Большая часть мирового золота будет, как и раньше, контролироваться самыми крупными экономиками мира, и именно эти страны-лидеры сохранят позиции ведущих игроков на рынке золота в ближайшие десятилетия.

Как безусловно важную отметим ту историческую тенденцию, которая демонстрирует, что любые серьезные сдвиги в раскладе сил на мировой арене неизбежно приведут к новому перераспределению национальных золотых запасов.

Уже в ближайшем будущем очевидно расширится сфера технического применения золота, и спрос на него со стороны новейших отраслей промышленности будет только возрастать. Эта тенденция объективна в силу того, что без золота

²¹ Эксперты прогнозируют, впрочем, уже в ближайшем будущем отказ и от бумажных денег и переход к электронным.

прогресс в них абсолютно невозможен. Фактором, сдерживающим использование золота в промышленности, как и сейчас, выступит его высокая цена.

Одной из основных причин высоких цен на золото является редкость этого драгоценного металла — невозможности природного ресурса, запасы которого крайне ограничены и постепенно истощаются. Во всех известных месторождениях золота осталось меньше, чем уже добыто.

Общая масса еще не добытого золота оценивается профессионалами-геологами примерно в 45 тысяч т²². Если допустить, что в ближайшем будущем сохранятся существующие в настоящее время в мире темпы золотодобычи, среднегодовые объемы которой колеблются около цифры в 2.500 т [16, с. 426–427; 19], то последнее золото будет извлечено на свет еще до середины текущего столетия — через 25–35 лет²³.

Следовательно, и цены на золото в длительной перспективе будут только расти. Таким образом, ощутимые преимущества как в финансовой сфере, так и в целом в народном хозяйстве получают те страны, которые сумеют к этому времени создать значительные по объему национальные золотые резервы.

Литература

1. Путин первым из премьеров посетил Центральное хранилище Банка России // Риа-новости (24.01.2011) [Электронный ресурс] URL:
2. <http://ria.ru/economy/20110124/325697685.html#ixzz2PaX4J3Gr>. (дата обращения 12. 11. 2013).
3. Периодическая система элементов Менделеева — Золото // Мир химии [Электронный ресурс] URL:
4. <http://chemistry.narod.ru/tablici/Elementi/AU/AU.HTM> (дата обращения 12. 11. 2013).
5. Почему Золото? // Официальный сайт компании Emgoldex Ltd [Электронный ресурс] URL: <http://www.emgoldex.ru/pg/rus/left/why-gold.html> (дата обращения: 12. 11. 2013)
6. Интересные факты о золоте // Инвестиции в золото [Электронный ресурс] URL: http://signalrp.ru/novosti_zoloto/6-interesnoe-o-zolote.html (дата обращения: 12. 11. 2013).
7. Как используется золото? // Все о золоте [Электронный ресурс] <http://gold79.ru/istoriya-zolota/rol-zolota-v-sovremennoj-ekonomike/> (дата обращения 12. 11. 2013).
8. About the World Gold Council // World Gold Council. [Электронный ресурс] http://www.gold.org/about_us/who_we_are (дата обращения 12. 11. 2013).
9. Откуда на Земле золота и платина? Ответ: из космоса! // Необычный портал о необычных вещах [Электронный ресурс] URL:
10. <http://unnatural.ru/space-gold> (дата обращения: 12. 11. 2013).
11. Золото в природе [Электронный ресурс] URL: http://zolotoi.net/e1-%D0%B7%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE_-news-viewObject-5-47-3-0 (дата обращения: 12. 11. 2013).
12. Willbold M., Elliott T., Moorbath S. The tungsten isotopic composition of the Earth's mantle before the terminal bombardment // Nature — International weekly journal of science [Электронный ресурс] <http://www.nature.com/nature/journal/v477/n7363/full/nature10399.html> (дата обращения 12. 11. 2013).
13. *Осадча Р.* Золотой запас рухнул с неба // Ежедневная электронная газета Утро. ru [Электронный ресурс] <http://www.utro.ru/articles/2011/09/09/997601.shtml> (дата обращения 12. 11. 2013).
14. Золото в вопросах и ответах [Электронный ресурс] URL: <http://goldturtle.ru/stati/zoloto-v-voprosach-i-otvetach.html> (дата обращения 12. 11. 2013).
15. *Федорова Е. В.* Люди императорского Рима. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 366 с.
16. Всемирная история. Т. IV. — М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1958.
17. Золото // Библиотекарь.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.bibliotekar.ru/zoloto-2/4.htm> (дата обращения 12. 11. 2013).
18. *Осокина Е.* Золото Сталина. Где нашлись средства на индустриализацию? // Zolotonews.ru [Электронный ресурс] URL: <http://www.>

²² Учитываются только те месторождения, в которых добыча золота экономически оправдана и производится в промышленных масштабах. Есть и более оптимистичные оценки — 90 т, которые, впрочем, не могут принципиально изменить общую картину золотого рынка в будущем.

²³ По прогнозам экспертов, базирующихся на статистических данных Управления геологии и полезных ископаемых США, это должно произойти 2025–2030 годах, когда в мире будут добыты известные, но еще не добытые резервы золотодобывающих компаний (примерно 45.000 т). Все золото мира, сплавленное воедино, даст куб со стороной примерно 20 м. [27]

- zolotonews.ru/news/3085.htm (дата обращения: 12. 11. 2013).
19. БЭС. — М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.
 20. NASA объяснило присутствие золота и платины на Земле [Электронный ресурс] URL:
 21. www.membrana.ru/particle/907 (дата обращения 12. 11. 2013).
 22. Современные тенденции развития добычи и разведки золота в мире [Электронный ресурс] <http://www.fegi.ru/primorye/geology/gold1.htm> (дата обращения 12. 11. 2013).
 23. Золотые месторождения. Распределение золота на Земле // Все о золоте [Электронный ресурс] http://zoloto.net/glavnaya/dobycha_zolota/zoloty_e_mestorozhdeniya (дата обращения 12. 11. 2013).
 24. Почему золото всегда будет дорожать // Рамблер. Финансы (22. 11. 2013) [Электронный ресурс] URL: <http://finance.rambler.ru/news/economics/119002814.html> (дата обращения 12. 11. 2013).
 25. Особенности мирового рынка золота // Мировая экономика [Электронный ресурс] URL: <http://www.ereport.ru/articles/commod/gold.htm> (дата обращения 12. 11. 2013).
 26. Борисов С. М. Золото в современном мире. Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. — М.: Наука, 2006. — 247 с.
 27. Дудникова Е. Обзор мирового рынка золота. Анализ цен и прогнозы развития до 2012 года. [Электронный ресурс] URL: <http://forinsurer.com/public/10/02/19/4042> (дата обращения: 12. 11. 2013).
 28. Золото // Материал из Википедии — свободной энциклопедии [Электронный ресурс] URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%97%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D1%82%D0%BE> (дата обращения: 12. 11. 2013).
 29. Золото является пищевой добавкой с кодом E 175 [Электронный ресурс] URL:
 30. <http://www.factroom.ru/facts/284> (дата обращения: 12. 11. 2013).
 31. Аналитический обзор «ВТБ Капитала» // World Gold Council [Электронный ресурс] URL: <http://www.biztass.ru/news/id/55788> (дата обращения: 12. 11. 2013).
 32. Сколько золота в мире? [Электронный ресурс] URL: <http://gold.ru/articles/theory/skolko-zolota-v-mire.html> (дата обращения: 12. 11. 2013).

УДК 159.9:328.185(045)

Психологические аспекты феномена коррупции*

КАМНЕВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Финансового университета.

E-mail: ekamneva@yandex.ru

АННЕНКОВА НАТАЛИЯ ВИКТОРОВНА, кандидат психологических наук, доцент кафедры «Прикладная психология» Финансового университета.

E-mail: n_annenkova@mail.ru

Аннотация. В статье особое внимание уделено рассмотрению психологических аспектов феномена коррупции и описаны различные формы и причины ее проявления. В ходе исследований авторов выявлено толерантное отношение к коррупции, являющееся одним из важных условий устойчивости ее существования в России; отмечена деформация профессионального правосознания, позволяющая говорить о правовом инфантилизме и правовом нигилизме сотрудников ОВД.

Ключевые слова: коррупция; правовой инфантилизм; правовой нигилизм; преодоление коррупции; психологические аспекты коррупции; толерантное отношение к коррупции.

Psychological Aspects of the Phenomenon of Corruption

ELENA V. KAMNEVA, Ph. D. (Psychol.), Associate Professor, Department of Applied Psychology, Finance University.

E-mail: ekamneva@yandex.ru

NATALIA V. ANNENKOVA, Ph. D. (Psychol.), Associate Professor, Department of Applied Psychology, Finance University.

E-mail: n_annenkova@mail.ru

Abstract. In article the special attention is paid to consideration of psychological aspects of a phenomenon of corruption and various forms and the reasons of its manifestation are described. During researches of authors the tolerant relation to the corruption, being one of important stability conditions of its existence in Russia is revealed; deformation of the professional sense of justice, allowing to speak about legal infantilism and law nihilism of the staff of the Department of Internal Affairs is noted.

Keywords: corruption overcoming; corruption; law nihilism; legal infantilism; psychological aspects of corruption; tolerant relation to corruption.

По мнению многих современных исследователей, коррупция считается одним из важных факторов, препятствующих экономическому развитию. Американский экономист Джеффри Сакс, рассматривая причины неуспеха экономических реформ, отмечал, что коррупция становится угрозой для самого существования России.

Согласно опросу, проведенному в 2004–2006 годах экспертами Фонда ИНДЕМ и ОПОРЫ среди представителей малого бизнеса, среди основных проблем отмечаются: недоверие к государству; неэффективность государственного регулирования; беспрерывные трансформации правил и законов; коррупционные поборы; бремя налогов; теневая экономика; дорогие кредиты; контроль со стороны

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета 2013 г.

власти рынка недвижимости; неудовлетворительная работа правоохранительных органов и судов; участие в бизнесе власти [1].

Проведенный среди студентов опрос, посвященный тому, что, на их взгляд, в наибольшей степени препятствует развитию российской экономики, выявил сходные проблемы, причем на первом месте среди причин названы коррупционные поборы.

Коррупционная преступность является частью корыстной преступности, весьма распространенным видом преступности, особенно в государствах, где не сформировались демократические традиции и слабо развита экономика [2, с. 267].

Выделяют различные формы (проявления) коррупции: взяточничество, фаворитизм, протекционизм, лоббизм, nepотизм (кумовство), предоставление льготных кредитов, заказов, незаконное присвоение в личных целях общественных ресурсов, неправомерное распределение и перераспределение общественных ресурсов и фондов, неправомерные поддержка и финансирование политических структур, нелегитимная приватизация, употребление личных связей в целях получения доступа к общественным ресурсам — услугам, товарам, источникам доходов, привилегиям, оказание разного рода услуг родственникам, друзьям, знакомым (знаменитый русский «блат») и т. д.

Возможно, что именно российское «кормление» впервые стало проявлением того, что в настоящее время с экономической (рыночной) точки зрения коррупционную деятельность рассматривают в качестве бизнеса: должность, по мнению коррупционера, определяется как источник дохода.

Следует отметить, что по многим направлениям деятельности государства и общества коррупция прошла стадию узаконения и является привычным и обыденным явлением. Значительная часть граждан России, хотя и негативно относятся к коррупционным явлениям, тем не менее, считает вполне нормальными взаимные услуги, «блат», небольшие презенты и не относят их к неформальным коррупционным отношениям.

Особая проблема заключается в психологических последствиях коррупции — когда человек платит, он фактически легализует собственное неумение и неспособность самостоятельно находить выход из критических ситуаций. В результате государство получает невежественную молодежь с некачественными дипломами и отсутствием каких-либо компетенций.

В работах, затрагивающих проблемы коррупции, отмечаются негативные как социально-политические, так и экономические последствия. Традиционно коррупция рассматривается как экономическое или должностное преступление, в то время как психологическим аспектам данного феномена уделяется значительно меньше внимания.

Психологические аспекты феномена коррупции включают в себя следующие составляющие:

- 1) психология коррупционного поведения;
- 2) психология коррумпирующего поведения, то есть тех, кто дает взятки, и т. п.;
- 3) отношение общества к проблеме коррупции и к ее конкретным компонентам;
- 4) социально-психологические процессы, влияющие на коррупцию.

По мнению А. С. Кривченкова, коррупцию следует рассматривать как девиантное поведение публичных должностных лиц, которое вопреки интересам общества и других лиц проявляется в неправомерном использовании существующих у них полномочий, представляющих им возможности, а также иные общественные ресурсы, к которым они получили доступ в связи с достигнутым статусным положением, с расчетом получения выгоды в личных, узко групповых и/или корпоративных целях [2, с. 270–271].

Коррупционное поведение является разновидностью социального поведения, представляющее поступки и действия должностного лица, затрагивающие интересы отдельных лиц, социальных групп, общностей и в целом всего общества.

Согласно исследованиям коррупционное поведение не столько детерминируется внешними обстоятельствами, сколько зависит от внутренних детерминант: комплекса определенных качеств личности, ее установок, ценностных ориентаций и морально-нравственных норм регуляции поведения и т. п. [3]. Можно предположить наличие сформированного комплекса качеств, который позволяет охарактеризовать личность, как обладающую низкой антикоррупционной устойчивостью и склонную к коррупционному поведению. В частности, психологические исследования сотрудников органов внутренних дел, которые были осуждены за коррупцию, выявили, что осужденным присущи такие качества, как тенденция сужения круга общения, осмотрительность при установлении дружеских отношений, отсутствие жалости к жертвам коррупции и т. п. В психологическом профиле коррупционеров выявлены черты, присутствующие

в профиле бывших сотрудников правоохранительной системы, которые были осуждены за общеуголовные преступления [4].

Следует отметить, что в вышеописанных исследованиях выявлены взаимосвязь коррупции и склонности к агрессивному поведению, несмотря на то, что прямая агрессия в коррупционном поведении, обычно, не отмечается. Исходя из этого, исследователями выдвигается предположение, что среди главных факторов склонности к коррупционному поведению следует выделить скрытую агрессию, следовательно, высокий уровень агрессивности, во многом характеризующий социально-психологическую атмосферу современного российского общества, вносит значительный вклад и в высокий уровень его коррумпированности.

По результатам проведенного среди студентов высших учебных заведений исследования лишь 10% испытуемых считают, что закон нарушать нельзя. Положительное отношение к закону выявлено у 48% студентов, принявших участие в исследовании. Непоследовательным и противоречивым отношением к праву характеризуются остальные участники исследования. В то же время согласно представлениям 36% респондентов российское население негативно относится к закону. 8% респондентов характеризуются отрицательным отношением к должностным лицам, 32% имеют положительное отношение к представителям власти. Но в то же время в представлении 62% испытуемых люди негативно относятся к властным структурам.

Проведенное предварительное исследование среди студентов высших учебных заведений, целью которого было выявление установки к коррумпированному поведению, показало, что лишь 36% из 50 принявших участие в исследовании считают, что материальное вознаграждение должностного лица (взятка) недопустимо в любом случае. 64% респондентов придерживаются противоположного мнения, так 46% допускают возможность взятки как благодарность за услугу, 38% — для установления отношений, 34% — для предоставления льгот, 24% — для содействия в ускорении процесса решения проблемы, 16% — для получения услуги, 12% — для получения финансовой выгоды, 10% — для разрешения спорного вопроса в их пользу, 8% — для освобождения от ответственности.

Таким образом, отмечается деформация профессионального правосознания — состояние, при

котором формируются идеи, взгляды, представления, знания, переживания и эмоции, искажающие правовую действительность [5], то есть формируется правовой инфантилизм, проявляющийся в несформированности правового сознания, обусловленном недостаточностью правовых знаний, отсутствием четко определенных правовых установок и правовой нигилизм, являющийся психологической предпосылкой противоправного поведения, способный к быстрому изменению и адаптации к обстановке. Среди множества различных форм, сторон, граней проявления правового нигилизма наиболее ярким и очевидным является повсеместное массовое несоблюдение и неисполнение законов, когда граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации не сопоставляют свое поведение с требованиями законов, а стараются жить и действовать по «своим правилам» [6, с. 84–89].

Причины коррупционной преступности представляют собой комплекс явлений различной природы, многие из которых существуют с давних времен, превратившись в традиции и образ жизни.

Выделяют экономические, политические и организационные и психологические причины коррупционного поведения. Остановимся более подробно на психологических причинах. По мнению Ю. М. Антоняна, к ним относят:

- игровую мотивацию: среди мотивов коррупционного поведения личности не только корыстные мотивы, но и бессознательное стремление участвовать в острой, захватывающей игре;
- отчуждение личности от государственной власти, следствием которого человек привыкает считать, что без подкупа сделать ничего нельзя, а контроль власти невозможен;
- круговую поруку среди коррупционеров, любой из них помогает, или даже спасает другого, таким образом, поддерживая и защищая себя, при этом «другой» сохраняет и источник дохода, и собственную безопасность;
- многовековую историю мздоимства, благодаря которой коррупция стала традицией, вписавшейся в образ жизни;
- традиционность отсутствия солидарности населения с законами, запрещающими коррупцию;
- существование ряда должностей и профессий, ставших желанными лишь в силу того, что дают возможность поборов и мздоимства;
- низкий уровень правосознания населения;

- психологическую готовность к коррумпирующему поведению;
- феномен обоюдной вины дающего и берущего взятку: в связи с тем, что каждый знает, что и другой виноват, это снижает ответственность перед самим собой, исчезает чувство вины, так как имеется возможность переложения вины и на другого [2, с. 277–278].

Необходимо отметить, что в нашей отечественной культуре до чрезвычайности не определены границы между именно взяткой и тем, что считается благодарностью. Еще в советский период было принято предполагать, что оказание некоторых видов услуг связано с проявлением благодарности, и не в устной, а в товарно-денежной форме, несмотря на то, что эти услуги должны оказываться именно в связи с должностными обязанностями. И именно коррумпирующее поведение во многом создает возможность коррупционного поведения.

Подобное поведение не воспринимается у нас как коррумпирующее, а как выражающее только непосредственную человеческую благодарность, тем более что их получатель ничего взамен своих услуг не требует. При всем том аналогичные формы поведения полностью неприняемы в других культурах. Таким образом, коррупция в России — это немаловажный элемент образа жизни россиян [4].

Одним из важных условий устойчивого существования коррупции в России является толерантное отношение к ней со стороны общества, воспринимающего коррупцию как неотъемлемую часть жизни. Осознавая противоправность коррупции, народ, тем не менее, всем своим поведением поощряет ее.

В массовом сознании российского населения выделяют следующие особенности отношения к коррупции: толерантность, отношение к коррупции как повсеместному явлению, не заслуживающему серьезного осуждения, осуждаются лишь «запредельные размеры взяток», а также непоследовательность и противоречивость [4]. В массовом сознании россиян осуждаются не сами по себе акты коррупции, а лишь неимоверно большие суммы взяток, тем более, когда их размер «непропорционален» должностному положению коррупционеров.

Следует отметить, по мнению А. И. Журавлева, социально-психологическую особенность нашей культуры, которая во многом создает благоприятную среду для процветания коррупции и которая заключается в приоритетности неформальных

социальных отношений над формальными, «неуставных» над «уставными», являющихся характерными для современной России и для других обществ, которые не изжили элементы патриархальности [7, с. 100–115].

Результатом вышеназванного является одна из форм коррупции — элементарная взятка, представляющая обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется такими новыми видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и т. п. [4, с. 56–65]. В то же время подобные виды коррупции, в отличие от ее денежных форм, вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченное пространство.

Ставшая нормой аморальность провоцирует создание суррогатных нравственных норм во взаимоотношениях людей в органах управления и в бизнесе. Представления о честности, порядочности наполнились особым смыслом: при совершении противозаконных, коррупционных сделок человек считает аморальным, не порядочным поступком нарушение обещания, невыполнение условий (убить можно, но нельзя обмануть, предать).

Для России существует традиционное разделение законного и справедливого. У части населения существует понимание закона как нечто приходящего извне, навязанного государством, исполнение которого необязательно. В то же время справедливость существеннее, потому что это порождение общепринятой морали.

Следовательно, для борьбы с коррупцией недостаточно подъема экономики и укрепления контрольных органов, необходимо исследование «третьей стороны» коррупционных сделок, то есть «простого российского человека», норм и ценностей массового сознания, узаконивающих неформальное экономическое поведение.

Необходима массовая пропагандистская кампания по борьбе с коррупцией с широким вовлечением СМИ и других средств воздействия на массовое сознание, которая должна быть хорошо продуманной психологически. В этом плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой.

Эту кампанию следует направить не только на изменение отношения к коррупции как к таковой — выработку отношения к ней как к значительному, но преодолению злу, но и на трансформацию

надлежащих поведенческих практик и лежащих в их основе социальных стереотипов.

Важным направлением участия психологов в борьбе с коррупцией должен быть психологический мониторинг законов антикоррупционной направленности, что позволило бы не принимать «неработающие», а то и в принципе неисполнимые законы, которые вызывают недоверие населения к законам вообще.

Среди возможностей психологии в решении психологических проблем коррупции следует упомянуть также специальные психологические методы. В частности, применение опроса с использованием полиграфа, как и психологических тестов при решении задач кадровой политики, открывает определенные перспективы преодоления коррупции, которые несомненно нуждаются в проработке.

Литература

1. Бизнес вне коррупции: руководство к действию // Фонд ИНДЕМ [Электронный ресурс] URL: <http://www.anti-corr.ru/cipe/2007/2007indemopora.pdf> (дата обращения: 13. 11. 2013).
2. Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. — М.: Логос, 2004. — 448 с.
3. Ванновская О. В. Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. — 2009. — № 3–2. — С. 54–62.
4. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Знание. Понимание. Умение. — 2012. — № 2. — С. 56–65.
5. Ширванов А. А., Камнева Е. В. Профессиональная деформация личности как причина нарушений закона в уголовном судопроизводстве // Научный портал МВД России. — 2009. — № 3 (8). — С. 115–119.
6. Васильев В. Л. Юридическая психология. — 6-е изд., перераб. и доп. — СПб.: Питер, 2009. — 608 с.
7. Анненкова Н. В., Камнева Е. В. Специфика российского менталитета в период нестабильности // Научный вестник, МГИИТ. — 2011. — № 2 (10). — С. 100–115.

УДК 81(045)=161.1

Языковая личность: особенности устной речи российской интеллигенции

БАЛАНДИНА ЛОЛИТА АРКАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык» Финансового университета.
E-mail: rusyaz@fa.ru

ГАНИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета.
E-mail: eL.ganina2012@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности устной речи современной российской интеллигенции. Дается краткий обзор основных работ, в которых предпринята попытка описания речевого портрета российского интеллигента. Особое внимание уделяется речевому поведению интеллигентов на современном этапе (негативным явлениям и борьбе с ними).

Ключевые слова: жаргоны; заимствования; интеллигенция; лексические, морфологические, фонетические особенности речевого поведения; неточность словоупотребления; письменная речь; речевая культура; устная речь; языковая игра; языковая личность.

Linguistic Personality: Features of Speech of the Russian Intelligentsia

LOLITA A. BALANDINA, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, Financial University.
E-mail: rusyaz@fa.ru

ELENA V. GANINA, Associate Professor, Head of Department of Russian Language, Financial University.
E-mail: eL.ganina2012 @ yandex.ru.

Abstract. The article discusses the features of spoken language of modern Russian intelligentsia. A brief overview of the major works, which attempted the description of a speech portrait of Russian intellectuals is given. Particular attention is paid to speech behavior of intellectuals at the present stage (negative phenomena and combating same).

Keywords: borrowings; inaccuracy in word usage; intelligentsia; jargons; language game; lexical, morphological, phonetic features of verbal behavior; linguistic identity; speech culture; spoken word, written speech.

Язык — это история народа.
Язык — это путь цивилизации и культуры.

А. И. Куприн

Проблема языковой личности более двадцати лет находится в центре внимания исследователей. К изучению этого феномена обращаются лингвисты, психологи, философы, социологи, другие ученые. Языковая личность интеллигенции представляет большой научный интерес и, по словам Г. А. Будника, «может дать объективное представление об интеллигенции, ее месте и роли в истории России и мира» [1, с. 186].

Толковый словарь современного русского языка так определяет значение слова *интеллигенция* (от лат. *intelligens* «понимающий, мыслящий, разумный»): общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры.

Представляет интерес история появления этого слова в русском языке. Термин *интеллигенция* был введен П. Д. Боборыкиным. До 60-х годов XIX в. данное слово употреблялось в значении «разумность, сознание, деятельность рассудка». Существительное

разумность для перевода лат. *intelligentia* было предложено В. К. Тредьяковским еще в 30-х годах XVIII в.

Слово *интеллигенция* в значении, близком к современному, появилось и укрепилось в русском литературном языке в 60-е годы XIX столетия. В. И. Даль поместил его во втором издании своего «Толкового словаря», объясняя его значение таким образом: «... разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» [2, с. 46].

Слово *интеллигенция* неоднократно упоминается в работах В. В. Виноградова. Так, характеризуя развитие русского языка во второй половине XIX в., ученый пишет: «... в результате этого влияния научной и журнально-публицистической речи на общелитературный язык в нем сильно расширяется запас интернациональной лексики и терминологии. Например, получают право гражданства такие слова: агитировать, интеллигенция, интеллектуальный, консервативный, максимальный, минимальный, рационализировать, коммунизм, интернационал, культура, цивилизация, реальный, индивидуальный, радикал и мн. др.» [3, с. 59].

Сегодня понятию интеллигенция придают дополнительный смысл: воплощение высокой нравственности и морали.

К настоящему времени уже предприняты многие попытки описания речевого портрета интеллигенции как представителей разных социальных слоев языковых личностей [4,5], выявлена взаимосвязь между речевыми и профессиональными характеристиками.

Большой вклад в изучение феномена российской интеллигенции через исследование особенностей ее устной и письменной речи, безусловно, могут внести лингвисты.

Одним из первых в отечественном языкознании проблему изучения особенностей речи российской интеллигенции поднял Е. Д. Поливанов [6]. В 70–80-е годы XX в. значимые исследования в этой области велись под руководством Л. П. Крысина. В 2001 г. была опубликована одна из наиболее ярких статей ученого, в которой автор определяет особенности речи интеллигенции на различных языковых уровнях [7]: фонетическом и лексико-семантическом, — а также описывает специфические черты ее речевого поведения. В частности, Л. П. Крысин выделяет такие фонетические особенности речи представителей интеллигенции:

- 1) полумягкое [ж'] в словах типа *жюри*;
- 2) фрикативное [г] для экспрессивного выделения слова;

3) долгое мягкое [ш':] в словах типа [ш':] *астье*;

4) особый гласный звук [ы³]: ж [ы³] *ра*;

5) сохранение [о] в заимствованиях: в [о] *кал* и др.

К лексическим особенностям речи интеллигенции Л. П. Крысин относит:

1) употребление слов *волнительный, волнительно* преимущественно представителями гуманитарной интеллигенции;

2) использование книжного слова *отнюдь*: — «*Вы согласны с этим?*» — «*Отнюдь*»;

3) употребление целого ряда оценочных и модальных слов: *жаль* (но не *жалко*), *несомненно, весьма* и др.

По мнению ученого, для речи интеллигенции характерно неупотребление просторечных, жаргонных и диалектных слов. Особое внимание он обращает на тот факт, что интеллигенция избегает в речи нововведений средств массовой информации. Подобную осторожность Л. П. Крысин объясняет консерватизмом российской культурной речевой традиции.

А какими же особенностями обладает устная речь современного российского интеллигента?

Во-первых, необходимо назвать такие коммуникативные признаки, как развитость, большой словарный запас. Во-вторых, обилие цитат и аллюзий, а также запрет на использование вульгаризмов [8].

Яркой особенностью речевого поведения современных представителей интеллигенции является частое использование высказываний и имен, составляющих культурный фон нашего социума: *И ты, Брут..?*; *Он настоящий Плюшкин*; *Ты просто Ломоносов*; *Быть или не быть?*; *Сижу, никого не трогаю, починяю примус...* и многие другие.

Еще одна особенность речевого поведения интеллигентов — *языковая игра* — обыгрывание звукового состава слова и его намеренное искажение: *конкретно, мармолад, зряплата* (зарплата). Одним из самых известных видов языковой игры являются шутки, в основу которых положены искажение или распространение известных фразеологизмов и литературных цитат: *работать не прикладая рук*; *В этом деле он съел не одну собаку*; *Что-то я не в шутку занемог* и т. п.

Если говорить о других, лексических и морфологических, особенностях устной речи интеллигенции, то можно отметить следующее: употребление так называемой ситуативной лексики: *вещь, карусель, дело, пироги*:

— *Ох, как нравится мне эта вещь.*

Слово *вещь* в этой фразе может означать и пианино, и карандаш, и статую, и чемодан, и кинофильм,

и что угодно — предмет, явление, обстоятельство, изделие и т. п.;

2) широкое использование существительных, образованных по моделям «смыслового стяжения»: вечерняя газета — *вечерка*; подсобное помещение — *подсобка*; тушеное мясо — *тушенка*; сгущенное молоко — *сгущенка*; морозильная камера — *морозилка*.

Есть и другие виды семантических стяжений, например, когда прилагательное поглощает определяемое существительное и принимает на себя функцию всего словосочетания: Я на *больничном* (на больничном листе); Я по *зарубежной* все прочла (по зарубежной литературе); Здесь у нас часто ребята из *ремесленного* ходят (из ремесленного училища).

При этом нередко все словосочетание заменяется одним словом — существительным: *дипломная работа* — *диплом*, *вирусный грипп* — *вирус*, *декретный отпуск* — *декрет*.

К распространенному виду стяжения относится метонимия (гр. *metonymia* «переименование»; это перенос наименования с одного предмета на другой на основании их смежности), очень характерная для разговорной речи: *изделия из серебра* — *серебро*; *заседание в дирекции* — *дирекция*; *полное собрание сочинений Есенина* — *полный Есенин*;

3) широкое употребление так называемых слов-губок, которые словно «впитывают» в себя самые разнообразные смыслы. Например, возьмем слово *забегаловка*. Это учреждение, куда можно легко забежать. Таково общее значение данного слова. В конкретной же речи оно может означать и столовую, и кафе, и закусочную, и парикмахерскую, и кинотеатр и т. д. Например:

— У нас прекрасная *забегаловка* тут на углу была. *Жаль, закрыли* (речь идет о кинотеатре).

Говоря о фонетических особенностях речевого поведения современной интеллигенции, О. А. Ярошенко отмечает: «Отличительным признаком речевого поведения интеллигентов является их особая самопрезентация — модуляции голоса (тихий, спокойный, мягкий), интонация и тембр, а также четкая артикуляция и хорошая дикция» [9].

Ни для кого не секрет, что устная речь современного русского интеллигента сегодня, к сожалению, подвержена изменениям негативного характера. Одно из них — жаргонизация. Основной причиной этого стало изменение экономико-политической ситуации в России в 80–90-е годы: перестройка и криминализация отдельных слоев общества, рост культурных и экономических связей с Западом, снятие многих цензурных запретов, развитие массовой

поп-культуры и как следствие оживление жаргона в живой русской речи вообще и в речи интеллигенции в частности (в советскую эпоху находившегося под строгим запретом).

Первые сведения о русских жаргонах относят к началу XVII в. Они связаны с описанием повстанческого движения казаков на Дону и в Поволжье. Казаки из Московии, Татарии, Польши, Литвы и других государств употребляли особый язык — «*отверницу*» (или «*отвращённый*» язык). На этом языке изъяснялись мещане, портные, сапожники, мастеровые люди, «которые его выдумали и сплели, дабы посторонние их не разумели и они всем тем удобнее обкрадывать и мошенничать могли» [10, с. 582–583].

С XIX в. хорошо известен язык *офеней* — бродячих торговцев, продававших самый разный товар [10, с. 582]. Желая обмануть покупателя, а также нередко скрываясь от властей (в целях конспирации), офени использовали особый язык (*феня*); многие из таких слов ни о чем не говорят современному человеку: *лолица* (полиция), *шивар* (товар), *юсы* (деньги) и др.

В XIX в. жаргонные языки создавались не только в торговой среде, но и в различных социальных и профессиональных группах. «Свой», особый язык был у печников и жестянщиков, ямщиков и коновалов, стекольщиков и штукатуров. Однако такая «низкая» лексика никогда не использовалась людьми образованной части общества.

Отличие сегодняшнего жаргона — нелитературных форм начала X — XI в. заключается в том, что, во-первых, в большинстве случаев он не служит целям конспирации, шифровки с целью выжить. Во-вторых (и это самое грустное!) существует определенная мода на употребление жаргонов в элитных (в том числе интеллигентных) кругах, например: *баксы*, *штука*, *лимон*, *кинуть (обуть)*, *дать на лапу*, *драйв*, *тусовка*, *сольник*, *раскрутить*, *петь под фанеру*; *беспредел*, *замочить*, *разборки*, *врубаться*.

Подобные слова больше свойственны речи молодого и среднего поколения технической интеллигенции. В речи же гуманитарной интеллигенции, особенно старшего поколения, такая лексика почти не употребляется.

Жаргонизированный язык современников, конечно, не перекрывает общепотребительного словаря говорящих, но элементы различных лексико-семантических групп жаргонов, взаимодействуя между собой, исчезая и появляясь вновь, активно переходят в общеразговорную речь.

Одна из характерных примет нашего времени — чрезмерные, неоправданные заимствования.

Давайте вспомним, что в 80-е годы XX в. с развитием экономики нового типа в Россию пришло огромное количество иностранных слов, в основном англо-американского происхождения, в их числе были: экономические термины (*маркетинг, менеджмент, брокер, дилер, бартер*); политические (*рейтинг, импичмент, электорат, консенсус*); названия понятий из бытовой сферы (*сникерс, херши, кола, бермуды, гетры, лосины*); речевые формулы (*о'кей, ноу-проблем, вау! фифти-фифти*) и многие другие.

В эти же годы наблюдалось резко отрицательное, осуждающее отношение россиян к заимствованиям. «Американизация» русского языка вызывала гнев и возмущение интеллигенции. Лозунги за так называемую чистоту русского языка стремились поднять общественность на борьбу с иностранными словами. Вот что писали газеты: «Неужели вместо *масс-медиа* нельзя сказать *средства массовой информации*? *А спонсор, а ноу-хау?*.. Страшные вещи творятся! Мы все подвергаемся гипнотическому воздействию американского языка! Это наводнение! Оно грозит затопить наш русский словарь!» («Известия», 1985).

Прошло около тридцати лет, а мода на заимствования не уходит из нашей жизни. Общеупотребительными стали, например, такие слова, как *экс-клюдивный, прайс-лист, кастинг, бренд, сок-фрэш*; популярны названия наших магазинов: *шоп, бутик, литтл-бар, супермаркет, мини-маркет, кофе-хаус*; по-иностранному звучат также названия многих ТВ-программ: «Телемикс», «Шоу», «Аншлаг». Мы привыкаем к новым наименованиям видов спорта: *сноубординг, фристайл, паркур* и др. Проблема заимствований не решается однозначно. Убрать все иностранные слова из русского языка невозможно. В заимствованиях есть много и положительного. Но плохо, когда иностранные слова употребляют ради моды, как это нередко происходит в наше время. «Употреблять иностранное слово, когда есть равносильное ему русское слово, — значит оскорблять и здравый смысл, и здравый вкус» (В. Г. Белинский).

Одна из проблем речи современного интеллигента — неточность словоупотребления и грамматические ошибки, в частности:

- *я извиняюсь* (правильно: *извините*);
- *надо акцентировать внимание на то...* (правильно: *на том*);
- *обращать внимание о том* (правильно: *на то*);
- *более тысячи двести слушателей* (правильно: *более тысячи двухсот*);
- *в двух тысяч первом году* (правильно: *в две тысячи первом году*);

- *управление персонала* (правильно: *персоналом*).

Подобные ошибки разрушают имидж современной российской интеллигенции, свидетельствуют о недостаточной речевой культуре говорящего или небрежном отношении к ней.

На современном этапе развития российского общества, пережившего болезненную смену идеалов и духовных приоритетов, миссией интеллигенции, на наш взгляд, должны стать сохранение культурных и духовных ценностей и передача их последующим поколениям, а также активное участие в формировании культурной среды.

Литература

1. Интеллигенция: вопросы теории и методологии: Монография / под ред. В. С. Меметова. — Иваново: ИвГУ, 2010. — 379 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — 1881. — Т. 2.
3. Виноградов В. В. Основные этапы истории русского языка // Избранные труды: История русского литературного языка. — М., 1978. — С. 10–64.
4. Куликова Г. С. О влиянии профессии на речь актеров // Вопросы стилистики: Межвуз. сб. науч. тр. — Вып. 27. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1998. С. 103–110.
5. Тобурокова В. М. Социальные (профессиональные) роли говорящих (на материале речи медицинских работников) // Вопросы стилистики: Текст и его компоненты. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. — Вып. 24. — С. 117–124.
6. Поливанов Е. Д. Фонетика интеллигентского языка // Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — С. 231–233.
7. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. — 2001. — № 1. — С. 90–106.
8. Карасик В. И. Лингвокультурный типаж «русской интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажы: Сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. — Волгоград, 2005. — С. 25–61.
9. Ярошенко О. А. Штрихи к речевому портрету русского интеллигента // Вестник ИГЛУ. — 2010. — С. 68–80.
10. Очерки русской культуры XIX века. Т. 5. Художественная литература. Русский язык. — М., 2005. — С. 582–583.

УДК 81.373.46

Стратегии англоязычного парламентского дискурса

ШИРОКИХ АННА ЮРЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки-4» Финансового университета
E-mail: ashirokih@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются лингвистические и экстралингвистические характеристики дискурса парламентских дебатов с точки зрения функциональной психолингвистики. Эмпирический материал позволил выделить речевые стратегии аргументации, авторитарности, снятия категоричности высказывания и двусмысленности речи, которые рассматриваются автором в контексте моделирующей деятельности дискурсивной рефлексии.

Ключевые слова: дискурс; дискурсивная модель; картина мира; контекст; текст; речевая стратегия; языковой образ.

The Strategies of the English Language Parliamentary Discourse

ANNA YU. SHIROKIKH, PhD (Linguistics), Associate Professor, Department of Foreign Languages-4, Financial University.
E-mail: ashirokih@mail.ru

Abstract. The article looks upon linguistic and extra linguistic characteristics of parliamentary debates from the point of view of functional and psychological linguistics. Empirical material allows marking out speech strategies of argumentation, authoritarianism, elimination of rigid utterances and ambiguity of speech, which are researched in the context of discourse reflection.

Keywords: context; discourse model; discourse; language image; picture of the world; speech strategy; text.

«**К**артина мира, отображенная в сознании человека, есть вторичное существование объективного мира, закрепленное и реализованное в своеобразной материальной форме. Этой материальной формой является язык, который и выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания ... рождается человеческая картина мира, принадлежащая всему роду человеческому и существующая в форме «язык-мышление» [1, с. 15]. Языковая картина мира и языковой образ человека как ее творца — одна из главных проблем изучения современной лингвоантропологии. «Языковой образ занимает посредствующее положение между языковым сообщением, создаваемым из различных частиц языковой формы, с одной стороны, и мыслью, воплощаемой в этом сообщении, — с другой. Наличие такого посредствующего звена между

языковой формой высказывания и высказываемой мыслью вносит новый оттенок в обсуждение извечной проблемы философии, филологии и риторики — проблемы соотношения мышления и языка» [2, с. 289].

Категория «дискурс» находится в сфере изучения нескольких лингвистических дисциплин. Функциональная лингвистика объясняет дискурс через функции языковых форм. Психолингвистика исследует процессы и механизмы речевой деятельности, т. е. порождение, восприятие и понимание речевых высказываний в дискурсе. Когнитивная лингвистика изучает дискурсивные структуры сознания, мышления и познания. Термин «дискурс» был введен в обиход науки З. Харрисом в 1952 г. и с течением времени претерпел множество интерпретаций значения. Несмотря на множественность определений дискурс понимается

большинством исследователей как высшая единица языка, состоящая из связанных по смыслу предложений с регулярной воспроизводимостью в речи. В дискурсе реализуются речемыслительные стратегии на основе таких психологических механизмов восприятия, как перцепция и апперцепция, посредством которых участники речевого акта структурируют коммуникационные события.

Коммуникативное лидерство, изучаемое в рамках дискурсного анализа в текстовом воплощении, находит свое выражение в разнообразии стратегий речевого воздействия в контексте парламентских дебатов.

Дискурсивная модель профессионального общества разработана с учетом взаимной обусловленности социальных аспектов, постоянно повторяемых текстов и индивидуальных схем восприятия и воспроизводства информации [3, с. 146]. Размышляя о лингвистических понятиях дискурса и текста, В. Г. Борботько пишет: «Общая направленность, характерная для семиотических исследований, — от наших знаний о языке через метаязык к внеязыковой реальности. Но для лингвистики все-таки важнее использовать другую возможность, противоположную по направленности — идти от наших знаний об организации реального мира к языку, формированию которого, вероятнее всего, определяется, в конечном счете, принципами организации реального мира в их взаимодействии с принципами деятельности человеческого сознания» [4, с. 15].

Рефлексия (индивидуальная версия представляемой реальности) и смысловой инвариант («абстрактный аналог социально выработанного значения») позволяют описать «деловое использование игры и языка, когда говорящий, заняв действительно внешнюю позицию по отношению к своей речи, пользуется ею как орудием для достижения поставленной цели» [4, с. 69]. Характеристики деловой активности — это детерминированность порядка игры, прецедентность, целеполагание, ранг участников по выполняемым им функциям, церемониально-игровой план общения.

По словам В. Г. Борботько, «деловой дискурс может быть реализован в истинном или ложном ключе. Дискурсивный образ может либо соответствовать, либо не соответствовать действительности. Часто это происходит в силу неполноты наших знаний о реальности. А поскольку сообщаемое не всегда может быть подвергнуто проверке, то часто можно судить об истинности сообщения лишь

как о его достоверности, т. е. с определенной долей вероятности. Значительная доля информации при этом может оставаться неопределенной», что в свою очередь порождает «двусмысленное толкование и зону неустойчивости в образе реальности, строящемся у реципиента» [4, с. 81]. Чтобы исключить двусмысленность, сократить зону неустойчивости в восприятии сообщения, коммуникантам необходимо владеть фоновой информацией по теме. В контексте исследуемого эмпирического материала зоны неустойчивости связаны с целью, местом, временем и распределением ролей.

Эмпирический материал, изученный в рамках этого исследования, — это скрипт парламентской дискуссии, посвященной финансовой политике Объединенного королевства. Седьмая встреча комитета по делегированному законодательству посвящена внесению поправок в постановление о финансовых услугах и рынках ценных бумаг [5]. Место речи — «one of the Committee Rooms». Дейктический временной элемент указывает на неотложность и своевременность дискуссии. Дата — 30 марта 2010 г., «before the Easter recess». По словам докладчика, «the Committee should note that the coming-into-force date of the regulations has been corrected from 6 April to 9 April due to the Easter recess. I wanted to make the Committee aware of that». (Комитет должен учесть, что дата вступления в силу постановлений была перенесена с 6 апреля на 9 апреля из-за пасхальных парламентских каникул. Хотелось бы, чтобы комитет принял это во внимание.)

Ролевой статус выступающих зафиксирован перед прямой речью автора развернуто перед первым высказыванием и кратко далее по тексту:

The Exchequer Secretary to the Treasury (Sarah McCarthy-Fry) / Sarah McCarthy-Fry;

The Chair / Mr. Streeter;

Mr. Michael Jack (Fylde) (Con) / Mr. Jack;

Mr. Mark Hoban (Fareham) (Con) / Mr. Hoban.

«Con» в данном контексте — сокращенное наименование партии — Conservative Party. Члены парламента, принимающие участие в дискуссии, называют выступающую от лица правительства Сару МакКати-Фрай «the minister», так как «the Exchequer Secretary to the Treasury» — это хоть и младший, но министерский пост казначейства.

Сара МакКати-Фрай называет своих оппонентов «the right hon. (Gentleman)» — традиционная форма обращения к членам парламента. Фраза обозначает «my (right) honorable member for ...» /

«*the (right) honorable member for ...* далее следует название избирательного округа депутата:

«I am able to say to the right hon. Member for Fylde that they will apply to new and continuing issuers».

(Я могу ответить высокоуважаемому депутату округа Филд, что они (постановления, по контексту) будут касаться и новых и зарекомендовавших себя эмитентов.)

В данном контексте «right» означает «to a great degree or extent». В зависимости от употребления «my»/ «the» в начале обращения можно определить являются ли выступающие однопартийцами: «my hon. Friend».

Текст изобилует ссылками на людей, организации и документы:

«*The regulations are the culmination of an extensive period of review and consultation carried out initially by Professor Paul Davies, QC, Cassel Professor of Commercial Law at the London School of Economics, and more recently by HM Treasury*».

(Эти постановления являются наивысшим результатом продолжительных проверок и совещаний, начатых профессором Полом Дэвисом, советником Короны, профессором коммерческого права Лондонской школы экономики, и продолженных Министерством экономики и финансов.)

QC — Queen's Council (советник Короны). Her Majesty's Council learned in the Law — статус советника Короны, дающий право представлять интересы государства в судах высших инстанций, а также почетный титул. Cassel Professor — именной титул в память сэра Эрнеста Джозефа Кассела, британского банкира и капиталиста, отмеченного Коронай за заслуги перед страной. HM Treasury, Her Majesty's Treasury — Министерство экономики и финансов Британии.

Один из выступающих в начале своей речи упоминает, что это не первое обсуждение проблемы в парламенте. Можно предположить, что предыдущая дискуссия также была оживленной, было много противников предложенного законодательства: «I can assure him that there is no reference this afternoon to any ombudspople». Интересно, что «омбудсмены», должностные лица, контролирующие соблюдение законных прав граждан, имеют в Британском королевстве представительства-организации практически во всех областях жизни: Financial Ombudsmen Service, Parliamentary and Health Service Ombudsmen, Local Government Ombudsman. Каждая из этих

организаций несет ответственность за определенные сферы бизнеса и учреждена парламентом Британии. Однако из текста следует иносказательный смысл — было много прений в предыдущем обсуждении проблемы.

Следующие аббревиатуры, обозначающие организации и законодательные документы, упомянуты в тексте:

FSA — Financial Service Authority, учрежденная актом парламента «Financial Services and Markets Act» 2000, документ, подверженный пересмотру на данном заседании;

Bloomberg and Thomson Reuters — негосударственные организации, поставщики информации для финансового мира;

RIS — Regulatory Information Service, официальный поставщик информации для финансистов Британии;

Sararo vs. Dickman — дело, рассмотренное Британским королевским судом в 1990 г. и служащее прецедентом для рассмотрения дел о преступной халатности;

MiFID — The Markets in Financial Instruments Directive, ранее по тексту упоминаемая как «the transparency directive», директива Евросоюза о рынках финансовых инструментов 2007 г., основной целью которой была разработка прозрачной отчетности по продаже и покупке акций и облигаций на биржах Евросоюза.

Политический дискурс в целом характеризуется как информационный, основанный на знаниях тип дискурса. Фоновая информация может включать не только сведения исторического и культурного порядка, но и специальные знания, необходимые реципиенту для понимания сути дискуссии. Возможные информационные пробелы в знаниях о торговле на бирже, финансовом бизнесе, политической международной ситуации исказят исходное сообщение. Уточняя статус участников, один из оппонентов предложенных поправок говорит:

«*I had better mention that I am a director of a plc, as stated in the Register of Members' Financial Interests, and as I declared at the start of my speech on the Budget; but I do not think that that relates directly to the matters under consideration*».

(Стоит заметить, что я являюсь членом правления открытого акционерного общества, как и указано в учетной книге финансовых интересов членов парламента, и как я заявил в начале моей речи о бюджете; однако, думаю, это не имеет прямого отношения к обсуждаемым вопросам.)

Фоновая информация (a director of a plc) противоречит отрицанию личной заинтересованности.

Парламентские дебаты — это устная форма функционирования официально-делового законодательного дискурса. В отличие от своего письменного эквивалента, текстов законов, актов, постановлений, этот тип осуществляется в игровом регистре языка с его постоянным поиском новых выражений. Подчеркивая игровой регистр делового дискурса, В. Г. Борботько акцентирует наше внимание на присущих этому регистру «самоценности слова, создании необычных способов построения речи, речевом лицедействе самого говорящего». Смена фреймов в смысловом поле, по М. Минскому [6, с. 293–294], способна деформировать дискурс и вызвать «неравновесное состояние сознания у воспринимающего субъекта, состояние, при котором озадаченность может быть сопряжена с неприятием и с удивлением, с восторженностью и приниженностью» [4, с. 80]. Метафора как основа мировосприятия и природа познания является основной речетворчества даже в самых регламентированных сферах жизни. Выступающие широко используют метафорические переносы: *suffer a loss, transparency directive, face significant and reputational penalties, dishonest delay, delayed for good reason, off the top of my head, unbelievable degree of precision, end-to-end cost, a raft of smaller cases, burden of proof, financial instrument, the defect in the UK regime*.

Институциональный дискурс характеризуется организующим началом, то есть функцией устранения конфликтности и установления доминирования на основе статусного функционирования участников в фокусе речевых стратегий [7, с. 5–10]. Дебаты как формальный метод воздействия и аргументации представляет собой комплексное взаимодействие участников на базе уже имеющихся фреймов знаний. Достижение консенсуса — цель дебатов. В идеале эта цель достижима на основе логической аргументации. Однако если путь логики закрыт в силу повышенной эмоциональности ситуации, возможны другие способы достижения цели — авторитарное воздействие и, как следствие, конфронтационные пути сопротивления — ирония, жаргонизм, личностные высказывания.

Переходя от функций к моделирующей деятельности дискурсивной рефлексии, обозначим модель дискурса как «образ мира», в котором отражаются разные семантические элементы, переводимые в линейную речевую форму. В соответствии со степенью симметрии между образом-прототипом

и дискурсивной моделью выделяют первичные диктальные, реальные, квазиреальные, ирреальные, аллегорические и категориальные модели.

Реальные дискурсивные модели демонстрируют желание говорящего как можно точнее передать нужную информацию, это отражение существующего прообраза ситуации. Виды реальной модели дискурса могут включать актуальную модель как образ настоящего, эвкативную модель как образ прошлого и модель виртуальной реальности, имеющую гипотетический характер [4, с. 153]. Последняя модель весьма актуальна для исследуемого нами дискурса, так как задействуются модальные операторы, позволяющие придать модели характер рассуждения и снять излишнюю категоричность высказывания. Определенные грамматические, синтаксические, лексические и фонетические средства реализуют дискурсивные модели. Косвенный вопрос для запроса информации реализует реальную гипотетическую модель:

I am intrigued to know under what circumstances another member state would invoke the measures to the extent of issuing some kind of request...;

(Я заинтригован, при каких обстоятельствах другое государство — член Евросоюза (по контексту) могло бы применить меры и направить запрос...)

It is not entirely clear to me under what circumstances the FSA must accede to a request and follow through on the procedures that we are discussing;

(Не совсем ясно, при каких обстоятельствах Управление по финансовому регулированию и надзору обязано согласиться удовлетворить запрос и соблюсти те процессуальные нормы, которые мы сейчас обсуждаем.)

It would be helpful if the Minister explained what assessment the Government have made of the current costs...;

(Было бы полезным, если бы Министр объяснила, какую оценку текущих расходов (связанных с введением постановлений, по контексту) дает правительство...)

Модель виртуальной реальности, или гипотетическая модель, может быть представлена риторическими вопросами:

Is it not the case that the statutory instrument simply enables the FSA to issue notifications through the regulatory information services, rather than writing directly to each participant in those markets?

(Разве это не тот случай, когда нормативно-правовой акт просто позволяет Управлению по финансовому регулированию и надзору извещать

о предупреждениях через регулирующие информационные службы, а не путем прямой рассылки каждому участнику рынка?)

В рамках этой модели могут использоваться модальные глаголы:

I have to ask the Minister why we are doing this...;

(Я должен задать Министру вопрос — зачем мы это делаем...)

Лексические единицы для обозначения количественной и качественной степени (some kind of request or instruction, entirely clear, some burden of proof, in some way flawed, little doubt, remarkably precise), вводные предложения с глаголами мыслительной деятельности (I presume, there seems to be, it is assumed) — другие проявления гипотетических моделей.

Гипотетическая модель дискурса предполагает допущения и имеет множество виртуальных выборов. Например, оратор использует сослагательное наклонение как один из способов снятия напряжения и налаживания контакта с аудиторией:

The FSA would suspend trading if it felt that that was necessary to financial stability as a whole and — if I am correct;

(Управление по финансовому регулированию и надзору приостановило бы торговлю, если бы они почувствовали общую необходимость стабилизировать финансовую ситуацию — если я правильно рассуждаю.)

I am sure that someone will correct me if I am not — if requested to do so by another EU member state...;

(Я уверен, кто-то поправит меня, если я не прав, — в случае если этого (приостановки торговли, по контексту) потребует другое государство — член Евросоюза...);

Сослагательное наклонение может быть использовано для выражения вероятности последствий и прогнозирования событий:

Of course, with 10 suspensions over a 10-year period, at a rate of £10,000, and the application of a discount rate, the result would be the remarkably precise number of £93,166.

(Конечно, предположительно 10 приостановок торговли за 10-летний период, по цене £10,000, с применением учетной ставки, дали бы замечательно точный результат, равный £ 93,166.)

Эвкативная модель, отражающая образ прошлого, в исследуемом эмпирическом материале реализуется использованием церемониальных фраз. Этот пережиток прошлого, архаизм, имеет большую культурную ценность — преемственность

традиций как основа прецедентного права, коммуникативную ценность — регламентировать общение и функциональную ценность — снять напряжение, устранить категоричность высказывания:

With this it will be convenient to consider...;

(Имея это в виду, будет неплохо обсудить...)

It is a pleasure to serve under your chairmanship...;

(Мне приятно работать под Вашим председательством...)

It is a pleasure to speak in the debate...;

(Для меня удовольствие выступить в дебатах...)

Оптативная реальная модель дискурса, отражающая оценки актуальной и виртуальной ситуаций, содержит рекомендации и ограничения для ведения той или иной деятельности. Эта модель может осуществлять регулятивную функцию в тексте с целью, скажем, авторитарного воздействия на аудиторию. Дейктические элементы в речи одного из оппонентов, например, местоимение первого лица, сигнализирует личную ответственность за слова-поступки:

I beg to move, that ...;

(Я прошу ходатайствовать, чтобы ...)

I am talking about ...;

(Я говорю о том, что...)

I will endeavor to get the response ...;

(Я попытаюсь получить отклик...)

Часто используется местоимение «we», которое, с одной стороны приравнивает автора высказывания к собеседнику, делая его соучастником, то есть укорачивает дистанцию, а с другой стороны, поднимает статус оратора — это не только его мнение, это и мнение его единомышленников:

We are proposing to simplify the procedure ...;

(Мы предлагаем упростить процедуру...)

We are also clarifying the procedure ...;

(Мы также планируем прояснить процессуальные нормы...)

Категориальная модель, классическим примером которой является научное описание явлений, являет собой рассуждение с целью выяснить абстрактные систематические свойства реалий мира. Однако тупик в рассуждении может привести к парадоксу. Как следствие переключения смысла с нарушением синтактико-семантического свойства возникает парадоксальный смысл, с намеком на иронию:

I thank those who contributed to the debate — and those who did not.

(Благодарю всех, кто принял участие в дискуссии, — и тех, кто присутствовал.)

Первичная диктальная модель характеризуется совпадением семантического плана и языкового носителя. Однако возможно использование соположения диктальных выражений, звуков для оказания эмоционального воздействия на аудиторию:

It is remarkably precise, but of course that precise number is based on a set of imprecise assumptions. It is assumed that there will be one suspension per year, which we know, from the Minister's remarks, has not been the case to date. There have been no suspensions so far.

(Это замечательно точная цифра, но эта бесспорно точная цифра основана на множестве неточных допущений. Допускаем, что будет по одной приостановке торгов в год, что, как мы знаем по замечаниям Министра, было не так до сегодняшнего дня. Пока приостановок торгов не было.)

Другой пример использования диктальных элементов — многократное повторение семы «sure», индуцирующее семантику уверенности. Слова «sure», «assure», «ensure» употребляются в речи выступающего 10 раз в различных контекстах.

Очевидно, что институциональный характер парламентских дебатов ограничивает использование ирреальных и аллегорических моделей, более присущих художественному творчеству. Такие проявления дискурсивной рефлексии, как фантазмагория, абсурд (ирреальная модель рефлексии) или иносказание (аллегорическая модель), отсутствуют в тексте дебатов.

Изученный материал показал отсутствие синтетических квазиреальных моделей, когда известное облакается в непривычные для него формы, за исключением, может быть, метафор.

Несмотря на разнообразие дискурсивных моделей и сопутствующих им функций, «любой прием, однажды возникший в дискурсе как особенное, сингулярное явление, распространяясь, становится регулярным и превращается в языковом сознании в типовую операцию», то есть стемму, обладающую матричной системной значимостью

[4, с. 182]. Иерархия связей абстрактного понятия и их материализация в тексте дают возможность говорящему определить регистр и сценарий общения. Моделирующая деятельность дискурсивной рефлексии дает возможность прогнозировать развитие языковых событий и корректировать языковую картину мира, отражающую особенности менталитета нации. Практическое приложение данных возможностей отражено в техниках языкового манипулирования, нашедших широкое применение в рекламе, публицистике, ораторском искусстве, художественном творчестве, политике и преподавании.

Литература

1. Колишанский Г. В. Объективная картина мира в языке и сознании, — М: КомКнига, 2006. — 121 с.
2. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
3. Олешков М. Ю. Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие для студентов факультета русского языка и литературы. — Нижний Тагил, 2006. — 146 с.
4. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвонергетике. — М.: КомКнига, 2006. — 288 с.
5. Parliament Homepage, Parliamentary Business, General Committee Debates, Session 2009–2010. [Электронный ресурс] URL: <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200910/cmgeneral/deleg7/100330/100330s01.htm> (дата обращения: 19.01.2013).
6. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 23. — М.: Прогресс, 1988. — С. 281–310.
7. Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник науч. трудов. Волгоград: Перемена, 2000. — С. 5–20.

УДК 81(045)=161.1

Изменение лексического значения слов в молодежной среде

ПОЛЯКОВА РАУЗА ИЛЬДАРОВНА, доцент кафедры «Русский язык» Финансового университета
E-mail: polyakovar@yandex.ru

Аннотация. В статье содержится анализ изменений лексических значений русских слов, произошедших в последние два десятилетия в молодежной среде. Исследования проводились среди студентов-первокурсников Финансового университета на практических занятиях в рамках курса «Русский язык и культура речи». Информация, данная в представленной статье, может быть использована преподавателями русского языка в лекциях и на практических занятиях.

Ключевые слова: адекватность понимания; коннотация; контекст; лексическое значение; речевая ошибка; языковая мода, языковые изменения;

Changes in the Lexical Meaning of Words in Young People's Usage

RAUZA I. POLYAKOVA, Associate Professor, Department of Russian language, Financial University
E-mail: polyakovar@yandex.ru

Abstract. The article looks at the changes in the lexical meaning of Russian words that have taken place over the last two decades in the everyday speech of young people. The target group that were surveyed included first year students of Finance University under the Government of the Russian Federation at the seminars within the framework of their course «The Russian Language and the Culture of Speech». The information contained in the article may prove useful for high school teachers and lecturers.

Keywords: adequate understanding / comprehension; connotation; context; language trend / language fashion; lexical meaning; linguistic changes; speech mistake.

Изменения лексического значения и коннотации, то есть эмоциональной и стилистической окраски, некоторых слов произошло в молодежной среде буквально на наших глазах, в течение двух последних десятилетий. Эти изменения еще не зафиксированы в словарях, но их наличие уже не вызывает никаких сомнений. В этой связи вспомним слова К. Чуковского о вечном движении и обновлении лексики русского языка: «Одни его слова отмирают, другие рождаются, третьи из областных и жаргонных становятся литературными, четвертые из литературных уходят в просторечие, пятые произносятся совсем по-другому, чем произносились лет сорок назад, шестые требуют других падежей, чем это было, скажем, при Жуковском и Пушкине» [1, с. 39].

Слова меняют свои значения год от года, от поколения к поколению, и это необходимо учитывать не только при общении с представителями различных возрастных групп, но и при чтении художественной литературы. Как справедливо заметил профессор В. И. Максимов, «в индивидуальных отклонениях в речи заложены истоки языковых изменений. Поэтому говорят, что язык творит речь и сам творится в речи» [2, с. 18]. Если заглянуть в «Словарь редких и забытых слов» В. П. Сомова, можно найти немало слов, значение которых менялось в XX в. Например, «аудитор» — чиновник, исполнявший при военных судах должность следователя, прокурора и секретаря; буян — торговые амбары на пристани, а также сама пристань; абитуриент — выпускник средней школы; мизер — бедность, нужда; облом — грубый, неуклюжий или

невоспитанный человек [3]. Читая художественную литературу XIX в., мы, скорее всего, ошиблись бы в определении значений этих слов, что отразилось бы на адекватности понимания произведений. Даже те люди, для которых русский язык является родным, без специального словаря эти слова не поняли бы. А между тем мы встречаем их не в древних текстах, а в произведениях Ф. М. Достоевского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, А. А. Марлинского. Интересный пример подобного непонимания мы находим в книге К. Чуковского «Живой как жизнь». «Нынче не всякий поймет, что разумел Аксаков, говоря об одном провинциальном враче: «В отношении к нам он поступал обязательно». Действительно, современному человеку и в голову не придет, что слово «обязательно» означало «любезно» [1, с. 17].

Сейчас уже можно сделать вывод о том, что некоторые прилагательные изменили свои значения в последние два десятилетия. Поначалу новые значения воспринимались просто как недоразумение, как ошибочное употребление, однако проводимые нами в течение 10 лет исследования в студенческой среде, причем среди лучших с точки зрения школьного уровня образования студентов-первокурсников, показали, что перед нами не случайность, а закономерность и в какой-то мере необратимость. Как справедливо когда-то заметил К. Чуковский, изменения в речи носят стихийный характер. Образованные, владеющие нормами русского литературного языка люди пытаются как-то противодействовать этому процессу, однако, как правило, победа не на их стороне.

С нашей точки зрения, в последнее время меняли свои значения такие прилагательные, как пафосный, адекватный, цивилизный, культовый.

Слово «пафос» означает «страстное воодушевление» (говорить с пафосом) или основную идею, смысл чего-либо (В чем пафос вашего выступления?) [4]. Такое толкование слова дает «Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов» Российской академии наук. Сейчас в молодежной среде прилагательное «пафосный» приобрело отрицательную эмоциональную окраску и означает «высокомерный, надменный». Такое толкование давали наши студенты. Хотя, впрочем, говорить о точном словоупотреблении здесь не приходится, это слово можно встретить и в других контекстах, например, «пафосные шмотки», «пафосные клубы», здесь просматривается значение «модный, престижный, элитарный».

Слово «адекватный», как известно, означает «вполне соответствующий, совпадающий, тождественный» [4]. Употребляется это прилагательное с дательным падежом — адекватный чему? Сейчас в молодежной среде слово «адекватный» сузилось в своем употреблении и стало означать только одно — «вменяемый», «не сумасшедший». Естественно, дательный падеж объекта уже не используется. Все студенты в течение 10 лет подбирают только этот синоним к прилагательному, что позволяет говорить о тенденции.

Слово «цивиленный» означает «штатский, гражданский» [4]. Например, цивилинный костюм (не военная форма). Оно представлено в словарях как устаревшее. Однако сейчас это слово получило новую жизнь, но уже в другом значении — аккуратный, респектабельный в смысле внешнего вида, одежды.

Слово «культовый» означает «относящийся к религиозному служению и связанным с этим обрядам» [4]. Сейчас можно встретить сочетания «культовый фильм», «культовая машина». Правда, это слово встречается в основном в текстах журналистов или создателей рекламы, а не среди студентов. Появление у этого слова нового значения было описано в книге «Русский «тусовочный» как иностранный». По мнению ее авторов, у слова «культовый» появилось новое значение — «популярный, почитаемый, достойный восхищения» [5].

Обращает на себя внимание тот факт, что меняют свои значения именно «модные» слова. В связи с этим остановимся поподробнее на таком явлении, как «языковая мода». Думается, что причина изменения лексических значений слов кроется именно здесь.

Русское слово «мода» восходит к латинскому «modus» — правило, предписание [4]. В значении этого слова заложен некий императив — «будьте таким, каким быть предписывается». Мода — это, как известно, временное господство определенного стиля в какой-либо сфере жизни или культуры. Понятие моды часто обозначает самую непрочную и быстро проходящую популярность. Неотъемлемым атрибутом моды является погоня за новизной, причем степень новизны предмета или явления зависит не столько от его объективного времени появления, сколько от момента обретения им популярности и общественного признания. Модой движут два мотива: с одной стороны, это подражание с целью показать хороший вкус, а с другой — это страх оказаться «старомодным»,

оставшим от людей, считающихся эталоном вкуса и стиля.

Понятие «мода» распространяется и на язык. Законодателями моды являются люди, уважаемые в определенной среде. Это, кстати, могут быть и «криминальные авторитеты». В последние десятилетия много было написано статей, посвященных проникновению жаргонизмов в современную речь. В нашей статье мы не будем затрагивать эту тему. С другой стороны, законодателями моды могут являться люди образованные, знающие иностранные языки, умеющие оригинально мыслить, красиво говорить. Им начинают подражать те, кто тоже хочет говорить красиво, оригинально, изысканно. Ну а затем, когда слова и выражения становятся модными, они подхватываются уже неискушенными, малограмотными людьми, желающими «выглядеть». И вот тут начинается «трансформация» значения слова.

Поскольку люди малограмотные не заглядывают в словари, они зачастую употребляют слово в близкой, но не совсем точно совпадающей со значением слова ситуации. Слово начинает «расплываться» в своем значении. В результате лексическое значение слова «размывается», а само слово приобретает новые оттенки значений. Это явление было описано О. Северской в книге «Говорим по-русски с Ольгой Северской». На сегодняшний день классическим примером подобной ситуации является слово «гламурный». «... Порой под этим словом понимают совершенно разные вещи — от безупречной и даже строгой элегантности до разнузданной экстравагантности», — пишет О. Северская [6, с. 109]. Если попросить студентов подобрать синонимы к этому прилагательному, это вызовет большие затруднения, поскольку ни один из синонимов не вмещает в себя весь объем обозначаемых этим словом качеств. Причем необходимо отметить, что во всех контекстах это слово имеет сейчас явно негативную эмоциональную окраску. «Массированная гламурность» вызвала обратную реакцию у молодежи, своего рода отторжение. Молодое поколение устало от гламурности. Гламур — внешний блеск (в одежде, украшениях, косметике), внешняя привлекательность. Гламурный — внешне привлекательный, шикарный (преимущественно о женщинах) [4]. Это слово практически не поменяло своего значения, оно пока

еще прирастает большим количеством контекстов, в которых оно употребляется. Гламур — это «наведенный глянец», «ослепляющее великолепие», «показная роскошь» [6, с. 110].

Если говорить об изменении коннотации, то здесь, кроме уже упомянутых слов «пафосный» и «гламурный», можно вспомнить прилагательное «амбициозный», которое в последние десятилетия приобрело позитивную эмоциональную окраску. «Амбициозный специалист», «амбициозный проект» — теперь это похвала, а не порицание.

Такой же путь прошло прилагательное «брутальный». Это слово перестало восприниматься молодыми людьми как негативно окрашенное. Большинство студентов подобрали к нему синоним «мужественный», между тем как словарь дает такое толкование — от лат. Brutus тупой, глупый — грубый, жестокий (о человеке и его манерах) [4]. В настоящее время это слово воспринимается молодыми людьми как комплимент.

Итак, если в исследованиях, статьях конца XX в. эти слова описывались как «речевые ошибки», как случаи неправильного словоупотребления, то сейчас, по всей вероятности, мы уже можем утверждать, что перед нами изменение их лексического значения. Чтобы еще раз проверить свои выводы, мы предложили прочитать эту статью студентам-первокурсникам. И получили ответ: «А что у этих слов были когда-то другие значения?» Что и требовалось доказать!

Литература

1. Чуковский К. Живой как жизнь. О русском языке. — М.: Университет. Книжный дом (КДУ), 2004. — 220 с.
2. Максимов В. Русский язык и культура речи. — М.: Гардарики, 2001. — 411 с.
3. Сомов В. Словарь редких и забытых слов. — М.: «Изд-во «Астрель», 2001. — 606 с.
4. Крысин Л. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов. — М.: Эксмо, 2008. — 863 с.
5. Шкапенко Т. М., Хюбнер Ф. Русский «тусовочный» как иностранный: Учеб. пособие. — Калининград: Янтарный сказ, 2003 г. — 200 с.
6. Северская О. Говорим по-русски с Ольгой Северской. — М.: Слово, 2005. — 251 с.

УДК 81(045)

Проблема мотивации при изучении иностранного языка

ПУШКИНА ГАЛИНА GERMANOVNA, доцент кафедры «Иностранные языки-1» Финансового университета.
E-mail: anchar21@mail.ru

Аннотация. В статье акцентируется внимание на одном из основополагающих принципов изучения иностранных языков – мотивации обучающихся. Раскрывается зависимость мотивации от ряда факторов, также способствующих успешному изучению иностранного языка. Рассматриваются примеры методов активного обучения.

Ключевые слова: дискуссия; методы активного обучения; моделирование конкретных ситуаций; мотивация учащегося; общение; ролевая игра.

The Problem of Motivation in Learning a Foreign Language

GALINA G. PUSHKINA, Associate Professor, Department of Foreign Languages-1, Financial University
E-mail: anchar21@mail.ru

Abstract: The article focuses on one of the fundamental principles of studying foreign languages – the motivation of the students. It reveals the dependence of motivation and a number of factors that also contribute to the successful study of a foreign language. The article discusses examples of methods of active learning.

Keywords: active learning methods; communication; discussion; modelling of specific situations; motivation of the learner; role play.

Происходящие в современном обществе изменения обуславливают необходимость модернизации образования в направлении развития личности учащегося, раскрытия его внутреннего потенциала, выработки активной жизненной позиции. В основе личностно-ориентированной образовательной парадигмы лежит подход, при котором преподаватель рассматривает учащегося как субъекта учебной деятельности, как личность, стремящуюся к самоопределению и самореализации. Эта важнейшая педагогическая задача определяет приоритет, стратегию и основные направления исследований в разработке методов обучения, помогающих учащимся не только ориентироваться в сложном мире, но и владеть методами самостоятельного извлечения новых знаний.

Современное общество, развитие рыночной экономики предъявляют новые требования к подготовке выпускников высшей школы, их углуб-

ленному образованию, расширению кругозора в профессиональной области и общих вопросах.

Современный специалист обязан хорошо ориентироваться в предлагаемых обстоятельствах, адекватно реагировать на изменения жизни страны, совершенствовать свои профессиональные и человеческие качества.

Открытие границ и выход нашей экономики на мировой рынок послужили причиной создания ряда совместных и частных предприятий, акционирования государственных предприятий, расширения экономических связей с зарубежными партнерами. Естественно, расширяются контакты между отечественными и зарубежными специалистами, различными предприятиями, что вызывает необходимость увеличения количества и повышения качества профессионалов, владеющих иностранными языками как средством непосредственного общения с иностранными партнерами.

Отсюда следует, что при изучении иностранного языка одним из важнейших факторов является мотивация учащегося, умение и желание создать языковую атмосферу, имитирующую реальные жизненные ситуации. Мотивация, если можно так сказать, это внутренняя движущая сила, которая подталкивает человека к совершению активных действий. Таким образом, моделирование конкретных ситуаций как инструмент развития коммуникативной компетенции и повышения мотивации, осознание студентами того, что они не только анализируют проблемы, связанные с будущей специальностью, но и обсуждают реальные события, позволяет им поверить в собственные силы и дает дополнительный стимул к изучению языка.

Проблема формирования оптимальной мотивации ставится в зависимость от:

- 1) академической успешности;
- 2) интереса к иностранному языку;
- 3) удовлетворения коммуникативной потребности;
- 4) способностей к иностранному языку;
- 5) содержания сообщаемой информации на иностранном языке;
- 6) личности преподавателя;
- 7) взаимоотношения преподавателя и учащихся;
- 8) личностных особенностей обучаемых;
- 9) взаимоотношений в учебной группе;
- 10) профессиональной направленности учебной деятельности.

Отсюда, центральным и определяющим компонентом модели мотивации овладения иностранным языком является общение, включающее коммуникативные особенности учащихся, педагога, а также характер их взаимодействия в педагогическом процессе. В частности, общение на иностранном языке, отвечающее профессиональным интересам будущих специалистов и максимально приближенное к условиям естественного общения, способствует формированию и развитию внутренней мотивации овладения иностранным языком, а также переходу внешней мотивации во внутреннюю.

Мотивация представляет собой вывод из развития эмоций и эмоциональных состояний. Эмоции вызывают стремление заниматься какой-либо деятельностью, обуславливают всестороннюю активность. С точки зрения эмоций мотивация может подразделяться на позитивную и негативную (не путать с антимотивацией).

Позитивная мотивация есть накопление позитивных эмоций, с учетом того, что при их значительной интенсивности осуществляется переход от пассивности к целеустремленным действиям [1].

Негативная мотивация организуется по той же схеме с той лишь разницей, что человек накапливает в своем воображении негативные эмоции, которые логично ведут его к обнулению активности.

Несколько слов об антимотивации. До действий позитивной и негативной мотивации вообще дело может не дойти, если человек накапливает множество негативных эмоций различного рода о предмете деятельности. Например, после конфликта с преподавателем негативные эмоции переносятся на само обучение и предмет «английский язык». Сюда относятся эмоции от неудач, насмешек друзей и коллег относительно произношения и т. п. Подобные эмоциональные состояния могут быть сильнейшим источником отвращения к обучению [2].

Предположим, что ситуации антимотивации у нас не возникает. Наоборот, есть потребность и желание овладеть иностранным языком.

Отсюда вопрос: как изменить систему обучения, чтобы резко повысить качество учебы и добиться значительной эффективности обеих сторон учебного процесса: преподавателя и студента? В чем состоит новая роль преподавателя? Ему надлежит выйти за рамки классического учителя, «кладезя» теоретических знаний, методик, инструкций и других нормативов. Он должен стать современным консультантом, владеющим новейшими приемами разрешения различных профессиональных проблем. В этом случае студент естественным образом превращается в союзника преподавателя и его научного ассистента.

Что же со студентом? Прежде всего, он радикальным образом активизирует свою роль в учебном процессе. Сам формулирует цель, выявляет проблемы, анализирует информацию, вырабатывает критерии и возможные пути решения проблем. Преподаватель лишь направляет процесс обучения, подсказывает современные пути решения актуальных проблем. Таким образом, процесс обучения логично перетекает в процесс совершенствования управления или производства.

Необходимо отметить, что при работе над проблемами студент целенаправленно пополняет те знания, которые связаны с теорией решения той или иной проблемы. Задача преподавателя при

этом — с помощью методов управленческого консультирования побудить его сделать правильный выбор проблемы и определить возможные пути ее разрешения. В роли экспертов по предложенным проектам реализации конкретных проблем также выступают сами студенты [3].

В образовательном процессе очевидно проявляются три вида активности: мышление, действие и речь. К ним примыкает еще один — эмоционально-личностное восприятие информации. Соответствующим образом на занятии может реализовываться либо один из указанных видов, либо их сочетание. Степень вовлеченности учащихся оценивается в зависимости от того, какие и сколько из четырех видов активности обучающихся на занятии проявляются. Чисто схоластически можно описать эти процессы следующим образом: например, на лекции используется мышление (в первую очередь память), на практическом занятии — мышление и действие, в дискуссии — мышление, речь и иногда эмоционально-личностное восприятие, в деловой игре — все виды активности [4].

Эти выводы согласуются с экспериментальными данными, полученными начальником отдела развития и качества образования, С. Н. Таранухой: при лекционной подаче материала усваивается не более 30% информации, при самостоятельной работе с литературой — до 50%, при проговаривании — до 70%, а при личном участии в изучаемой деятельности (например, в деловой игре) — до 90% [5].

На основе анализа психолого-педагогической литературы и обобщения личного педагогического опыта можно утверждать, что при изучении иностранного языка наиболее эффективны активные методы обучения, которые «включают» мотивацию, активизируют интеллектуальную самостоятельную работу учащихся, поддерживают внимание и интерес к предмету, развивают речь. Они позволяют не только повышать качество

полученных знаний, но и параллельно решают задачу формирования опыта взаимодействия участников образовательного процесса между собой. Наиболее действенным способом решения этих задач представляется ролевая игра, отражающая типичные социологические ситуации и позволяющая учащимся осваивать характерные социальные проблемы; а также дискуссия, в ходе которой учащиеся стараются аргументировать и отстаивать свою позицию.

Литература

1. *Гайнутдинова М. Ю.* Формирование мотивации изучения иностранного языка // Ярославский педагогический вестник — 2011 — № 3 — Т. II (Психолого-педагогические науки).
2. *Плигин А. А., Максименко И. Н.* Усиление мотивации к изучению английского языка [Электронный ресурс] URL: <http://trenings.ru/materialy/stati/733-statya-usilenie-motivatsii-k-izucheniyu-anglijskogo-yazyka.html> (дата обращения: 02. 12. 2013)
3. *Васильев А. А.* Применение методов активного обучения в учебном процессе, 2005. [Электронный ресурс] URL: <http://vasilieva.narod.ru/mu/ucheb/StMU2.htm> (дата обращения: 02. 12. 2013).
4. *Зарукина Е. В., Логинова Н. А., Новик М. М.* Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению: Учебно-метод. пособие. — СПб., 2010.
5. *Тарануха С. Н.* Инновационные образовательные методы и технологии [Электронный ресурс] URL: <http://900igr.net/prezentatsii/pedagogika/Tekhnologii-i-metody-obuchenija/001-INNOVATIONNYE-OBRATOVATELNYE-METODY-I-TEKHNologii-Nachalnik-otdela.html> (дата обращения: 02. 12. 2013).

УДК 82(045)

Террористический дискурс в русской литературе начала XX века

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ИЛЬИНА-СОЛОВЬЕВА, доктор филологии, профессор кафедры «Теория лингвистики», Университет Валенсии (Испания)
E-mail: nabril@mail.ru

Аннотация. В статье освещаются проблемы террора и терроризма в русской истории начала XX века. Рассматривается отражение процесса борьбы за власть в дневниках, письмах и воспоминаниях Феликса Дзержинского. Писательский дневник – оригинальный и малоизученный жанр литературы. В дневнике мы имеем дело не с посредниками, не с «заменителями» личности автора, а с самой личностью в ее глубинах и основах. В статье личность Дзержинского представлена как образец того, как внешние обстоятельства существенно деформировали изначальную установку психологического типа и вызвали к жизни потребность метаморфозы, появление которой при нормальном протекании психологической жизни было бы проблематично.

Ключевые слова: дневниковая проза; психологический дуализм; террор и терроризм.

Terrorist Discourse in Russian Literature of the Early Twentieth Century

NATALIA A. ILYINA-SOLOVYOVA, Ph. D. (Philology), Professor Department of Theory of Linguistics, University of Valencia (Spain)
E-mail: nabril@mail.ru

Abstract. The article highlights the problems of terror and terrorism in the Russian history of the early twentieth century. It considers the reflection of the process of the struggle for power in the diaries, letters and memoirs of Felix Dzerzhinsky. A writer's diary is an original and understudied genre of literature. In the diary, we are not dealing with intermediaries, or «substitutes» of the author's personality, but with the personality in its depths and foundations. The article presents the personality of Dzerzhinsky as an example of how external circumstances significantly distorted the original aim of the psychological type and gave rise to the need for metamorphosis, whose appearance in the normal flow of psychological life would have been problematic.

Keywords: diary prose; psychological dualism, terror and terrorism.

1. Терроризм как идеология борьбы

Для России, может быть, в большей степени, чем для остального мира, начиная с 60-х годов XIX в., терроризм и террор превратились в некую глобальную проблему. В 1862 г. в прокламации «Молодая Россия» П. Г. Заичневский страстно призывал своих сторонников к террористическим актам: «Мы издадим один крик: «В топоры!» — и тогда... тогда бей императорскую партию, не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, если эта подлая сволочь осмелится выйти на них, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по

деревням и селам! Помни, что тогда, кто будет не с нами, тот будет против, кто будет против, тот наш враг, а врагов следует истреблять всеми способами» [1, с. 203].

Члены «Молодой России», которых Тургенев называл «нигилистами», а Достоевский «бесами», утверждали, что в современном общественном строе все ложно, все нелепо — от религии, «заставляющей веровать в несуществующее, в мечту, разгоряченного воображения — бога», и до семьи, ячейки общества, и были уверены, что ни одного из оснований общества не выдерживает даже поверхностной критики.

Надо иметь в виду, что в это время еще не существовала террористическая организация «Народная воля», еще не было и революционной партии Социалистов-революционеров и их знаменитой Боевой Организации убийц, но уже были призывы к тем радикалам, воспитанным на герценовском «Колоколе», которые могли бы откликнуться и выйти с бомбами, кинжалами и пистолетами, чтобы в клочья разнести фундамент, на котором стоит государство. И такие люди нашлись: среди них, например, бывший студент казанского университета Дмитрий Каракозов и Болеслав Березовский, стрелявшие в Александра II, Сергей Нечаев, убивший студента Иванова, который отказывался идти на террор, знаменитая Вера Засулич, стрелявшая в 1878 г. в петербургского градоначальника генерала Трепова. О Нечаеве вспоминал Бакунин: «Он мало-помалу убедил себя, что для создания несокрушимой организации необходимо взять за основу политику Макиавелли и систему иезуитов: насилие для тела и ложь для души» [2, с. 158]. Что касается Веры Засулич, то Альбер Камю считал ее покушение датой рождения русского терроризма, не как вехи в эволюции террора, а как новоявленного, качественно своеобразного типа индивидуального террора. Французский философ не обратил внимание на то, что в русской среде из числа народников-разночинцев сформировался не просто носитель терроризма, а определенный тип, психологическая сущность которого заключена в высокомерном пренебрежении к человеческой жизни, своей и чужой, а убийство представляется как оправданный способ решения цели.

За выстрелом Веры Засулич последовал целый ряд убийств и покушений. Так, например, в 1978 г. в Киеве выстрелами из револьвера был ранен Котляровский, товарищ прокурора окружного суда, в марте убит жандармский полковник Кноп, в мае кинжалом убит жандармский следователь барон Гейкинг, в августе в Петербурге убит кинжалом-стилетом шеф жандармов генерал Мезенцев. В том же году член «Народной воли» Кравчинский выпускает памфлет «Смерть за смерть», в котором содержится апология терроризма. В феврале 1879 г. был убит харьковский губернатор князь Кропоткин, а в апреле 1879 г. Александр Соловьев совершает неудавшееся покушение на Александра II прямо на Дворцовой площади. И наконец, в 1881 г. Игнатий Гриневицкий бросает бомбу под ноги царю Александру II и убивает его.

С февраля 1878 г., когда в результате успешных военных действий русские войска стояли на

пороге Стамбула, в стране организуется банда террористов, готовая убивать и взрывать. Жандармское управление Одессы подает премьеру М. Т. Лорис-Меликову справку, в которой читаем следующее: «В 1878 г. появилась партия террористов. Которая для достижения противоправительственных целей избрала средством политические убийства. Эта последняя партия... не имела до июля 1879 г. строго определенной организации точно так же, как самое появление ее не было последствием ясно очерченной системы действия» [3]. Речь идет о партии «Земля и воля», которая в мае 1878 г. составляет программу, называя своей ближайшей целью осуществление народного восстания.

Позже наиболее радикальные члены этой партии, сбившиеся в партию «Народная воля», в своих листовках уверяли, что их ничто не остановит на пути терроризма. Так, например, после неудачного покушения на Александра II в царском поезде они писали: «Мы уверены, что наши агенты и вся наша партия не будут обескуражены неудачей, а почерпнут из настоящего случая только новую опытность, урок осмотрительности, а вместе с тем новую уверенность в свои силы и в возможность успешной борьбы» [4, с. 59].

Откуда эта охота на царя, который всерьез думал о конституции, отменил 19 февраля 1861 г. крепостное право, издал указ об ограничении телесных наказаний, подписал положения «О земских учреждениях», «О предоставлении печати возможных облегчений», заменил рекрутские наборы и двадцатипятилетнюю солдатскую службу на более короткий срок, провел судебные реформы, реформы начального, среднего и высшего образования, был удачлив во внешней политике: присоединил к России Амурский и Уссурийский край, Среднюю Азию, завершил покорение Кавказа, восстановил права России на Черном море, освободил Балканских христиан от османского ига?

Известный социал-демократ Плеханов, в своих воспоминаниях отвечает на этот вопрос: «Падет царь, падет и царизм. Наступит новая эра, эра свободы. Так думали очень многие» [5, с. 202]. Такая логика, по меньшей мере, кажется странной, так как никогда в истории не было случая, чтобы насильственная смерть монарха привела бы к крушению всего режима. Напротив, государство на терроризм всегда отвечает террором. Так, в 1878 г. Александр II создает в лице Охраны наиболее действенное орудие государственного террора.

Начиная с этого момента, весь конец XIX в., как в России, так и на Западе, ознаменован непрекращающейся серией убийств.

Новоиспеченные радетели за народную свободу, воспитанные на идеях о народности Хомякова и Белинского, захватив пальму первенства освободительного движения и привнеся в него свою исступленность, даже не обратили внимания на то, что их борьба против абсолютизма проходила при полном безмолвии народа. Парадоксально то, что, выбирая целью крупных государственных деятелей, террористы не считались с тем, что от взрывов и выстрелов умирают простые люди, оказавшиеся поблизости. Зато интеллигенция совсем по-другому реагировала на этих «борцов за народное счастье». Леонид Андреев, как нам известно, горячо сочувствовал террористам, отождествляя терроризм и тираноборчество.

Вот, например, воспоминания известной поэтессы Веры Лурье (1901 г. Петербург — 1998 г. Берлин): «Невероятно, но у моей матери был фотоальбом, в котором хранились фотографии известных революционеров и террористов. У нее были фото Веры Фигнер и террориста Ивана Каляева, который бросил бомбу в московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича и потом был, разумеется, казнен. Вдова Великого князя Елизавета Федоровна, сестра царицы, посетила Каляева в его тюремной камере и подарила ему крест. Потом она ушла в монахини и посвятила себя благотворительной деятельности. Русские террористы почитались как герои даже в буржуазных кругах. Некоторым они казались святыми. Вера Фигнер участвовала в подготовке покушения на Императора Александра II. Террористы шли на верную смерть, но при этом старались, чтобы при их акциях не пострадали невинные люди. Покушения никогда не совершались, если могли пострадать дети. Их целью было убийство тех, кто причинял несчастья людям, кто имел много зла на своей совести» [6]. Совсем противоположное мы можем найти в отчетах присутствующих при терактах свидетелей. Видевший покушение на царя полицеймейстер Дворжицкий пишет: «Был поврежден экипаж Государя и ранены два конвойных казака, мальчик-крестьянин и мои лошади» [4, с. 64]. При другом покушении был ранен прохожий, некий Милошевич, при взрыве поезда Александр III в Борках погибло 19 человек и 40 были ранены.

Невинные жертвы не смущали террористов. Для них цель оправдывала средства.

Одной из таких кардинальных целей, например, для «Молодой России», как нам известно из ее программы, был развал Российской империи на части: «Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканско-федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального и Областных Собраний. На сколько областей распадется земля русская, какая губерния войдет в состав какой области, — этого мы не знаем: само народонаселение должно решить этот вопрос. Мы требуем полной независимости Польши и Литвы, как областей заявивших свое нежелание оставаться соединенными с Россией... Мы требуем доставления всем областям возможности решить по большинству голосов, желают ли они войти в состав федеративной республики Русской...» [7].

Нечто сходное, но более радикальное предлагает русскому народу и программа «Земли и воли»: «В состав теперешней Российской империи входят такие местности и даже национальности, которые при первой возможности готовы отделиться, как-вы, например, Малороссия, Польша, Кавказ. Следовательно, наша обязанность — содействовать разделению теперешней Российской империи на части соответственно местным желаниям» [8].

В основе достижения целей таких программ был принцип вседозволенности, который во главу угла поставил убийство как удостоверение высшего презрения живой, не только чужой, но и своей жизни. Эта эпоха покушений длилась до 1905 г., и хотя русские террористы группировались в союзы и общества, каждый террористический акт имел сугубо личностную окраску, и индивидуальны были не только переживания исполнителя, но и методы совершения актов.

Каким же конкретно был этот новый тип русского террориста? Чтобы ответить на этот вопрос, лучше всего обратиться к самим террористам, которые, как это ни странно, сами старались рассказать о себе как можно больше. Почти у всех оказалась непреодолимая тяга к художественному слову. Некоторые, как Борис Савинков, писали романы, другие, как Феликс Дзержинский, — дневники и воспоминания.

Савинков о себе писал в своем романе «Конь бледный»: «Я не верую в рай на земле, не верую в рай на небе. Я не хочу быть рабом, даже рабом свободным. Вся моя жизнь — борьба. Я не могу не бороться. Но во имя чего я борюсь — не знаю. Я так хочу. И я пью вино цельное» [9]. В конце своей

политической карьеры Савинков в недоумении пишет: «Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации ПСР (Партия социалистов-революционеров (эсеров).), друг и товарищ Егора Созонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве, великого князя Сергея Александровича, участник многих других террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа, во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках» [10].

Савинков оказался не только конструктором русского терроризма, его исследователем в духовном плане, он стал зачинателем нового жанра в русской литературе — жанра философско-психологического романа политического насилия. Этот жанр не заинтересован в насилии как в некоем факте. Его направленность на исследование терроризма как сложного психологического и политического явления. Насилие не представлено как изолированный акт, а как включение в общий процесс нарастания политического противостояния. Савинков был одним из самых информативных источников по части индивидуального террора. Он и другие русские писатели в начале XX в. выразили свою версию насилия в виде романов-автобиографий. В романе «Конь бледный» Савинков пишет: «Не убий!».. Когда-то эти слова пронзили меня копьем. Теперь... теперь они мне кажутся ложью. «Не убий», но все убивают вокруг. Льется «клюквенный сок», затопляет даже до узд конских. Человек живет и дышит убийством, бродит в кровавой тьме и в кровавой тьме умирает. Хищный зверь убьет, когда голод измучит его, человек — от усталости, от лени, от скуки. Такова жизнь. Таково первозданное, не нами созданное, не нашей волей уничтожаемое. К чему же тогда покаяние? Для того, чтобы люди, которые никогда не посмеют убить и трепещут перед собственной смертью, празднословили о заповедях завета?.. Какой кощунственный балаган!» [9].

Герой романа Жорж не понимает, почему ему говорят, что нужно любить и уважать человека, если нет ни любви, ни уважения в сердце. Он живет в мире, где правит закон насилия и ненависти. «Вот он, седой старик с бледной улыбкой на бескровных губах, — говорит Жорж о приговоренном им к смерти генерал-губернаторе. — Я ненавижу его точеный дворец, резные гербы на воротах его кучера, его охрану, его карету, его коней. Я ненавижу его золотые очки, его стальные глаза, его молитвы, его праздную жизнь, его сытых и чистых детей.

Я ненавижу его самого... Но что моя жизнь без террора? Что моя жизнь без борьбы, без радостного сознания, что мирские законы не для меня?» [9].

Здесь заключается основная ошибка террориста. Жорж считает, что законы не для него, но на самом деле он как раз и следует тем законам ненависти и насилия, которые закреплены в этом обществе. Нельзя убить, чтобы не убивали, и из насилия вывести любовь.

В духовной сфере каждого террориста царит смятение, так как все положения построены на ложных основаниях. Террорист даже не хочет себе признаться, что он, на самом деле, — обыкновенный убийца. Поэтому многие из них пытаются сами для себя конкретизировать и романтизировать свой собственный образ, который, как правило, расплывается. Годы спустя Сомерсет Моэм, знаменитый писатель и тайный сотрудник британской разведки, в разговоре с Савинковым заметил, что террористический акт, должно быть, требует особого мужества, на что Савинков возразил, что это такое же дело, как всякое другое. К нему тоже привыкаешь. Напускная бравада человека, носившего маску — сухое каменное лицо, презрительный взгляд безжалостных глаз.

В повести «То чего не было» Савинков пишет: «Болотов видел в терроре жертву и не задумывался над тем, что террор, кроме того, еще и убийство... Когда взрывалась удачная бомба, он был счастлив: был убит еще один враг. Он не понимал, что чувствует человек, когда идет убивать, и простодушно радовался тому, что в партии много людей, готовых умереть и убить» [10]. Эти слова подтверждают мысль, что в бездуховном мире, по мнению террористов, на убийстве лежит средство, восстанавливающее поправленную справедливость и карающую функцию. Террорист становится вершителем правосудия и исполнителем приговоров.

В России, как нам известно, были представители «белого террора» и «красного террора». Однако суть действий и тех и других одна: устрашение противника путем физического насилия, вплоть до уничтожения. Из некоторых «белых террористов» иногда выходили самые жестокие «красные террористы».

2. Феликс Дзержинский — между «белым» и «красным» террором

Известно, что к основным психологическим характеристикам террористов прежде всего относится постоянная готовность к самопожертвованию.

Отметим, что готовность к собственной смерти всегда считалась крайне важным достоинством в среде террористов любых стран, народов и вероисповеданий. Террорист счастлив возможности отдать свою жизнь и унести с собой на тот свет как можно большее число врагов. Для этого необходимо психологически преодолеть собственный страх смерти. Именно это происходит под влиянием тех или иных причин — психологических факторов, обладающих огромной суггестивной силой. Такими факторами могут быть некоторые идеи (например, религиозный фанатизм), сильные чувства (ненависть к врагу), эмоциональные состояния (так называемый кураж). Многие факторы возникают еще в раннем детстве. Чтобы понять психологию террориста начала двадцатого века, в качестве примера для нашего исследования мы выбрали Феликса Эдмундовича Дзержинского. Он, как и многие террористы тех времен, занимался литературным творчеством: писал воспоминания, дневники, письма.

Прежде всего, несколько фактов из биографии Дзержинского, которые могут объяснить его необыкновенную тягу к писательству. Феликс родился в 1877 г. в родовом имении «Держиново» Ошмянского уезда, Виленской губернии в большой и небогатой семье. В детстве он отличался необузданной вспыльчивостью, капризами, бурным темпераментом. Физически он был женственен и хрупок, очень походил на свою мать Елену Янушевскую, которая проводила с ним много времени, внушая ему идею Бога. Уже в детстве в нем зародился фанатизм — сначала религиозный, а в более зрелом возрасте — революционный. О Боге, по словам его брата, он говорил так: «Бог — в сердце. Да, в сердце!, а если я когда-нибудь пришел бы к выводу что Бога нет, то пустил бы себе пулю в лоб! Без Бога я жить не могу...» [11]. Показательно, что этот максимализм юный Дзержинский распространял на своих окружающих: молясь сам, заставлял испуленно молиться всех своих сестер и братьев. Это религиозное насилие испугало его мать и близкого семье ксендза, которые, видя в нем фанатика насилия, всеми силами отговаривали мальчика от карьеры католического священника, к которой тот стремился.

В 16 лет мировоззрение юного Феликса резко меняется. Об этом он пишет в своем дневнике: «Я вдруг понял, что Бога нет!» и дальше «Я целый год носился с тем, что Бога нет, и все это горячо доказывал!» [12]. В этих словах — «горячо

доказывал» — весь Дзержинский, который всю свою жизнь посвятил агитации, подчинению всех и разрушению всего, что не соответствовало его убеждениям. Этот резкий скачок от религиозности к атеизму произошел под влиянием брошюры «Эрфуртская программа», которую он прочел в кружке гимназистов Альфонса Моравского и которая стала его новой Библией.

Отказавшись от католических святых, Дзержинский уверовал в Каутского и Бернштайна, которые давали простой рецепт создания рая на земле. Он, по его воспоминаниям, тут же принял страстно проповедовать свои новые революционные взгляды, основанные на атеизме и марксизме, так, например, в гостях у дяди в имении «Мейшгалы» пытался разбудить «классовое сознание» прислуги. Позже в письме к сестре Альдоне он пишет: «... мне всегда приходит в голову мысль: почему пока только я один из нашей семьи вступил на этот путь? Как хорошо было бы, чтобы все! О, ничто не мешало бы нам жить, как братья, даже больше и ближе, чем братья» [12]. «В нем чувствовался фанатик, — вспоминает его сверстник-марксист, — настоящий фанатик революции. Когда его чем-нибудь задевали, вызывали его гнев или возбуждение, его глаза загорались стальным блеском, раздувались ноздри, и чувствовалось, что это настоящий львенок, из которого вырастет большой лев революции» [13].

Агитация требовала от Дзержинского четкой формулировки мысли, добиться которой ему помогала письменная тренировка в дневниках и письмах, кроме того именно так, описывая свою жизнь и чаяния, он стал создавать свой новый образ непреклонного и в то же время поэтически-чувствительного революционера, рыцаря, спасающего красоту мира. Один из его друзей вспоминал, что в юности Дзержинский напоминал им «какого-то героя из романов Сенкевича». В своих дневниках он часто заменял правду, которая не вписывалась в его концепцию, на красивую выдумку. Так, например, в 17 лет ему из-за неуспеваемости пришлось выйти из гимназии. В своем дневнике он объяснил, что, негодуя на преподавателя, который запрещал гимназистам говорить на родном польском языке, он восстал, оскорбил учителей, и полный собственного достоинства, навсегда покинул школьную парту: «Из гимназии выхожу сам добровольно в 1896 г., считая, что за верой должны следовать дела и надо быть ближе к массе, не ограничиваясь кружками» [14]. Он действительно

вышел из гимназии, но причиной тому были плачевные отметки. В частности, по русскому языку у него было неудовлетворительно, и в дальнейшем, несмотря на долгие годы в русской тюрьме и на общение с русскими товарищами, он так и не научился правильно говорить по-русски. В своей книге «Начало террора» Роман Гуль пишет о заседании совнаркома в Смольном 20 декабря 1917 г. (Дзержинскому исполнилось 40 лет): «Феликс Дзержинский говорил о терроре, о путях спасения заговорщицкой революции. В его изможденном лице, лихорадочно-блестящих глазах, заостренных чертах чувствовался фанатик. Он говорил трудно, неправильным русским языком с сильным польским акцентом и неверными ударениями. Говорил, волнуясь, торопясь, словно не сумеет, не успеет сказать всего, что надо» [13].

Гуль приводит слова Дзержинского, которые нам показывают, сколь было искажено сознание этого нового якобинца, облившего кровью всю Россию: «Революции, — почти кричал Дзержинский, — всегда сопровождаются смертями, это дело самое обыкновенное! И мы должны применить сейчас все меры террора, отдать ему все силы! Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции, юстиция нам не к лицу! У нас не должно быть долгих разговоров! Сейчас борьба грудь с грудью. Не на жизнь, а на смерть, — чья возьмет?! И я требую одного — организации революционной расправы!» [13, с. 48]. Это далеко не единственное доказательство, что ораторское искусство, несмотря на жажду проповедовать, не было сильной стороной Феликса, поэтому он предпочитал письменную форму выражения, причем на родном польском языке. Честолюбивый и мнительный, он страшно раздражался, когда не мог выразить свои мысли на русском языке и особенно в диалогах.

Так, например, на пятом году революции, когда ставился вопрос о том, за кем пойдут войска ГПУ, за Троцким или за Сталиным, и троцкист Преображенский продуманной речью стал склонять сочувствие собрания в сторону Троцкого, Дзержинский своей сбивчивой речью невольно изменил настроение собрания. Гуль пишет: «Тогда и выступил Дзержинский. Он волновался необычайно, речь была бессвязна. Дзержинский умолял своих чекистов не идти за Троцким и вдруг среди речи, совершенно не владея собой, повернувшись к Преображенскому, он истерически закричал: «Я вас ненавижу, товарищ Преображенский...!» и снова: «Я вас ненавижу, товарищ Преображенский!»

С Дзержинским начался припадок. Зато битва Сталина выиграна. Видя такое волнение шефа, чекисты покачнулись, и резолюция ЦК получила большинство» [13, с. 48]. Такая же картина повторилась и перед смертью Дзержинского, когда он, 20 июня 1926 г., захлебываясь и запинаясь, огрызаясь угрозами и ругательствами на наседавших не него Пятакова и Каменева, кричал в исступлении: «А вы знаете отлично, моя сила заключается в чем! Я не щаю себя никогда! И поэтому вы все здесь меня любите, потому что вы мне верите» [13, с. 49]. Как не похоже такое поведение на то, чему учил Дзержинский своих сотрудников: работа в ЧК требует железной воли, крепких нервов, ясной головы.

В своих дневниковых записях Дзержинский хочет отобразить глубинные основы своего характера, его главные душевные струны. В каждой записи старается углубить свой собственный образ, чтобы представить перед читателем законченный психологический портрет. Он не скуп на детали и нюансы, однако при чтении в сознании читателя возникает некая двойственность.

С одной стороны, очевидно желание автора заручиться любовью окружающих (и он делает все ради идейного увода душ и пленения умов). Отсюда в письмах и дневниках постоянно подчеркивается значимость чувств, в частности, любви, которая, по мнению автора, может сотворить чудо («Чье же, однако золото прокормит столько? Такое чудо может совершить лишь сердце, охватывающее миллионы своей любовью») В другом письме 1901 г. читаем: «Я хотел бы обнять своей любовью все человечество. Согреть его и очистить от грязи современной жизни» [12]. К счастью, эта любовь не обняла все человечество, а только многострадальную Россию. Описывая свои чувства, Дзержинский намечает план действия: «Я всей душой стремлюсь к тому, чтобы не было на свете несправедливости, преступления, пьянства, разврата, излишеств, чрезмерной роскоши, публичных домов, в которых люди продают свое тело или душу или и то и другое вместе; чтобы не было угнетения, братоубийственных войн, национальной вражды» [12] ... уверяет, что страдания рабочих находят в нем отклик и он, отбросив все, готов бороться вместе с ними за их освобождение.

А с другой стороны, он хочет выглядеть суровым борцом, неподверженным эмоциям. Так, в письме к сестре он декларирует: «Что же касается чувства, то могу сказать тебе: жизнь наша такова, что требует, чтобы мы преодолевали наши чувства

и подчиняли их холодному рассудку. Жизнь не допускает сантиментов, и горе тому, кто не в силах побороть свои чувства»

Действительно, в течение жизни Дзержинский успешно поборол свое сентиментальное отношение к рабочим, которых уже после революции он подверг массовым расстрелам. Радек говорил, что Дзержинский никогда не идеализировал рабочий класс, хотя в дневниках, нападая на интеллигенцию, сентиментально уверял, что ему по-настоящему хорошо только с детьми и рабочими. Но рабочие по-своему относились к пламенному агитатору. Так, например, в кабаке возле Стефановского рынка будущего главу ВЧК рабочие били бутылками. В другой раз рабочие с завода Гольдштейна, поймав пропагандиста, охваченного фанатической идеей, на темной улице, избили его еще серьезнее с нанесением ножевых ран в висок и голову. Дзержинский сам жаловался в дневнике на то, что во время его агитационной работы в Ковно, его за 10 рублей выдал жандармам какой-то рабочий-подросток.

Дневники Дзержинского изобилуют словами «борюсь», «борьба», «борцы», «борясь». Посылая письма сестре, он с пафосом пишет: «Правда, мало кто завидует нашей участи, но мы, видя светлое будущее нашего дела, видя и сознавая его мощь, сознавая, что жизнь избрала нас борцами, мы, борясь за это лучшее будущее, никогда, никогда не сменили бы своего положения на мещанское прозябание... Дело наше родилось недавно, но развитие его будет беспредельным, оно бессмертно» [12]. И ниже: «пока я не изношусь в борьбе, то есть пределом моей борьбы может быть лишь могила». Зачем Дзержинский пишет сестре эти пафосные строки, которая совершенно не разделяла его революционного настроения? Ответ может быть двояким: или же он пытался оправдать свое странное существование брата-неудачника, который почти десять лет кочевал из одной тюрьмы в другую, а оттуда на поселение, завися от денежных посылок родных и соратников, или же хотел оставить для потомков образ нового Данко (возможно, что он в тюрьме прочитал Старуху Изергиль Горького, написанную в 1894 г.), осветившего сердцем темный быт угнетенного рабочего класса. В октябре 1901 г. этот образ Данко окончательно оформился в его сознании. Он пишет сестре: «Но силы духа у меня хватит еще на тысячу лет, а то и больше... Я и теперь в тюрьме вижу, как горит неугасимое пламя: это пламя — мое сердце и сердца всех мои

товарищей, терпящих здесь муки». Образ любви-огня повсеместно встречается в его письмах и дневнике. Например, он пишет: «осталась только эта любовь, огонь, который горит в моей груди и направляет мои мысли на запад и на юг» [12]. В своих видениях совсем молодой Феликс выступает в облике мудрого старца-борца за народное счастье: «Ты хочешь знать, как я выгляжу, — пишет он сестре. — Постараюсь описать тебе как можно точнее: я так возмужал, что многие дают мне 26 лет, хотя у меня еще нет ни усов ни бороды: выражение моего лица теперь обычно довольно угрюмое и проясняется лишь во время разговора, но когда я увлекаюсь и начинаю слишком горячо отстаивать свои взгляды, то выражение моих глаз становится таким страшным для моих противников, что некоторые не могут смотреть мне в лицо: черты моего лица огрубели, так что теперь я скорее похож на рабочего, нежели на недавнего гимназиста, вообще я подурнел, на лбу у меня уже три глубокие морщины, хожу я, как и раньше, согнувшись, губы часто крепко сжаты, и к тому же я сильно изнервничался...» [12].

Ненависть к тюремщикам он подогревает этим надуманным образом старца, который «за свою короткую жизнь впитал столько различных впечатлений, что любой старик мог бы этим похвастаться». В 1901 г. пишет сестре: «Я выпил из чаши жизни не только всю горечь, но и всю сладость, и если кто-либо мне скажет: посмотри на свои морщины на лбу, на свой истощенный организм, на свою теперешнюю жизнь, посмотри и пойми, что жизнь тебя изломала, то я ему отвечу: не жизнь меня, а я жизнь поломал, не она взяла все из меня, а я брал все от нее полной грудью и душой» [12].

Хотя, если взять в руки фотографии Дзержинского, сделанные в Седлецкой тюрьмы, где ему 24 года, то можно увидеть совсем юного молодого человека, который своим обликом подтверждает, насколько литературный образ расходится с реальным.

В тюремном одиночестве Дзержинский фантазирует о себе, о будущей мести своим тюремщикам и всем тем, кто не разделяет его убеждения: «... когда буду на воле... тогда они заплатят за все... тогда померимся силами» [12].

Сам себе он кажется умным, ловким, решительным. Гордится своими побегами из поселений. Хотя, когда читаешь его Дневник заключенного, то удивляешься той беспечности, с которой

царизм относился к изоляции политзаключенных. Вот, например, как Дзержинский описывает свой первый побег: «... полночь пробила на церковной колокольне. Двое ссыльных потушили огонь в своей избе и тайком, чтобы не разбудить хозяев, выбрались через окно во двор... беглецы нашли лодку и тихонько сели в нее. Они были полны решимости и уверенности, что уйдут...», «... посматривали в сторону огней и смеялись в душе над тем, что никто там не знает, что их нужно ловить» [12]. Все весьма просто, никакой охраны. Но в воспаленном мозгу Дзержинского этот незамысловатый побег представляется чуть ли не героическим подвигом. О себе и своем товарище он пишет, что они чувствуют себя по-настоящему свободными, ибо сбросили оковы и не сидят добровольно на месте ссылки только потому, что царь им повелел там сидеть. Из биографии Дзержинского мы знаем, что его пребывание на воле было весьма непродолжительным. После побегов он постоянно попадал обратно в тюрьму. Хитрым и ловким он был только на страницах своих дневников и писем.

О самой тюрьме, в которой томился Дзержинский, мы можем узнать следующее из его письма: «Камера большая — 5 на 7 шагов (приблизительно 17 метров), большое окно с граненым стеклом, пища приличная, немного молока подкупаю сам. Прогулка 15 минут. Библиотека. Покупка два раза в неделю. Письма — полпочтового листка в неделю. Ванна раз в месяц. Сижку пока один» [15]. В десятом павильоне Варшавской цитадели Дзержинский наслаждается созерцанием роз: «Передо мной розы. Одна, розовая, почти совсем уже увяла, но зато две бело-желтые, с зеленоватым оттенком и пунцовая еще свежи, прелестны, ласкают мой глаз, я люблюсь ими, они доставляют мне большую радость» [12]. Как эта тюрьма не похожа на те, которые были впоследствии организованы им для врагов революции. Собственный образ в его записках не раз двойится. Иногда, как мы говорили, он видит себя, пожилым человеком, которого «смертельно утомила эта жизнь», и которому «... нужно было бы устраниться на некоторое время от этой культурной жизни куда-нибудь в пущу, в степь, в наши леса и деревенское затишье...» В другие моменты он видит себя сильным и молодым и уверяет, что «... хотел бы познать красоту в природе, в людях. В их творениях, восхищаться ими, совершенствоваться самому, потому что красота и добро — это две родные сестры. Аскетизм, который выпал на мою долю, так мне чужд» [12].

Подобные колебания объясняются тем, что Дзержинский постоянно находится в состоянии эмоциональных переживаний. На воле он живет, опасаясь попасть в руки противников, которых он ненавидит и презирает. В тюрьме он наблюдает за своими товарищами, которые «с душевной печалью прибегали к кровавым средствам», слышит их стоны и крики. Естественно, что такие противоречивые чувства часто сталкиваются между собой, приводя к внутренним конфликтам, которые предопределяют тяжелое состояние хронического эмоционального стресса. Для такого стресса характерны эмоциональная лабильность, легкость почти мгновенного перехода от одного эмоционального состояния к прямо противоположному.

Представляя из-за решетки больше не настоящее, а будущее и прошедшее, он рисует себе осязаемые образы. Отсюда на страницах такое большое количество глаголов «видеть», «слышать» и «чувствовать» «Перед моими глазами проходили различные образы прошлого и еще более яркие картины будущего, а в себе я чувствовал ужасную пустоту, которая все возрастала... Я почти ни с кем не мог хладнокровно разговаривать...» [12]. Или другая цитата из письма 1901 г.: «Я вижу его (цветка) богатые краски, ощущаю его роскошное благоухание, охватывающее все мое существо, я чувствую уже исходящее от него тепло и вижу его сияющий блеск и бриллиантовую игру лучей. И когда я всматриваюсь в этот цветок, то чувствую — чувствую всей душой, а не только понимаю разумом, — что это богатство красок, это все оживляющее благоухание, это тепло, и свет, и сияние, — все это — дети слез, страданий, печали и мук» [12].

В своем заточении Дзержинский ударяется в крайний сентиментализм, многократно описывает природу, небо, деревья: «Я слежу за небом. Иногда оно бывает совершенно ясное темно-голубое с востока, более светлое с запада. Иногда серое, однообразное и печальное: иногда мчатся тучи фантастическими клочьями — то блестящие как серебро, то серые, то темные, то легкие, то опять тяжелые страшные чудовища...» [12]. В своих письменных упражнениях железный Феликс проявляет большую склонность к патетике. Например, он пишет: «я пересылаю вам в письмах свое сердце, чувствуете ли вы, как оно бьется?» или «... им не удалось вырвать из моей души ни мысли о нашем крае, ни дела, за которое я борюсь, ни веры в его торжество; этой верой и тоской я живу и здесь, мысли бегут к братьям моим» [12].

Одной из его постоянных тем переписки и дневником становится тема семьи. На реплику сестры «вы не признаете семьи, чувство ваше сильнее ко всем вообще, нежели к отдельным людям, составляющим семьи», он отвечает целой филиппикой, в которой выступает борцом за крепкие семьи, заботящиеся о своем потомстве. О детях рабочих семей он пишет: «питаются они плохо, надзора за ними нет, а как только подрастут, они нередко должны взяться за работу раньше, чем за букварь, чтобы прокормить самих себя. Скажи, что может дать им семья?» Не знаю, — пишет он ниже, — почему я люблю детей так, как никого другого... В особенно тяжкие минуты я мечтаю о том, что я взял какого-либо ребенка, подкидыша, и ношусь с ним, и нам хорошо. Я живу для него, ощущаю его около себя, он любит меня той детской любовью, в которой нет фальши, я ощущаю тепло этой любви, и мне страшно хочется иметь его около себя... Часто-часто мне кажется, что даже мать не любит детей так горячо как я» [12]. Не надо забывать, что пишет это человек, который стал основным фактором создания армии беспризорных детей, родителей которых он одним росчерком пера отправлял на расстрел.

В своих письмах автор охотно дает сестре пафосные советы по воспитанию ее собственного сына: «... скажи Рудольфику, что благодаря нам его ждет лучшая судьба, что он сможет свободнее дышать, если захочет приложить силы к тому, чтобы одни не угнетали других и не жили за их счет, чтобы свергнуть золотого тельца, чтобы уничтожить продажность совести и ту темноту, в которую погружено человечество...» [12]. Рудольфик без всякой альтернативы должен был идти по пути своего дяди, а если нет, то тогда в ход идут угрозы: «Если все это не найдет отклика в его душе, если он будет жить исключительно для себя и заботиться только о своем собственном благополучии, то горе ему».

Говоря о детях, Дзержинский умиляется и начинает употреблять уменьшительные суффиксы: детки, ребятишки, овечка, Рудольфик, Ясик, ручки, гнездышко, глазки, сердечки и т. д. Заступается за детей, говоря о том, что нельзя к ним применять насилие: «Розга учит лицемерию и страху, чрезмерная строгость и телесные наказания никогда не могут желательным образом затронуть сердце и совесть ребенка, ибо для детских умов они всегда останутся насилием со стороны более сильного и привьют либо упрямство, даже тогда, когда

ребенок осознает, что он поступил плохо, либо убийственную трусость и фальшь...» [12]. Он, который со временем превращается во «всероссийскую розгу», учит сестру: «если из-за раздражения ты накажешь их, крикнешь на них, ударишь, то непременно извинись потом перед ними, приласкай их, покажи им сейчас же, дай почувствовать их сердечкам твою материнскую любовь к ним, согрей их, дай им сама утешение в их боли и стыде, чтобы стереть все следы твоего раздражения, убийственного для них» [12].

Склонный к дидактике Дзержинский имел прекрасную способность проверить свои методы на собственном сыне. Однако мы знаем, что Ян Дзержинский родился в тюрьме, потом находился в приюте, так как некому было за ним присмотреть и впервые увидел отца в восьмилетнем возрасте. О результатах воспитания можно судить по воспоминаниям Анатолия Рыбакова, лично знавшего сына Дзержинского: «В коридоре стояли стеллажи с открытыми ящиками, мы их называли «клетки». Каждый ученик имел свою клетку, где оставлял сумку, книги, тетради, забирая только нужное для очередного занятия. В одну клетку подбросил письмо ученик восьмого класса Ян Дзержинский, сын знаменитого чекиста, внешне, однако, не похожий на своего сурового отца: невысокий, полноватый, неуклюжий мальчик в очках, застенчивый, даже робкий, «тюфячок». «Кремлевских» мы не слишком охотно принимали в комсомол, нам казалось, что бытовое благополучие придает им некую буржуазность. В конце концов, конечно, принимали. И Яна Дзержинского приняли. Его письмо было озаглавлено так: «Всем, кто захочет читать». Ян писал, что его отец был великий человек, а он, Ян, чувствует свою неспособность приносить пользу обществу, свою ненужность: письмо подростка, трудно переносимого переходный возраст» [12, с. 98]. В Яне Дзержинском очевидно выработался комплекс неполноценности, его сломала непреклонность и агрессивность авторитарного отца, которого, по его словам «никакие препятствия никогда не останавливали» и который всегда и всем навязывал свое мнение, не церемонясь со средствами.

Логика Дзержинского, как и логика многих других террористов, трудно поддается однозначной научной интерпретации. Во-первых, она слишком эмоциональна: подчас эмоции в ней занимают большее место, чем логика как таковая. Во-вторых, эта логика, искаженная с точки зрения чисто

формального анализа: из тех или иных посылок не всегда следуют адекватные выводы. В-третьих, это явно моноидеическая логика: в ней все подчинено террору, и любой вопрос, рано или поздно, приходит именно к нему. Как правило, логика террориста — это логика верующего человека. Он верит в идею, которой служит, верит в саму идею служения, верит, наконец, в свою высочайшую миссию. И здесь ему не нужны рациональные доказательства. Об искаженной логике террористов говорит еще один интересный факт. Они практически не могут вести диалог: способны либо выслушать только того, кого они считают для себя авторитетным, либо, напротив, способны на произнесение длительных собственных монологов. Это свидетельствует об авторитарности и вместе с тем ригидности мышления.

Все это весьма характерно для дневников-монологов Дзержинского, который после революции быстро отбросил все рассуждения о любви, душевности, сердечности и подобрал себе далеко не сентиментальных помощников, чтобы подтвердить фанатичное убеждение в своих идеях. Новой целью стало формирование в общественном сознании образа врага-контрреволюционера, меньшевика, шпиона, вредителя, кулака и т. д., которого следует уничтожить и оценить это деяние как подвиг во имя освобождения своего народа. Дзержинскому, в силу его характера, необходимо действовать. Бездействие приводит его в крайне агрессивное состояние. Так, например, он пишет из тюрьмы: «Бесмысленность моей теперешней жизни — полное бессилие моих дум и чувств и ненужность — прямо душит меня. Нечем здесь забыться. Варишься в собственному соку и порой кажется от этого вечного напряжения, что становишься неспособным мыслить, чувствовать и работать; ненавидишь самого себя, и злоба кипит в душе» [16].

Вырвавшись на волю и став председателем ВЧК, он осознает, что совершает террористический акт, убивает людей и уничтожает имущество, но он желает возникновения таких последствий. Таким образом, он идет на преступление с прямым умыслом, с убеждением в своей правоте. Дзержинский воплощает образ террориста-патриота, который до исступления предан своим идеям, крайне подозрителен, хладнокровен, уверен в своих силах, находится в постоянной готовности к совершению теракта. К окружающим относится подозрительно, при случайном контакте

с людьми вспыльчив, агрессивен. Отмечается также высокомерное и пренебрежительное отношение к окружающим. Если противоречить такому террористу, можно заметить возрастание состояния эмоциональной напряженности и враждебности, о чем могут свидетельствовать угрюмый и угрожающий взгляд, плотно сжатые губы, скрип зубами, суженные зрачки глаз, учащенное дыхание, сжатые в кулак руки.

Читая воспоминания Дзержинского, мы легко обнаруживаем эти эмоциональные агрессивные всплески, которые впоследствии приведут к стольким жертвам красного террора. Например, он описывает свое состояние во время разговора в тюрьме с неким полковником: «Сегодня опять был у меня полковник. Когда я его видел, я весь задрожал, словно почувствовал противное, скользкое прикосновение змеи к своему телу. Он пришел с тем, чтобы любезно сообщить, что мое дело передано в военный суд и что обвинительный акт уже послан мне... во время этого непродолжительного разговора я чувствовал, что по мне как бы ползет змея, опоясывает меня и ищет, за что зацепиться, чтобы овладеть мной... я почувствовал на себе грязь, человеческую грязь... Зло, словно раскаленными железными клещами, рвет и жжет живое тело живого человека и ослепляет его. Оно заслоняет весь мир, чтобы каждую частичку, каждое дыхание, каждый атом наполнить болью — ужасной болью» [12]. Такое описание может показаться тревожным симптомом наступающей зоопсии, когда зрительные галлюцинации проявляются появлением образов, которые существуют только в сознании психически нездорового человека.

После революции образ врага вызовет в нем не менее сильные чувства, поэтому Дзержинский так добивался права казни без суда и следствия и подбирал себе соответствующих помощников-палачей. Таких, например, как двадцатилетняя женщина-палач Дора Евлинская, которая собственноручно в одесской ЧК казнила 400 белых офицеров. Или другой соратник — Петр Иванович Магго, на личном счету которого десять тысяч убитых людей.

Читаем свидетельство от 29 июня 1919 г. расстрелов в Екатеринодаре: «На двух улицах и в подвалах некоторых домов были вырыты коридоры, к концу которых ставили расстреливаемых и, когда они падали, их присыпали землей. [...] На другой день на том же месте расстреливали следующих, затем опять присыпали землей и так до верху.

Потом начинался следующий ряд этого же коридора. [...] В одном из таких коридоров лежало до 2 000 расстрелянных. Некоторые женщины расстреляны только потому, что не принимали ухаживаний комиссаров. В подвалах находили распятых на полу людей и привинченных к полу винтами. У многих женщин была снята кожа на руках и ногах в виде перчаток и чулок и вся кожа спереди» [17].

Все эти зверства проходили под лозунгом «чистые руки». Заместитель Дзержинского по ВЧК Петерс относительно расстрелов в одной из бесед говорил: «то я должен сказать, что вопреки распространённому мнению, я вовсе не так кровожаден, как думают. Напротив, если хотите знать, я первый поднял вопль против красного террора в том виде, как он проявился в Петербурге. К этому, я бы сказал, истерическому, террору, прикосновенны больше всего те мягкотелые революционеры, которые были выведены из равновесия и стали чересчур усердствовать» [18].

По всей видимости, Ленин и Дзержинский как раз и относились к этим «мягкотелым революционерам», что видно из письма Дзержинского от 19 декабря 1919 г. и ответа Ленина: «В Ростове захвачены в плен 300 000 казаков войска Донского. В районе Новочеркаска удерживается в плену более 200 000 казаков войска Донского и Кубанского. В городе Шахты, удерживается более 500 000 казаков. За последнее время сдались в плен около миллиона казаков. Прошу санкции. Председатель ВЧК Дзержинский». На что получает резолюцию Ленина: «Расстрелять всех до одного» [19].

Красный террор, развязанный Дзержинским и его ведомством, распространялся не только на офицеров и гнилую интеллигенцию, которую он так не любил и о которой писал: «в настоящее время интеллигентская среда убийственна для души. Она влечет и опьяняет, как водка, своим мнимым блеском, мишурой, поэзией формы, слов, своим личным чувством какого-то превосходства... *Под террор попали и выходцы из среды бывших угнетенных, которые вместе с Дзержинским делали эту революцию и о которых он восторженно писал:* «находки Германа Назарова сила, наша идея, без лицемерия, без противоречий между словом и делом» [12].

И для тех и для других он выбирает право расстрела. «Право расстрела для ЧК чрезвычайно важно», — настаивал Дзержинский, создавая беспощадную и кровавую систему подавления политических противников. Еще ребенком он, по

его же свидетельству, мечтал о шапке-невидимке, которая позволила бы ему безнаказанно перебить всех «москалей». Мечта его сбылась: ВЧК стала для него такой шапкой. Несмотря на его уверения в том, что он является атеистом, интернационалистом, честным и неподкупным солдатом революции, он миловал польских ксендзов, но расстреливал русских священников (с 1917 по 1930 г. было убито 89 православных священников), отнимал нажитое добро у всех кого можно, но пересылал своей сестре фамильные ценности из Дзержинова. В своем дневнике, где он рассуждает о своей возлюбленной Маргарите Николовой, Дзержинский пишет. «Как это М. может со мной дружить? Разве я такой ловкий актер? Мне кажется, что рано или поздно мы не то что поссоримся, а она, узнав меня, прямо прогонит меня. Так должно случиться. А теперь для нас полезно не рвать своих товарищеских отношений». Наверное, он все-таки не был очень ловким актером, потому что его неприкрытый цинизм испугал даже его облитых кровью соратников.

После революции его новой маской становится образ солдата. Он не вылезает из солдатской шинели, хотя никогда не был на фронте. В августе 1918 г. он пишет жене: «Мы — солдаты на боевом посту. И я живу тем, что стоит передо мной, ибо это требует сугубого внимания и бдительности, чтобы одержать победу. Моя воля — победить, и, несмотря на то, что весьма редко можно видеть улыбку на моем лице, я уверен в победе той мысли и движения, в котором я живу и работаю. А здесь танец жизни и смерти — момент поистине кровавой борьбы, титанических усилий» [12]. В письмах он называет себя вечным скитальцем, солдатом революции, пущенным из пращи камнем: «Я захожусь в самом огне борьбы. Жизнь солдата, у которого нет отдыха, ибо нужно спасать наш дом. Некогда думать о своих и себе. Работа и борьба адская. Но сердце мое в этой борьбе осталось живым, тем же самым, каким было и раньше. Все мое время — это одно непрерывное действие... Мысль моя заставляет меня быть беспощадным и во мне твердая воля идти за мыслью до конца... Гражданская война должна разгореться до небывалых размеров. Я выдвинут на пост передовой линии огня, и моя воля — бороться и смотреть открытыми глазами на всю опасность грозного положения и самому быть беспощадным» [12].

Если вначале в дневниках Дзержинского, написанных в условиях связанных с лишением свободы,

их функцию можно назвать «заместительной», то есть отражающей потребность в самовыражении в экстремальных жизненных обстоятельствах, основными событиями которых являются факты душевной жизни повествователя, то в конце жизни тон его писем и заметок резко меняется: исчезают пространственные описания, включаются события, свидетелем и творцом которых он непосредственно являлся. В своих дневниках и воспоминаниях Дзержинский, как и любой другой автор дневников, предстает одновременно субъектом и объектом повествования. Однако, если мы будем говорить о градации его образа, степени его явленности, то можем со всей определенностью отметить его абсолютное господство над всеми явлениями и образами.

3. Заключение

Исследовав дневники и письма Дзержинского, мы приходим к выводу, что в его жизни существовал ряд личностных предрасположенностей, которые стали побудительными мотивами на превращение его в последовательного и беспощадного террориста. Среди таких факторов можно выделить следующие:

- агрессивную концепцию внешней среды, чему способствовала его любимая мать, которая считала, что русские желают полякам только зла;
- сверхсосредоточенность на защите своего Я и постоянно агрессивной оборонительной готовности. (В семье он только один не получил никакого образования и считался неудачником.) В дальнейшем переживание социальной несправедливости у Дзержинского сочетается со склонностью проецировать на общество причины своих неудач;
- переоценка собственной значимости, неустойчивое настроение, стремление избежать социального контроля. Отсюда стремление предстать в облике пророка, попытаться сломать социальные установки общества;
- элементы расщепления личности из-за недостаточной личностной идентичности. Что выражается в создании образов-масок;
- поиск острых ощущений в форме игры со смертью, что вытекает из его подпольной деятельности и постоянных побегов из тюрем.
- социальная изолированность и отчужденность, ощущение нахождения на обочине общества и большая потребность в присоединении к группе, то есть стремление к групповой

идентификации. Отсюда раннее вступление в партию и стремление к коллективной деятельности. Вообще вера в коллективный фактор (революцию, родину, народ, социальную справедливость) является необъемлемой частью мировоззрения террора, ибо исполняет его важнейшую функцию: духовного оправдания и обоснования смертоубийства.

Все перечисленные факторы обуславливают наиболее распространенное эмоциональное состояние террориста — настороженность, которая так характерно для Дзержинского. Феномен настороженности проявляется в постоянной готовности к отражению угрозы нападения, повышенным уровнем бодрствования и концентрацией внимания на малейших изменениях всех, прежде всего физических, параметров окружающей среды (в дневниках бесконечные описания природы и жизни товарищей по тюрьме). Внешне заметная постоянная подозрительность проявляется в непрерывном делении всех окружающих на «своих» и «чужих». При этом «чужой» априорно идентифицируется с отвратительным и чуждым «образом врага» (например, случай с соседкой по тюрьме Ганкой). Любопытно, что при подтверждении того, что «чужой» — на самом деле «свой», характер отношений резко меняется на массивные проявления доверия и открытости (иногда чрезмерные). Это говорит о резкой поляризации эмоций и об эмоциональной лабильности террориста.

Разумеется, приведенные факторы не являются универсальным психологическим профилем личности террориста, но во многом объясняют патологический компонент их отклоняющегося поведения. Каждый террорист — далеко не обязательно параноик и психопат. Наоборот, чаще всего это нормальный человек, нашедший себя на ненормальном пути и потому ставший впоследствии ненормальным.

Литература

1. Балагуров Я. А. Автор «Молодой России» (О Петре Григорьевиче Заичневском) // Вопросы истории. — 1972. — № 7. — 203 с.
2. Пирумова Н. М. Бакунин или С. Нечаев? // Прометей. — 1968. — № 5–178 с.
3. Из справки [одесского губернского жандармского управления] начальнику верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликову показаниях террориста Г. Гольденберга // Хронос. [Электронный ресурс] URL: <http://>

- www.hrono.ru/dokum/1800dok/18800324gold.html (дата обращения: 18. 11. 2013).
4. *Стариков Н.* От декабристов до моджахедов. — СПб.: Питер Пресс, 2008. — 288 с.
 5. *Плеханов Г. В.* Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям). Соч. 3-е изд. Т. III. — М.; Л.: 1928. — 202 с.
 6. *Лурье В.* Воспоминания [Электронный ресурс] URL: magazines.russ.ru/authors/l/vlure (дата обращения: 18. 11. 2013).
 7. *Заичневский П.* Молодая Россия [Электронный ресурс] URL: <http://revlib.narod.ru/molod.html> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 8. Программа «Земли и воли». Май 1878 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/zemvol.htm> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 9. *Савинков Б.* Конь бледный [Электронный ресурс] URL: lib.rus.ec/b/81267 (дата обращения: 18. 11. 2013).
 10. *Савинков Б.* То, чего не было [Электронный ресурс] URL: bookmate.com/books/KEDG3i5l (дата обращения: 18. 11. 2013).
 11. О Феликсе Дзержинском: Сборник [Электронный ресурс] URL: readr.ru/sbornik-ofelipse-dzerghinsk.com.html (дата обращения: 18. 11. 2013).
 12. *Дзержинский Ф. Э.* Дневник заключенного. Письма. Автобиография. [Электронный ресурс] URL: fdzerzhinsky.narod.ru/dnevndz.htm (дата обращения: 18. 11. 2013).
 13. *Гуль Р.* Дзержинский. Начало террора / Российский летописец. — М.: Книга 1991 г. — 60 с.
 14. *Дзержинский Ф. Э.* Автобиография. [Электронный ресурс] URL: <http://www.uhlib.ru/istorija/chekisty/p2.php> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 15. *Дзержинский Ф. Э.* Побег из Сибири. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rulit.net/books/dnevnik-zaklyuchennogo-pisma-read-95131-8.html> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 16. *Рыбаков А.* Роман-воспоминание. М.: Варгиус. — 1997. — 98 с.
 17. Сводка сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков. [Электронный ресурс] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-79901.html?page=16> (дата обращения: 18. 11. 2013).
 18. *Симбирцев И.* ВЧК в денинской России. 1917–1922: В зареве революции. [Электронный ресурс] URL: http://www.plam.ru/hist/vchk_v_leninskoi_rossii_1917_1922_v_zareve_revoljucii/p3.php#metkadoc2 (дата обращения: 18. 11. 2013).
 19. *Назаров Г.* Письмо Дзержинского Ленину. Архивные находки. [Электронный ресурс] URL: http://www.orthomed.ru/ftproot/abort_mr/books/history/articles/nazarov2.htm (дата обращения: 18. 11. 2013).

Философия в профессиональной деятельности / отв. ред. проф. А. Н. Чумаков: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2013. — 416 с.

ИНОЗЕМЦЕВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ, кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и психология» Университета машиностроения «МАМИ»

E-mail: Inozem_63ë@mail.ru

Данное учебное пособие, написанное авторским коллективом кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ, является дополнительным разделом к базовому курсу философии («Философия: Учебник // под редакцией профессора А. Н. Чумакова. М., 2013»).

Содержание дополнительного раздела к базовому курсу по философии, именуемого «Философские проблемы в области профессиональной деятельности», определяется каждым вузом в отдельности в рамках общеобразовательных программ соответствующего направления или специальности подготовки. К сожалению, в большинстве отечественных вузов до сих пор отсутствуют оригинальные учебные пособия по указанному дополнительному разделу.

Работа «Философия в профессиональной деятельности» представляет собой актуальное, добротное, высокопрофессиональное и серьезное учебное пособие по дополнительному разделу к базовому курсу философии для студентов и аспирантов Финансового университета при Правительстве РФ и других аналогичных вузов. Оно призвано восполнить недостаток в подготовке специалистов, связанный с корреляцией знаний, полученных при изучении базового курса философии и конкретных направлений профессиональной деятельности, в области которых студенты и аспиранты получают подготовку в вузе.

Особое внимание хотелось бы обратить на оригинальную структуру учебного пособия. В первом его разделе «Основы систематической философии» представлен дополнительный материал к основному курсу по философии, призванный расширить представление студентов и аспирантов о многообразии философских проблем и областей философского знания. В этом разделе пособия присутствуют темы по философии

природы, философии науки, этике, эстетике, философским проблемам естествознания, философии культуры и ряду других разделов философии. Изучение философии в современную эпоху предполагает не только освоение студентами и аспирантами базового курса, но и освоение дополнительного раздела к базовому курсу по философии, что нашло достойное отражение в первом разделе учебного пособия.

Во втором разделе пособия «Философские проблемы профессиональной деятельности» представлен анализ актуальных философских проблем для всех направлений подготовки специалистов, которые имеются в Финансовом университете. Данный раздел учебного пособия непосредственно призван способствовать улучшению понимания и усвоения студентами и аспирантами Финансового университета и других аналогичных вузов философских проблем в их профессиональной деятельности.

К числу несомненных достоинств пособия хотелось бы отнести стиль и логику изложения материала, его компоновку, серьезное и кропотливое изучение теоретических и методологических проблем философии. В конце каждого раздела учебного пособия указана рекомендованная для дополнительного погружения в тему литература, соответствующая современным представлениям о специфике изучаемого данной дисциплиной круга проблем. Авторское видение дополнительного раздела к базовому курсу философии учитывает особенности предмета изучения, уровень подготовки студентов и аспирантов Финансового университета и других аналогичных вузов, их профессиональные интересы.

В качестве критических замечаний отметим следующие: во-первых, тему «Философские проблемы математики» из раздела 2желательно было бы перенести в раздел 1, так как близкая ей тема «Философские проблемы

естествознания» присутствует именно в первом разделе пособия. Во-вторых, раздел 1, где имеются такие темы, как «Этика», «Эстетика», «Философия культуры» и другие, на мой взгляд, в следующем переиздании учебного пособия следует дополнить темами: «Логика», «Философия сознания» и «Теория познания». Во второй же раздел учебного пособия, по моему мнению, имело бы смысл, по аналогии с темой «Философские основания экономической науки», ввести тему «Философские основания юридической науки». В-третьих, возможно было бы увеличение объема некоторых тем учебного пособия, например, «Философия науки»,

«Философия искусственного интеллекта» и «Философские основания экономической науки».

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки учебного пособия «Философия в профессиональной деятельности», являющегося одним из наиболее интересных и своевременных пособий по данной дисциплине.

Хотелось бы порекомендовать данное учебное пособие в качестве дополнительного материала для углубленного изучения студентами и аспирантами основного курса философии и совершенствования полученных при изучении данного курса знаний в их профессиональной деятельности.

Технологии обучения языкам и диагностика речевого развития

ГАНИНА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык» Финансового университета.
E-mail: el.ganina2012@yandex.ru.

ФЕДОРОВА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, кандидат филологических наук, заместитель заведующей кафедрой, доцент кафедры «Русский язык» Финансового университета.
E-mail: ea.fedorova@gmail.com

В Минске 13–14 сентября 2013 г. в Белорусском государственном экономическом университете в рамках программы «Региональные конференции по поддержке и сохранению русского языка для соотечественников» прошла XVIII Международная научно-практическая конференция «Технологии обучения языкам и диагностика речевого развития», посвященная 30-летию кафедры «Русский язык». Конференция была организована Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Белорусским республиканским объединением преподавателей русского языка как иностранного (БООПРЯИ), Белорусским государственным экономическим университетом (БГЭУ), Департаментом внешнеэкономических и международных связей Правительства Москвы, издательством «Златоуст». В работе конференции приняли участие представители вузов Белоруссии, Украины (Киев, Харьков, Одесса), России (МГУ, Финансовый университет, МГИМО), Молдовы (Кишинев).

Заведующая кафедрой «Русский язык» доцент Е. В. Ганина, заместитель заведующего кафедрой «Русский язык» кандидат филологических наук доцент Е. А. Федорова выступили на Пленарном заседании с докладом на тему «Активные методики как лингводидактическая основа разработки профессионально ориентированных учебных пособий», а также приняли участие в работе секции «Содержание профессионально ориентированных моделей обучения и теоретические основы создания профессионально ориентированных учебных пособий».

Основные положения доклада касались вопросов создания инновационного методического обеспечения, направленного на оптимизацию сферы вузовского РКИ (дисциплины «Русский язык как иностранный / неродной»). В системе

экономического вуза ведущей сферой приложений педагогических усилий является учебно-профессиональная сфера: учет особенностей языка специальных и общеобразовательных дисциплин, обучение функциональной грамматике, поиск оптимизированных путей усвоения студентами терминологических подсистем.

Кафедра «Русский язык» Финансового университета, ведущая свою историю с 1946 г., располагает значительным опытом разработки и практического применения эффективных лингводидактических технологий и конкретных педагогических приемов при работе с дифференцированным иностранным контингентом. Базовый принцип создания современного лингвометодического обеспечения в профессиональной сфере — опора на систему гуманистической педагогики, в первую очередь внедрение активных методик, учитывающих особенности личности, развивающих речемыслительный потенциал, погружающих обучающихся в комфортную коммуникативную среду.

Необходимо систематически вести данную работу, корректируя и обновляя лингвометодический контент и соблюдая следующие важнейшие принципы: 1) учет преемственности этапов и системность аспектов обучения; 2) опора на межкафедральное (междисциплинарное) сотрудничество; 3) отбор и минимизация текстового и лексико-грамматического материала, методическая аранжировка в соответствии с программными требованиями каждого этапа обучения; 4) выявление лингвистической специфики подязыка конкретной специальной или общеобразовательной дисциплины, ориентация на направление и профиль обучения; 5) организация самостоятельной (индивидуализированной) подготовки, в частности, в виртуальной среде; 6)

целесообразное сочетание методических традиций и инноваций.

Практическим воплощением данных принципов стали конкретные учебные пособия, рабочие тетради, практикумы тестовых заданий (в том числе в виде электронных тренажеров), созданные на кафедре за последние пять лет (информация отражена в ряде публикаций в российских и зарубежных научных изданиях). Доклад, сопровождавшийся информативной красочной презентацией, продемонстрировал высокий научный уровень лингводидактики в Финуниверситете и вызвал искренний интерес присутствующих преподавателей, методистов, работников высшей школы.

Начальник Управления по работе с иностранными обучающимися Финуниверситета доцент С. В. Бежанова выступила с докладом на тему «Воспитание культуры толерантности и национального самосознания в студенческой полиэтнической среде».

На конференции также рассматривались проблемы функционирования русского языка на международном рынке иностранных языков (главный

редактор издательства «Златоуст», кандидат филологических наук А. В. Голубева), разработки новой версии теста по РКИ (директор Центра тестирования иностранных граждан по русскому языку МГУ, кандидат филологических наук, доцент Н. П. Андрушина), системы подготовки преподавателей русского языка как иностранного (заведующая кафедрой «Прикладная лингвистика» БГУ, кандидат филологических наук Л. Ф. Гербик), модернизации учебно-методического обеспечения учебного процесса с иностранными студентами как составляющей повышения качества обучения (заведующая кафедрой русского и белорусского языков БГЭУ, доцент И. Э. Федотова) и др.

В итоговом документе было выражено солидарное мнение: состоявшийся широкий обмен накопленным опытом позволит вступить в новый этап профессионального сотрудничества, оптимизировать пути создания инновационных лингводидактических продуктов на межвузовской основе.

Конференция завершилась большим интернациональным концертом в честь юбилея кафедры русского языка.

Инновационная работа по философии

Презентация книги

«Философия в профессиональной деятельности» / отв. ред. проф. А. Н. Чумаков: учебное пособие. — Москва: Проспект, 2013. — 416 с.

ИОСЕЛИАНИ АЗА ДАВИДОВНА, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета.

E-mail: aza-i@yandex.ru

РАТНИКОВ ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета.

E-mail: philos.fa@mail.ru

Заметным явлением в жизни философского сообщества стало появление подлинно инновационного труда «Философия в профессиональной деятельности», созданного коллективом преподавателей кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ под руководством профессора А. Н. Чумакова, презентация которого состоялась 28 ноября 2013 г. в Финансовом университете.

Главная цель ее создателей — способствовать лучшему усвоению студентами и аспирантами различных форм и направлений обучения философских проблем в области их профессиональной деятельности. На наш взгляд, авторам удалось найти адекватную форму и структуру подачи материала, что позволило реализовать указанный основной замысел работы. Учебное пособие состоит из двух разделов.

Первый раздел: «Основы систематической философии» написан с целью расширить представление обучающихся о многообразной палитре проблем, составляющих основу и содержание систематической философии. В нем представлен весьма содержательный, теоретически глубокий анализ многих актуальных проблем философии, которые волнуют сегодня не только авторов текстов (а это хорошо чувствуется при их чтении), но, что особенно важно, студенческую среду. Данный раздел охватывает широкий спектр проблем от «философии природы» до «философских проблем человека» и внутри этого диапазона включает такие актуальные и интересные темы, как философские проблемы культуры, творчества, науки, искусственного интеллекта, естествознания, научно-технического прогресса. Помимо этого в пособии данного жанра нельзя

было обойтись без рассмотрения таких тем, как предмет и специфика философского знания, метафизика и диалектика, этика и эстетика. На все эти вопросы студенты и аспиранты найдут доходчивые, квалифицированные и очень часто нетривиальные ответы.

Второй раздел: «Философские проблемы профессиональной деятельности» заслуживает особого внимания, поскольку он посвящен непосредственно философским проблемам профессиональной деятельности и охватывает все направления подготовки специалистов, которые имеют место в Финансовом университете при Правительстве РФ в виде соответствующих факультетов и учебных подразделений. Этот раздел включает разнообразные темы от философии экономики до профессиональной этики. Философские основания экономической науки, философия политики, права, религии, истории, управления, налогов, математики, этика бизнеса и деловых отношений — все эти темы рассмотрены в работе ярко, доходчиво и интересно. Раскрытие всех этих вопросов — заслуга авторов пособия и их реальный вклад в создание учебников и учебных пособий по философии нового поколения.

Высококвалифицированный авторский коллектив ученых-философов Финансового университета при Правительстве РФ, создав представляемое инновационное произведение, на деле доказал, что философия действительно есть «светоч практической профессиональной деятельности человека». Издано учебное пособие нового формата, аналога которого среди российской учебной литературы по философии нет, именно это обстоятельство и обеспечило книге огромный спрос и интерес к ней.

Можно с уверенностью сказать, что представленное учебное пособие является «первой ласточкой», предтечей тех учебников и учебных пособий по философии, которые необходимо еще создать. В появившихся уже рецензиях на книгу подчеркивается ее большая актуальность и оригинальность. В частности, о пособии отзываются следующими словами: «Пособие послужит хорошим примером для различных вузовских преподавательских исследовательских коллективов, поможет им найти своё место в практике современной подготовки специалистов высшего звена» (доктор философских наук, профессор С. М. Халин), «заслуживает признательности труд авторов, взявших на себя нелегкую задачу мировоззренческой ориентации будущих специалистов в их профессиональной деятельности» (доктор философских наук, профессор В. Н. Лавриненко). И подобного рода отзывы можно было бы продолжить.

На презентации присутствовали как представители разных кафедр Финансового университета, так и гости из разных вузов. Среди гостей был директор издательства «Прспект», кандидат юридических наук Л. В. Рожников, который вместе со своим коллективом взял на себя ответственность в кратчайшие сроки издать хорошо оформленную книгу, и с этой задачей издательство блестяще справилось.

«Праздник книги» открыл ответственный редактор пособия заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ доктор философских наук, профессор А. Н. Чумаков, который рассказал, как родилась идея создания этой уникальной книги и какая научная, творческая и организаторская работа привела к ее изданию. Особое внимание он обратил на то, что книга является инновационным продуктом и отвечает стандартам третьего поколения. По своей сути и содержанию пособие есть «практическая философия». Вместе с тем выступающий отметил, что сегодня практически нет специальной учебной литературы, которая бы целенаправленно раскрывала философские проблемы в области профессиональной деятельности тех или иных учебных заведений. В итоге студентам, изучающим основной курс философии, порой достаточно трудно понять актуальность философской проблематики применительно к решению насущных задач современности. Еще большую сложность могут представлять вопросы, связанные с соотношением курса философии и тех

конкретных направлений профессиональной деятельности, в области которых студенты получают подготовку. При этом, чем дальше от гуманитарного знания отстоит основная специализация того или иного высшего учебного заведения, тем более остро встают такие вопросы. В стремлении преодолеть этот недостаток в области подготовки, прежде всего, финансистов, экономистов и смежных с ними специальностей, представленных в Финансовом университете при Правительстве РФ, преподавательский коллектив кафедры «Философия» проделал большую работу, подготовив данное учебное пособие. При этом авторы ставили перед собой задачу решения довольно сложных проблем, таких, например, как формирование и развитие у изучающих философию интереса и способности к использованию в познавательной и профессиональной деятельности базовых знаний в области гуманитарных наук, выработка умения выстраивать и реализовывать перспективные линии интеллектуального, культурного, нравственного и профессионального самосовершенствования, развитие способности к социальной адаптации и др.

В последующих затем выступлениях ораторы искренне приветствовали выход в свет представленного издания, высказывая свое одобрение проделанной авторами пособия работы и высоко оценивая содержание этого поистине инновационного труда.

Свое восхищение работой, выполненной авторами книги, ее структурой и содержанием высказал заведующий кафедрой «Статистика» финансового университета профессор В. Н. Салин. Он, в частности, обратил внимание на то, что философия всегда находится в научной системе координат, любая диссертация начинается с философских подходов и общей методологии науки, и учебное пособие, созданное коллективом кафедры «Философия», несомненно, будет способствовать лучшему осмыслению проблем в любой профессиональной области знания. Выступающий также отметил, что не только материалы исследований статистики используются в социальной философии, но и философия, раскрывая методологические принципы научного исследования, способствует развитию статистики как науки. Профессор В. Н. Салин высказал пожелание расширить пособие, добавив философию статистики, а также уделить в нем внимание классикам марксизма, в трудах которых она представлена достаточно основательно.

Заведующая кафедрой «Маркетинг и логистика» доктор экономических наук, доцент С. В. Карпова **поздравила всех с выходом оригинального, столь нужного в вузовском учебном процессе пособия.** Она отметила, что философия является существенной основой развития креативного мышления человека вообще и студентов в частности, играет огромную роль в воспитании духа и развитии творческой мысли. Выступающая также обратила внимание на то, что соединение философии с маркетингом и логистикой будет способствовать осмыслению того факта, что последние имеют гуманитарное, личностное измерение.

Пафос выступления доктора философских наук, профессора А. Д. Иоселиани состоял в том, что философия — это не только «мать всех наук», но и светоч профессиональной деятельности! Представленная работа, отметила она, на самом деле является таким инновационным продуктом преподавателей кафедры философии, который, несомненно, будет способствовать овладению студентами и аспирантами основных принципов научного исследования. А. Д. Иоселиани подчеркнула особую важность и необходимость гуманитарного наполнения профессиональной деятельности человека словами П. К. Энгельмейера, который еще в прошлом веке писал: «Сколько вы специалиста не начинайте знаниями по профессии, это будет ученый ремесленник, пока вы ему не дадите гуманитарного взгляда на социально-экономические стороны его профессии».

Заместитель заведующего кафедрой «Философия» Финуниверситета по учебной работе профессор Н. М. Кишлакова в своем выступлении обратила особое внимание на то, что в университете на круглых столах, систематически проводимых разными кафедрами, коллеги специальных профессиональных кафедр единодушно утверждают полезность представленного Пособия для решения профессиональных задач и проблем и отмечают, что оно увеличивает осознание большой роли философии в любой научно-профессиональной деятельности человека. Даже скептически оценивающие роль философии при решении практических задач признают, что в профессиональной деятельности философия действительно помогает переосмыслить, уточнить понятия, категории и принципы, используемые в различных областях науки. В этом плане подготовленное издание может оказать неоценимую помощь.

Заведующая кафедрой «Иностранные языки-1» Финуниверситета кандидат педагогических наук, доцент Т. В. Седова **после теплых искренних слов поздравления с выходом книги** выразила готовность сотрудничать с коллективом кафедры «Философия» в деле перевода философских текстов на иностранные языки. Касаясь оценки представленной работы, Т. В. Седова особо отметила важность в профессиональной деятельности кафедры таких разделов пособия, как философия культуры, философия творчества и др.

Доктор философских наук, профессор В. П. Ратников **отметил, что** заслуга авторов представленного действительно инновационного труда становится особенно наглядной, если иметь в виду, что сегодня практически отсутствует учебная литература, которая целенаправленно раскрывала бы философские проблемы в области профессиональной деятельности. Студентам Финуниверситета в этом смысле повезло, они находятся в более благоприятном положении. Написано учебное пособие, которое поможет изучающим основной курс философии легче понять актуальность философской проблематики применительно к решению насущных практических задач. Работа поможет анализировать вопросы, связанные с соотношением курса философии и конкретных направлений профессиональной деятельности. При этом выступающий особо подчеркнул, что книга имеет большое значение не только для студентов, но и для самих преподавателей философии прежде всего с точки зрения расширения их научно-педагогического опыта. Это выражается в частности в том, что философы учатся соединять философию с конкретными отраслями научного знания и профессиями, с теми видами практической деятельности, которыми будут заниматься их нынешние студенты, будущие специалисты.

А. М. Сафаров, доцент кафедры «Банки и банковский менеджмент» Финуниверситета выразил **уверенность, что данное пособие** является книгой не только для студентов, — в первую очередь оно необходимо преподавателям специальных кафедр. Его использование в учебном процессе принесет огромную пользу и студентам и преподавателям, так как в обобщении знаний конкретных наук именно философия, философская методология выполняет главную роль. Пособие, отметил он, удачно подчеркивает тот факт, что в профессиональной подготовке гуманитарные основы являются решающими, без них невозможно

формирование личности банкира, финансиста, юриста, управленца и т. д.

На презентации книги с развернутым сообщением выступил директор издательства «Перспектива», кандидат юридических наук Л. В. Рожников, который охарактеризовал основные проблемы и перспективы издательской деятельности. Касаясь вопроса о работе над представленной книгой, он отметил, что с момента начала сотрудничества с издательством авторский коллектив Пособия сразу показал четкость, ответственность, профессионализм в своем деле, без такого подхода к работе невозможно было бы оперативное издание книги. Директор издательства пригласил членов кафедры «Философия» и других кафедр Финансового университета к продолжению сотрудничества в деле издания высококачественной учебной и научной литературы. Особое внимание Л. В. Рожников уделил тому факту, что издательство «Перспектива» свое сотрудничество с авторами не ограничивает только изданием литературы, но продолжает его в хорошо организованной маркетинговой деятельности. Издательство принимает большое участие

в реализации печатного изделия с помощью разных форм распространения, в том числе посредством классических и электронных средств, путем заключения договоров с разными сайтами, интернет-магазинами, книжными магазинами и т. д.

В завершении праздника книги выступил профессор А. Н. Чумаков, который отметил, что хотя книга, безусловно, состоялась, авторскому коллективу не следует останавливаться на достигнутом. В качестве конкретного пожелания для работы с последующими изданиями, которые, несомненно, появятся, он предложил дополнить содержание работы не только философией статистики, о чем говорил в своем выступлении профессор В. Н. Салин, но также такими важными для учебного пособия данного профиля темами, как «Философия финансов», «Философия денег» и т. п. Профессор А. Н. Чумаков поблагодарил всех за проявленный интерес к пособию и за то, что этот праздник состоялся. Он также высказал огромную благодарность всем, кто участвовал в подготовке книги, внес свой вклад в ее рождение, издание и распространение.

Философия свободы

КИШЛАКОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА, кандидат философских наук, профессор кафедры «Философия» Финансового университета.
E-mail: nmkishlakova@mail.ru

МАХАМАТОВ ТАИР МАХАМАТОВИЧ, доктор философских наук, профессор Финансового университета.
E-mail: maktair@mail.ru

Эпоха глобализации, все больше расширяющая свое социальное пространство и углубляющаяся во все сферы общественного бытия, вносит свои коррективы в содержание фундаментальных категорий философии общества. Всесторонне и творчески осмыслить новые аспекты динамично развивающейся современной философии помогают философам совместные критические обсуждения ее актуальных проблем. Как известно, в спорах рождается истина. Ярким подтверждением вышесказанного стал межвузовский и междисциплинарный круглый стол «Философия свободы и современная Россия», организованный кафедрой «Философия» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 3 декабря 2013 г.

В его работе приняли участие известные философы из МГУ им. М. В. Ломоносова, МАИ, РУДН, МАМИ, МГЮА, Института философии РАН, представители профессорско-преподавательского состава кафедр «Философия», «Прикладная психология», «Русский язык», аспиранты и студенты Финансового университета. Открывая работу круглого стола, его модератор заведующий кафедрой «Философия», доктор философских наук, профессор А. Н. Чумаков в своем выступлении «Теория и практика свободы в современном мире» говорил об объективно-историческом и многоаспектном характере процесса глобализации, в условиях которого все общественные институты, отношения и процессы приобретают универсальность, изменяют свое содержание, динамику и тенденции. Все это приводит к необходимости пересмотра категориального аппарата современной философии. Категория свободы является одной из центральных категорий социальной философии, требующей осмысления своих новых аспектов в условиях глобализации. Возможно ли сегодня говорить о формировании универсальных аспектов свободы, которые должны проявляться не только в Европе,

но и в странах Азии и Африки, в христианском, исламском, буддийском и других конфессиональных мирах? Или же вслед за С. Хантингтоном мы будем вынуждены признать тезис о столкновении принципов свободы? Что ценного в понимании свободы нам досталось в наследство от нашего социалистического прошлого и от чего мы должны отказаться, чтобы идти вперед? По словам А. Н. Чумакова, это всего лишь несколько из тех важных и актуальных вопросов, которые предполагалось обсудить в ходе работы данного круглого стола.

С основным докладом «Амбивалентность свободы в свете современной российской культуры» выступила доктор философских наук, профессор МГЮА Н. Ф. Бучило. Главной целью ее выступления было раскрытие двойственности, оборачиваемости свободы, когда, она являясь свободой в одном отношении оборачивается несвободой в системе других отношений. С точки зрения докладчика, свобода человека имеет как внутренние, так и внешние детерминанты.

Простейшей внутренней детерминацией свободы является пассивная сопротивляемость внешнему воздействию, что определяет политическую и экономическую пассивность населения. Активная сопротивляемость выступает свойством самоорганизующихся систем и проявляется в создании партий, движений, осуществлении коллективных акций. Расколотость российского общества, по словам докладчика, свидетельствует о существовании в нем двух противоположных тенденций: попытки самоорганизации и одновременной атомизации.

Понимание индивидом меры своей свободы как основы внутренних детерминантов, формируется следующими четырьмя началами:

а) имманентными начала, исходящие из принципа «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». Однако, имманентная свобода, по словам Н. Ф. Бучило, миф

и она, как минимум, облагораживается культурой, воспитанием;

б) сформированные и воспитанные внешними условиями начала, которые могут либо сделать человека свободным, либо ограничивать его свободу, подчиняя его волю внешним ему общественным институтам;

в) социокультурные начала;

г) широта и глубина картины мира индивида.

Докладчик, говоря о праве человека на частную свободу, подчеркнула, что мы не должны забывать о том, что абсолютизация индивидуальной свободы оборачивается тотальной несвободой.

Внешними детерминантами свободы человека и гражданина являются научная и художественная картина мира, как результат совокупного творческого гения человечества, религия, нравственность как некая совокупность правил и принципов, определяющих свободу воли, правовое государство, политический режим. Однако, говоря о внутренних и внешних детерминантах свободы, отметила Н. Ф. Бучило, не стоит забывать об условности, относительности деления на «внутреннее и внешнее».

Л. Е. Моторина (МАИ), кандидат философских наук, профессор, в своем выступлении говорила о видении свободы в современной России зарубежными исследователями русской философии, которые отмечают, что у нас сегодня господствует принцип «свобода от ...», а не «свобода ради ...» и установлен олигархический режим с демократическим фасадом. Однако польские, чешские и другие европейские исследователи современной российской философской мысли подчеркивают, что сейчас в нашей стране идет интенсивная разработка четвертой модели будущей России — более демократичной и открытой.

Далее, представляя слово для выступления студентке второго курса факультета «Международные экономические отношения» Финансового университета В. Файзулиной, А. Н. Чумаков подчеркнул значимость участия студентов в работе круглого стола. По его мнению, это яркое и наглядное свидетельство факта возрастания качественного уровня студенчества университета и начала возрождения в студенческой среде интереса к гуманитарным и социально-философским проблемам. Свое выступление В. Файзулина посвятила необходимости рассмотрения свободы человека через призму ее диалектического единства с ответственностью и долгом перед обществом, государством.

Заведующий кафедрой «Прикладная психология» Финансового университета, доктор психологических наук, профессор А. Н. Лебедев, принимая участие в обсуждении проблемы свободы, отметил, что при рассмотрении вопроса о свободе человека надо исходить минимум из двух моментов. Первое, что она определяется в единстве сознательного и бессознательного в человеке. Часто свобода выбора, проявление силы воли определяется бессознательным в человеческой психике. Второе, что при определении границ, сфер свободы следует учесть ее последствия для общества. Каковы последствия, например, свободы однополых браков, эвтаназии и др.?

А. Г. Буругин, начальник управления научных исследований Финансового университета, в своем выступлении подчеркнул актуальность и своевременность обсуждения проблемы свободы. По его мнению, несмотря на процесс глобализации как каждая нация, так и представители разных конфессий по своему понимают свободу. Последняя еще не вышла за рамки национальных и политических интересов. Следует признать, что за идеями разработчиков философии глобализации о мировом правительстве, космополитизме и тому подобном так или иначе продолжают скрываться интересы определенных держав.

Доцент С. А. Просеков (Финансовый университет), продолжая мысль А. Г. Буругина, отметил, что в внешне демократических США, выступающих мировым инспектором по проблемам свободы, в действительности царит строгий и жесткий контроль за действиями граждан и организаций гражданского общества. Далее перешел к анализу проблемы демократии и свободы в идеологии современного Китая.

Доктор философских наук, профессор Т. М. Махаматов (Финансовый университет) говорил о двух основных концепциях свободы: негативной и позитивной. Первая концепция свое начало берет от учения Т. Гоббса, согласно которому свобода означает отсутствие ограничений. Эту концепцию, в сущности идеалистическую и неоанархическую, продолжают развивать представители неолиберализма.

Вторая концепция корнями уходит в античность, в философию Гераклита, Сократа, Платона и Аристотеля, которые учили, что человек — политическое животное, что граждане действительно свободны только в рамках законов государства. Т. М. Махаматов предложил свое определение

свободы как «самореализации гражданина в защищенном и определенном юридическими законами социальном пространстве». Соглашаясь В. Файзулиной и А. Г. Брутиным, выступающий подчеркнул, что действительная свобода должна базироваться на а) уважении себя и осознании своего достоинства, б) уважении человеческого достоинства в другом и в) уважении своей родины, т. е. на разумном патриотизме, без скатывания в шовинизм и расизм.

В. П. Ратников, доктор философских наук, профессор (Финансовый университет), приветствуя активное участие студентов и аспирантов в работе столь представительного круглого стола, отметил, что именно свобода духа и поиск справедливости составляют основу философствования у молодежи. Далее, соглашаясь с определением профессора Т. М. Махаматова, указал на его неполноту. Несмотря на важность аспекта «свобода от чего-то», все же главным в свободе является позитивная творческая деятельность. В этой связи стоит задаться вопросом: дает ли современная Россия возможности для свободы творчества и в какой мере? Процесс глобализации, по словам В. П. Ратникова, действительно, оказывает сильное, но противоречивое влияние на свободу: с одной стороны, она расширяет ее, но, с другой стороны, ограничивает личную свободу посредством усиления, совершенствования средств контроля за людьми.

Н. М. Кишлакова, кандидат философских наук, профессор (Финансовый университет), в своем выступлении сосредоточила внимание на понимании свободы через призму идеи гуманизации потребления Э. Фромма. Необходимость изменения сущности потребления в современном обществе обусловлена неограниченным стремлением «человека потребляющего» к накоплению материальных ценностей, превращением его в бездумное, бесчувственное существо, не способное на трансформацию существующего общества в гуманную социальную систему. Однако решение проблемы «гуманизации потребления», по мнению Фромма, сопряжено с целым рядом трудностей. Одна из них заключается в том, что в условиях современного тотально организованного общества единственной сферой, в которой человек обладает иллюзией свободы, является сфера потребления. Именно в свободе потребления человек обретает ощущение своего могущества, могущества потребителя. Отказаться от этой иллюзии человек сможет

только тогда, когда исчезнет сама необходимость в «подделке свободы».

Генеральный директор строительно-технологической бизнес-школы Д. Ю. Мовшин подчеркнул, что, говоря о свободе, мы должны смотреть вперед, искать и формировать такую систему общественно-политических отношений, которая способствовала бы развитию и общества, и каждого гражданина, реализации его творческих возможностей.

В дискуссии приняли активное участие аспиранты Финансового университета, Института философии РАН, РУДН, студенты 2 курса факультета «Международные экономические отношения». Реплики и вопросы студентов свидетельствуют о характере формирующегося у них мировоззрения. Поэтому здесь уместно, хотя бы в сокращенном виде, привести их слова.

Митюков: «Действительно, западная демократия показывает разные аспекты свободы, например, свобода однополых браков. Разве это проявление свободы? В ее основании лежит мораль или право?»

Халфина: «Видимо, свобода связана с преодолением детства и осознанием своей значимости и ответственности, с осознанным самоограничением».

А. Азыркина: «СССР была великой державой. Мы перешли к демократии, но вес России в мире упал. Китай же, оставаясь социалистической страной, стал великим. Возникает вопрос: положителен ли переход к демократии, если это ведет к падению экономики и своего веса в мировой политике?»

М. Ахмедов: «Я согласен с позицией А. Г. Бурутина, что у каждого из нас свое понимание свободы. Она ограничивается свободой другого. Следовательно, мы должны думать, помнить о свободе другого».

И. Мартынова: «Думаю, что свобода должна иметь определенные ограничения. Сегодня в СМИ свободно и бесконечно, без осмысления последствий, особенно для молодых людей, распространяется информация о колдунах, экстрасенсах и т. п. Какова ценность такой свободы?»

К. Озмитель: «Под маской свободы слова и творчества в нашем искусстве идет настоящее искажение нашей истории. Один фильм Ф. Бондарчука «Сталинград» чего стоит. Таким искусством мы убиваем свою идентичность».

А. Горлач: «В свете рассуждений моих однокурсников у меня возникает вопрос: каковы границы ограничений свободы, чтобы она оставалась свободой? Не убегаем ли мы от свободы?»

А. Комарчева: «Свобода включает в себя свободу слова. В СССР за критику режима наказывали. Сейчас есть свобода слова, но есть и вопрос: будем ли услышаны?»

Ю. Родичева: «Свобода должна исходить из реальной возможности выбора».

Г. Утенов: «Осознать меру достигнутой свободы возможно на основе знания недостатков и достижений своего народа в течение его истории».

О. Клементьев и А. Аладьев считают, что свобода граждан определяется ответственностью государства перед своими гражданами и преданностью граждан национальной идее.

Е. В. Кораблева, доктор философских наук, профессор (Финансовый университет), тронутая искренней активностью студентов, заявила, что с такой молодежью у России есть будущее.

Подводя итоги работы круглого стола, А. Н. Чумаков поблагодарил профессора Н. Ф. Бучило за интересный доклад, всех участников дискуссии за проявленную заинтересованность и активность. Именно такие встречи, по словам модератора, являются лабораторией поиска и творчества. Главное — не замыкаться, быть открытым новым идеям, проблемам и подходам к их решению. Таковы требования современного этапа глобализации.

Образовательный эффект VIII Всероссийского фестиваля науки

БЕЛОГАШ МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА, доцент, заместитель заведующего кафедрой «Иностранные языки-2» Финансового университета.
E-mail: m.belogash@gmail.com

В период с 11 по 13 октября 2013 г. в Москве прошел VIII Всероссийский фестиваль науки. В нем участвовали российские вузы, научные центры и представители делового сообщества. Одной из площадок проведения мероприятий фестиваля по традиции стал Финансовый университет.

Важнейшей целью фестиваля является привлечение и закрепление молодежи в сфере науки и образования. Идея принять участие в фестивале вызывает неподдельный интерес у студентов и преподавателей нашего университета. В этом году среди большого количества участников фестиваля высокую активность проявили студенты второго курса кредитно-экономического факультета, приняв участие в проведении мастер-класса доцента кафедры «Иностранные языки-2» М. А. Белогаш по материалам кейс-стади «Vonhomme» на английском языке. Данное мероприятие имело целью вовлечь в совместную творческую работу каждого участника с максимальным использованием его научно-познавательного потенциала. Как форма познания на основе активной деятельности участников работа над кейсом позволила студентам освоить новые знания, повысить уровень владения навыками профессионально-ориентированного общения на английском языке. Технология обучения на основе кейсов является одним из активных методов обучения иностранному языку, вызывающих всплеск эмоциональной и профессиональной заинтересованности студентов. Наиболее эффективным способом решения кейса на английском языке является использование активных имитационных методов, таких как деловая игра и разыгрывание ролей.

Применение игровых методов для решения кейса в обучении профессионально ориентированному иностранному языку создает уникальную образовательную среду синергетического действия. Студенты познают особенности своей профессии и необходимые для нее компетенции, определяют адекватность собственной профессиональной подготовки, что является мощным стимулом к самообразованию

и саморазвитию. В работе над кейсом студенты провели всесторонний анализ ситуации, сложившейся в компании «Vonhomme» в результате ее поглощения крупной американской компанией. Анализ финансового положения компании и обоснование ее поглощения, выявление недостатков организационной структуры компании, определение причин неэффективности системы информационных потоков, управленческих просчетов в организации работы с персоналом, противоречий в распределении функциональных обязанностей менеджеров компании — это неполный перечень тем выступления студентов, исполнивших роли руководителей подразделений французской и американской компаний на конференции, посвященной проблемам преодоления негативных последствий поглощения. Следует отметить высокий уровень качества подготовки студентов к проведению анализа и принятию грамотных управленческих решений. В процессе решения кейса участники проявили знания обширной терминологической базы, особенностей проведения презентаций и основ этикета делового общения на английском языке.

Проведенная ролевая игра позволила студентам не только имитировать деятельность, используя определенную сумму навыков, полученных в процессе изучения базовых дисциплин, но и совершать мотивированную речевую деятельность на английском языке. Использование имитационных методов в обучении иностранному языку позволяет студенту применять свои интеллектуальные умения для оценки различных ситуаций и, что усложняет задачу, определять свой уровень владения профессионально ориентированным языком как недостаточный, адекватный или достаточный, но требующий дальнейшего совершенствования. Подводя итоги, можно заключить, что проведенный мастер-класс повысил мотивацию студентов к дальнейшему образованию и самообразованию и дал большой положительный опыт коллективной научной деятельности участников.

Глобализация: новые условия развития цивилизации

МУЗАШВИЛИ ДИАНА ЗУРАБОВНА, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Философия» Финансового университета
E-mail: gum-nauki@yandex.ru

МАХАМАТОВА САИДА ТАИРОВНА, кандидат экономических наук, ассистент кафедры «Макроэкономика» Финансового университета
E-mail: mahamatova@mail.ru

29 октября 2013 г. в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации прошла международная научно-практическая конференция, проводимая кафедрой «Философия», в рамках которой обсуждался главный вопрос научного мероприятия: проблема международных и национальных аспектов финансово-экономических и гуманитарных вызовов глобализации. В конференции приняли участие известные ученые и специалисты в различных областях из ведущих вузов России, Боливии, Турции и Азербайджана. От имени ректора гостей и участников конференции приветствовали директор Центра международного сотрудничества П. С. Селезнева, также директор центра по планированию и организации научно-исследовательской работы Финансового университета А. Г. Бурутин, которые пожелали всем участникам интересной и плодотворной работы.

Работу конференции открыл заведующий кафедрой «Философия» Финансового университета, доктор философских наук, профессор А. Н. Чумаков докладом о роли философии в осмыслении процесса глобализации. В своем выступлении он сделал акцент на необходимости и значении интеграции различных наук в осмыслении проблемы целостного мира и процесса глобализации. Одновременно в докладе были выделены те объективные основания, по которым именно философия призвана играть ключевую роль в этом процессе.

По мнению профессора А. Н. Чумакова, только философия способна к разработке холистического взгляда на мир, трансформируя мировоззрение, формируя ценностные установки, учитывая исторический контекст взаимодействия общества и природы. Кроме того, философия способна выявить тенденции и динамику социальных процессов, понять культурные и цивилизационные

аспекты общественного бытия, выявить новые смысложизненные ориентиры в условиях глобализирующегося мира.

Также необходимо отметить, что не менее значимой, по мнению А. Н. Чумакова, является и методологическая роль философии в разработке теории и языка глобальных процессов, а также вопросов глобального управления, концепции триосферы и многих других вопросов, так как в новых условиях с понятиями XX в. ученым будет трудно двигаться дальше в понимании и осмыслении проблемы целостности мира.

Вопрос о глобализации финансово-экономических рисков и путей их регулирования был освещен в докладе директора Центра исследований международных экономических отношений, доктора экономических наук, профессора Л. Н. Красавиной. В своем выступлении она отметила, что новая концепция внешней политики Российской Федерации содержит в себе не только практические, но и методологические и теоретические аспекты. Кроме того в этой концепции подчеркивается, что современный мир насыщен угрозами. Это угроза, во многом вытекающая из нестабильности в экономической и финансовой сфере мирового рынка, из также в огромных спекулятивных прибылей; угроза глобального долгового кризиса, в котором оказались и сами США, когда весь мир является их кредитором. Данная ситуация является аномальной и России необходимо разрабатывать свою программу преодоления этой угрозы.

Актуальной становится проблема стратегического риска в сфере установления экономического партнера. К серьезным рискам следует отнести инфляционный, информационный, банковский риски и риск внезапного оттока капитала. Не стоит оставлять без внимания и такие риски, как

рейтинговый, поведенческий и компетентностный. Человеческая деятельность всегда была сопряжена с рисками, поэтому столь важна проблема их теоретического осмысления в новых условиях развития человеческой цивилизации.

На конференции также выступил доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой «Макроэкономическое регулирование» Финуниверситета, первый заместитель директора Института экономики РАН Д. Е. Сорокин с докладом «Политическая экономия российского ответа на вызовы глобализации». Главным вызовом глобализации для России он считает снижение роста производительности труда, вызванное серьезными проблемами в сфере технологического развития страны. Поэтому решение проблемы модернизации экономики России, ее инновационного развития зависит в первую очередь от качественного технологического прорыва в сфере производства средств производства.

Кандидат экономических наук из Боливии А. В. Арансибия поднял вопрос о национализации углеводородов и ее влияния на экономику Боливии. Он поблагодарил организаторов конференции за предоставленную ему возможность обсуждать столь сложные проблемы сегодняшнего мира. Он также подчеркнул, что экономика Боливии базируется на добыче и экспорте нефти и газа, которые являются главным источником поступлений страны. До 2006 г. этот сектор экономики находился в руках транснациональных компаний. Национализация нефтяных компаний позволила привлечь в этот сектор огромное количество рабочей силы. Налоговые поступления в государственную казну составили 19 млрд долл. Наряду с очевидным экономическим эффектом существуют и негативные последствия. Это касается проблемы отсутствия частных инвестиций, отсрочек в выплатах по возмещению ущерба от национализации.

Тему экономических аспектов глобализации продолжила в докладе «Современный взгляд на бренд как интеллектуальный капитал компании» доктор экономических наук, заведующая кафедрой «Маркетинг и логистика» Финансового университета С. В. Карпова. Она подчеркнула, что в условиях глобализации необходим переход от линейного к кластерному видению и анализу проблем. В условиях усиления скорости распространения кризисов, обостряющих конфликт интересов различных стран, главным остается человек

и его социально-культурный статус. Необходимо отметить, что в этой связи взаимосвязь маркетинга и философии происходит через формирование понятия «философия маркетинга» как процесса использования маркетинговых принципов, касающихся человеческих и культурных ценностей.

На конференции был затронут вопрос и о роли бухгалтерского учета в условиях глобализации. Заведующая кафедрой «Бухгалтерский учет и финансы предприятия» Московского государственного машиностроительного университета, доктор экономических наук, профессор О. В. Рожнова в своем выступлении отметила, что бухгалтерский учет — зеркало всех проблем глобализации и потенциальный инструмент их решения.

Про рыночную экономику как фактор глобализации социально-техногенного развития рассказала кандидат философских наук, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянского государственного технического университета Е. А. Дергачева. В своем докладе она обратила внимание на то, что глобализация существенно усиливает негативные последствия техногенного влияния общества на биосферу. Эти последствия могут быть преодолены посредством совершенствования технологий в экономической сфере жизнедеятельности общества.

Т. М. Махаматов, доктор философских наук, профессор кафедры «Философия», в своем докладе рассмотрел проблему культуры демократии в развивающихся странах в условиях глобализации. Он подчеркнул, что универсальные принципы и институты демократии первоначально формировались и развивались в странах Европы. Под воздействием глобализации они стали проникать в страны других континентов и реализовываться через призму национальных традиций и культур. Проводя анализ процесса формирования культуры демократии в странах центральной Азии на постсоветском пространстве, профессор Т. М. Махаматов выделил четыре основополагающих его фактора: противоречивость процесса приобретения политической идентичности; присутствие влияния кланов; постепенное прекращение заигрывания власти с религией и позитивное влияние сильной президентской власти на формирование демократической культуры.

Темы о власти как генераторе коррупции в обществах азиатского типа коснулся в своем докладе Д. В. Варламов, старший преподаватель кафедры «Денежные отношения и монетарная политика»

Финансового университета. Он подчеркнул, что одним из решающих факторов борьбы против коррупции и демократизации общества является развитие мелкого и среднего предпринимательства.

О. Н. Долина, кандидат технических наук, доцент кафедры «Теория финансов», в своем докладе «Развитие теории финансов как объективная необходимость в условиях глобализации» отметила, что и сегодня вопрос о сущности финансов остается дискуссионным и в отечественной, и в зарубежной литературе. Это обстоятельство обусловлено, в том числе, и процессом глобализации. Перераспределительные процессы в современном мире все более усложняются. Увеличивается количество рисков, связанных с перераспределением рынка углеводородов. В сложной ситуации оказывается и финансовый рынок. Глобальные процессы требуют создания особых финансовых мегарегуляторов. Не менее актуально звучит сегодня вопрос и об обеспечении личной финансовой безопасности.

На конференции была затронута проблема экономической свободы и несвободы. С. Б. Варламова, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Денежное обращение и монетарная политика» Финансового университета подчеркнула, что конкуренция только тогда хороша, когда основывается на равенстве исходных условий. Однако это не всегда так, и на рынке существуют субъекты с разными возможностями. Об этом свидетельствует и современное состояние банковской системы России. Рост конкуренции приводит к выдавливанию с рынка мелких и средних банков. Но на практике очень часто работа региональных банков является более эффективной и могла бы быть очень полезной для развития самих регионов, если бы 60 процентов их доходов не отправлялись в Сберегательный банк России.

В своем докладе профессор кафедры «Философия» Финансового университета Н. М. Кишлакова затронула тему аксеологического аспекта гуманитарных вызовов глобализации. Она подчеркнула, что глобализация бросила философам серьезный вызов, ответом на который должно стать осмысление глубинных трансформаций в существующей системе ценностей. Научные дискуссии по этому вопросу стали активно вестись с конца XX в. и продолжаются до сегодняшнего дня. В них можно обнаружить как минимум две противоположные тенденции в решении поставленной проблемы.

Такие активные сторонники глобализации, как М. Кастельс, Р. Робертсон и другие, фиксируют

внимание на необратимости этого процесса и его сугубо современных экономических, политических, культурных и ценностных основаниях. Речь идет о так называемых космополитических, всемирных или глобальных ценностях, в которых национальное утрачивает свое значение в системе коллективной идентичности.

Другую тенденцию представляют противники глобализации, которые концентрируют свое внимание на ее негативных последствиях.

В выступлении Д. А. Силичева, доктора философских наук, профессора кафедры «Философия» Финансового университета, на тему «Глобализация и культурная идентичность» была затронута идея, что главным фактором, от которого зависит культура в целом, является идентичность. Примером здесь может служить Европа. Именно Европа открыла миру понятие нации, именно она всегда демонстрировала серьезные традиции культурной идентичности. Однако объединенная Европа поставила перед собой беспрецедентную задачу создания наднациональной, надкультурной идентичности. Как показывает практика, решение этой задачи сегодня серьезно пробуксовывает. Если в процессах экономической глобализации есть положительные эффекты, то с построением надкультурной идентичности дело обстоит гораздо печальнее и решение этой задачи даже в отдаленной перспективе видится утопическим.

В. Л. Курабцев, доктор философских наук, профессор, член РФО, в своем выступлении «Глобализация и национальная «непроглядность» согласился с тем, что идея создания единой системы духовных и культурных ценностей объединенной Европы утопична, поскольку немцы, французы, испанцы, итальянцы и другие представители Европы — это абсолютно разные народы и они по своему уникальны. По его мнению, даже такая общность людей, как советский народ, была более устойчивой и жизнеспособной. Современный глобальный мир демонстрирует экономическую несправедливость, радикализм, этнический экстремизм, которые порождают многочисленные этнофобии. Все это относится и к процессам, которые мы наблюдаем в современной России. Девальвируются ценности высокой культуры, идут процессы секуляризации и вестернизации. Чем дальше, тем все более очевидным становится тот факт, что создание единого географического пространства не решает остальных проблем единого человечества.

В конференции приняли участие и молодые ученые. Так, например, аспирантка кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ А. А. Ломова подняла в своем докладе проблему Мадагаскара и малагасийского общества в контексте глобальной демократизации стран Африканского континента. Она отметила, что на Мадагаскаре есть все предпосылки для развития гражданского общества, но сегодня он находится в стадии поиска своей национальной идентичности.

В. В. Тарабрин, аспирант кафедры «Философия» Финансового университета, в своем выступлении говорил об опыте социально-философской рефлексии проблемы собственности и общества. Пытаясь определить понятие собственности, он обратился к рассуждениям Милля о принципах собственности, которые, по его мнению, являются культурным кодом западной цивилизации и проповедают позитивизм и утилитаризм.

Д. Ю. Мовшин, аспирант кафедры «Философия» Финансового университета, осветил в своем докладе тему о патриотизме как специфической реакции на гуманитарные вызовы глобализации. Он подчеркнул, что одним из таких вызовов в современном мире оказывается столкновение

различных идентичностей. В нынешней сложившейся ситуации патриотизм, являясь одним из важнейших элементов ценностного ядра любой идентичности, выступает объективным механизмом, который способен регулировать взаимодействие самых разных идентичностей. Д. Ю. Мовшин считает, что в условиях глобализации патриотизм приобретает свое новое качество. Он становится специфической реакцией на гуманитарные вызовы глобализации и выступает своеобразным защитным буфером идентичностей.

В своем выступлении Д. В. Хлебникова, аспирантка кафедры «Мировая экономика и международные финансовые отношения» Финансового университета, затронула проблему реформирования МВФ в условиях глобализации валютного регулирования. Сегодня необходимы как реформа Исполнительного совета и демократизация в управлении МВФ, так и организация стратегического надзора за его деятельностью.

После докладов в рамках конференции состоялась дискуссия, в которой приняли активное участие ученые Финансового университета (профессор В. В. Викторов, профессор К. А. Зуев, профессор М. М. Скибицкий, доцент С. А. Просеков., и др.), а также гости конференции (Шен Юнус (Турция), А. О. Гезалов (Азербайджан)).

Гендерная политика городов: история и современность

ЯЛОЗИНА ЕЛЕНА АЛЕКСЕЕВНА, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Экономическая история и история экономических учений» Финансового университета
E-mail: elena_yalozina@mail.ru

23–25 октября 2013 г. в Харьковском национальном университете городского хозяйства им. А. Н. Бекетова (Украина) прошла III международная научно-практическая конференция «Гендерная политика городов: история и современность». Это был масштабный и резонансный форум с участием ученых, общественных деятелей, представителей муниципальных структур, чья исследовательская и практическая деятельность нацелена на рефлексию актуальных проблем, связанных с влиянием гендерного фактора на все сферы жизни общества.

Организаторам конференции удалось сформировать широкий круг участников. Это ученые — историки, педагоги, политологи, психологи, социологи, философы, экономисты, а также эксперты по вопросам обеспечения равных прав и возможностей женщин и мужчин; представители общественности, специалисты органов местного самоуправления. На форум съехались более ста представителей из Австрии, Азербайджана, Белоруссии, Германии, Казахстана, Российской Федерации, Украины, США. Партнерами Харьковского национального университета по конференции стали Министерство образования и науки Украины, Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ), международный фонд «Возрождение» (проект «Киевский диалог»), Институт «Go-Governance», (Вена, Австрия), Международный проект «OPEN for young women». Конференцию активно поддержали Всеукраинская сеть Гендерных центров вузов, Всеукраинское женское общество имени Елены Телиги, Программа ООН «Женщины в Украине».

Конференция торжественно открылась пленарным заседанием в зале Ученого совета Харьковского национального университета городского хозяйства им. А. М. Бекетова (музейный комплекс). Лейтмотив пленарных заседаний — интенсификация и экстенсификация гендерной методологии,

междисциплинарный характер теории и практики гендерных исследований. Особо отмечалось, что феномен городского пространства должен быть описан гендерной парадигмой, через особенности восприятия и уровень удовлетворения потребностей разных половозрастных категорий жителей. Европейские механизмы формирования гендерно справедливого жизненного пространства города были представлены в выступлении Урсулы Бауэр (Австрия) — руководителя отдела гендерного мейнстриминга Венского городского совета и координатора проектов по организации и безопасности города. Бригитта Цепф (Германия) — заместитель бургомистра г. Швайг (регион Нюрнберг, Германия) — обозначила векторы трансформации роли женщины в немецком обществе и показала структуру гендерной политики на местном уровне. Марина Лось (Украина) — координатор проекта «OPEN for young women» — акцентировала внимание на политике противодействия торговли людьми, прежде всего молодыми женщинами, в программе трудовой миграции «Украина–Германия–Украина». Паула Старре (Германия) — исследовательница Хемницкого технического университета — охарактеризовала политику создания равных возможностей в получении образования мамами-студентками (система льгот, выплат на детей, воспитывающихся в студенческих семьях).

В пленарных выступлениях были подняты вопросы формирования социальной политики большого города (гендерный аудит города, гендерное бюджетирование), а также интеграции гендерных индикаторов в стратегии устойчивого развития городов. Директор НИИ социальных и гендерных исследований Каздержжипна, эксперт Национальной комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте Республики Казахстан, доктор философских наук Замза Кодар акцентировала внимание на роли комиссий из представителей различных организаций при органах власти, в компетенции которых находятся

вопросы гендерной политики. Профессор Белгородского университета кооперации, экономики и права, Г. Ельникова, представившая «Социальный портрет российской городской женщины», отметила гендерные изменения в российской науке и высшем образовании. Профессор Киевского университета им. Бориса Гринченко Л. Гонюкова и директор Центра гендерных исследований профессор Тернопольского национального педагогического университета имени В. Гнатюка О. Кикинежди настаивали на важности и необходимости гендерного аудита программ высших учебных заведений. Профессор Харьковского национального медицинского университета Е. Карпенко акцентировала внимание на особенности восприятия гендерной политики в украинском обществе, отношении церкви к этому вопросу, влиянии культуры постмодерна на гендерную идентификацию. Роль Музея женской и гендерной истории как хранителя и ретранслятора гендерных идей осветила его директор Т. Исаева. С интересом участники конференции выслушали доклад заместителя главы Харькова по вопросам охраны здоровья и социальной защиты населения профессор С. Горбунову-Рубан. Было отмечено, что в работе муниципальных структур особое внимание сфокусировано на создании достойных условий жизни как для женщин так и для мужчин, реализации их потенциалов в профессиональной, семейной, экономической, политической и социальной сферах.

Работа участников конференции была организована по пяти тематическим секциям: «Конструирование гендерной идентичности в контексте исторических трансформаций городов»; «Формирование гендерно чувствительных вузов»; «Гендер: социокультурные контексты города»; «Гендерный аудит городского пространства»; «Гендерная демократия на местном уровне и гендерное бюджетирование». Такое структурирование работы конференции оказалось весьма удачным, так как предоставляло ее участникам возможность лучше познакомиться с исследованиями коллег в области гендерной истории, философии, экономики, урбанистики. Руководители секций отмечали, что, несмотря на насыщенный график работы, удалось находить время и для обстоятельных ответов докладчиков, и для плодотворных дискуссий.

В рамках секционной работы научно-практической конференции интересным был «взгляд со стороны» на гендерные проблемы исследовательницы из США Карен Саттон (о гендерной

ассиметрии в повседневной жизни в Украине). Особое внимание участников привлек доклад магистрантки Киево-Могилянской академии Д. Панкратовой, посвященный гендерному анализу памятников в центральной части Киева. Профессор Харьковского медицинского университета Н. Мартыненко в выступлении на тему «Гендер и здоровье ребенка» показала зависимость расстройств здоровья ребенка от морального климата в семье. Интересные и малоизвестные факты истории Харькова и формирования его послевоенного архитектурного образа ярко осветила Н. Трипутина. Зам. директора краеведческого центра Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина О. Вовк рассказала о проектах В. Н. Каразина, нацеленных на развитие женского образования в Российской империи. В ходе обсуждения доклада О. Николаенко «Польские горожанки Приднепровья в конце XIX–начале XX в.» была поднята проблема самостоятельного ведения бизнеса женщинами в ту эпоху. Ю. Савельева, координатор проекта «Университет, дружественный к семье», гендерного центра Сумского государственного университета, отметила необходимость внедрения гендерно-чувствительных инициатив в вузах Украины. В частности, коллега акцентировала внимание на создании благоприятных условий для сбалансирования профессиональных и семейных обязанностей студентов, сотрудников.

Значительный интерес представляла собой работа секции «Конструирование гендерной идентичности в контексте исторических трансформаций городов» (сопредседатели секции: О. Рябченко и М. Воронина). Она включала значительное число участников (26 человек), среди которых были представлены и ученые России — исследователи отечественной гендерной истории: Н. Л. Пушкарёва (Институт этнологии и антропологии РАН, Москва), А. В. Белова, О. И. Лисицына (Тверской государственный университет), А. В. Емельянова (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург), А. Ю. Рожков, Ю. А. Микуленок (Кубанский государственный университет, г. Краснодар), С. С. Мухина, С. В. Канныкин (Старооскольский технологический институт (г. Старый Оскол), В. Н. Паршина (Пензенский педагогический институт имени В. Г. Белинского), Е. А. Ялозина (Финансовый университет при правительстве Российской Федерации (Москва).

Своеобразие конференции — это презентация пилотных проектов гендерного аудита городского пространства. Объектами внимания стали парки и детские площадки, социальные территории для организации качественного досуга жителей украинских городов Харькова, Чугуева, Комсомольска. В выполненных проектах благоустройства городских территорий гендерные индикаторы были включены в систему планирования и проектирования рекреационных территорий города. Участники конференции обращали внимание представителей органов местного самоуправления на необходимость активизации работы по включению гендерных индикаторов качества городского пространства в муниципальную политику.

В рамках культурной части программы конференции для ее участников были организованы экскурсии по Музею женской и гендерной истории и музейному комплексу университета, посещение

оперного театра. На сайте Харьковского национального университета городского хозяйства им. А. Н. Бекетова опубликованы два пресс-релиза и представлен фотоархив конференции. По итогам работы III международной научно-практической конференции «Гендерная политика городов: история и современность» выпущен сборник материалов.

Автор статьи выражает признательность членам организационного комитета конференции, коллегам из Харьковского национального университета городского хозяйства им. А. Н. Бекетова: О. Л. Рябченко, профессору, зав. кафедрой истории и культурологии, председателю Харьковской областной организации Всеукраинского женского общества имени Елены Телиги, а также Г. Г. Фесенко, доценту кафедры истории и культурологии — за научное сотрудничество и предоставленные материалы.